

Мария Геррер

Наваждение. Книга 1. Наваждение и благородство

© Геррер Мария

© ИДДК

Глава 1

Неверный свет полной луны заливал развалины старой мельницы. Высокий молодой мужчина стоял, устало прислонившись к кирпичной стене. В его руке поблескивал нож, и черная кровь медленно стекала с лезвия на землю. У ног мужчины лежали два убитых крупных зверя, похожих на волка. Туша третьего валялась чуть поодаль.

Мужчина провел рукой по лицу и заметил на ладони кровь.

– Все-таки задела, ведьма, – зло прошептал он.

Его светлые длинные волосы спутались и прилипли ко лбу. Мужчина нетерпеливо откинул их назад, затем сделал над собой усилие, наклонился к чудовищам и срезал у каждого по клочку шерсти с загривка. Завернул их в платок и убрал в нагрудный карман темного сюртука, на котором пятна крови были почти не видны. Потом покинул развалины и спустился к ручью. Умылся и присел на мостки, глядя в темноту. Сегодня он страшно устал и едва не погиб. Но охота прошла удачно.

Вдали блестели огни Златогорска. Пора возвращаться. Мужчина поежился и направился к автомобилю, стоящему на вершине небольшого пригорка. Днем снова будет ужасная жара. Лето 1915 года выдалось на редкость странным – знойные дни и очень холодные ночи.

Молодой человек сел за руль и снова взглянул на город, размышляя, куда поехать. Надо снять напряжение, отвлечься. Можно навестить Полину, но она будет задавать неуместные вопросы о его внешнем виде. Графиня слишком любопытна. Нет, сейчас ему это не надо. Он хочет просто отдохнуть. Тогда выбор очевиден – заведение мадам Лулу и ее девочки. Там царит веселье, вино льется рекой, и никто ни о чем не спрашивает.

Утробно заурчал двигатель, открытый автомобиль покатил вниз и вскоре вырулил на дорогу. Справа и слева от нее мелькали пологие холмы, заросшие густым лесом. Ближе к городу их сменили фруктовые сады, и вот уже колеса зашуршали по брусчатке Златогорска. Редкие газовые фонари освещали пустые улицы, кидая длинные зловещие тени на фасады спящих домов рабочего предместья.

Свое название провинциальный Златогорск получил вовсе не потому, что в его окрестностях добывали золото – того там просто не могло быть. Существовала старинная легенда о жестокой шайке лихих людишек, которая давным-давно хозяйничала в этих местах. Удачливые разбойники награбили несметные сокровища и спрятали их у подножия одной из гор, окружавших город.

Златогорцы многие годы пытались найти эти богатства – кто с помощью лопаты, кто с помощью древних заговоров, – но безуспешно. Со временем традиция искать приметы спрятанного клада в день летнего солнцестояния превратилась в местный праздник.

Вскоре автомобиль въехал в фешенебельный центр разросшегося города. Вместо газового освещения появилось электрическое. В этом районе жизнь продолжала бурлить даже ночью. За богато накрытыми столиками модных ресторанов праздно проводили время нувориши. Музыка в увеселительных заведениях не смолкала до рассвета.

Всего несколько десятилетий назад это был тихий провинциальный городок, похожий на сотни других, разбросанных по обширной Империи. Однако и сюда добралась промышленная революция.

Златогорск начал бурно развиваться. На его окраинах построили многочисленные заводы и фабрики, проложили железную дорогу с удобным и современным вокзалом, возвели небольшую электростанцию. Рядом со старенькой пассажирской пристанью вырос грузовой порт, где постоянно загружали и разгружали баржи с лесом, песком, строительными материалами и разнообразными заграничными товарами. Телефонная станция своим оборудованием не уступала столичным.

Теперь жизнь в Златогорске била ключом. Город разрастался быстро и хаотично. Старые деревянные усадьбы с высокими заборами и маленькими фруктовыми садами соседствовали с доходными домами в три, пять, а то и больше этажей, оснащенными электричеством, водопроводом, телефоном и даже лифтом. Шикарные магазины,

рестораны и кофейни манили огромными стеклянными витринами. А рядом ютились лавочки и трактиры, которые стояли здесь с незапамятных времен.

Молодой человек остановил свой роскошный автомобиль у двухэтажного здания, украшенного майоликой с алыми маками. Вышел из машины и нетерпеливо потянул ручку звонка. Через мгновение тяжелые двери распахнулись, и сладкий запах розы и жасмина обдал посетителя. Он улыбнулся и переступил порог сомнительного, но очень дорогого заведения.

Высокий фамильный дом барона фон Берга стоял на крутом берегу широкой реки, и закатное солнце заливало его золотистым светом. Тишина и покой, казалось, витали в воздухе.

На востоке, в отдалении от поместья, за уже вечерним сизым маревом, подобно далекому миражу, дымил трубами один из многочисленных, разбросанных по всей стране заводов. Это было первое и любимое детище старого барона, так как именно с него началась оружейная империя семьи фон Бергов.

Хотя барон был уже не молод, он лично контролировал работу предприятий и зорко следил за процветанием своего дела. Фон Берг был очень недоверчив во всему, что касалось его промышленной империи. Только недавно он начал привлекать к делам управления своего старшего сына и наследника.

На террасе родового гнезда фон Бергов в широком плетеном кресле расположилась хрупкая, немного бледная девушка лет восемнадцати. Она читала книгу и время от времени поглядывала на мальчугана, сидевшего на полу на ярком восточном ковре и игравшего в оловянных солдатиков. Темные волосы девушки были гладко зачесаны и собраны на затылке. Одета она была неброско, но со вкусом – скромное шелковое платье цвета кофе с молоком с большим белым кружевным воротником и манжетами подчеркивало ее изящную и гибкую фигуру.

Девушку звали Екатерина Несвицкая. Последняя представительница древнего и славного, но обедневшего дворянского рода год как окончила Институт благородных девиц. Несколько лет назад она осталась круглой сиротой. Свою мать Екатерина не помнила, та умерла, когда девочке было три года. Отец девушки разорился после неудачного вложения капиталов в сомнительную компанию, и родовое имение пришлось продать.

Чтобы содержать дочь и дать соответствующее ее положению образование, Несвицкий был вынужден работать управляющим у барона Александра Львовича фон Берга. За свой усердный многолетний труд отец Екатерины заслужил уважение промышленника и удостоился его искренней дружбы. И когда друг скоропостижно скончался от воспаления легких, барон стал опекуном сиротки.

Старому барону было шестьдесят пять лет. Этот крупный, высокий, еще крепкий мужчина с густой седой шевелюрой и пышными усами производил впечатление спокойного и благодушного дворянина. В семье и с друзьями барон был сердечен, но дела вел жестко и с конкурентами обходился безжалостно.

Кроме того, он был благотворителем и много сделал для города и его жителей. Его стараниями был открыт приют для сирот, построен поселок для рабочих завода со школой и больницей.

К Екатерине барон относился по-доброму, хотя и соблюдал приличествующую его положению дистанцию. По вечерам он любил играть с подопечной в шахматы или слушать, как она музицирует на рояле в гостиной. Александр Львович ценил и уважал девушку за ее доброту и независимый нрав.

Фон Берг оплатил пребывание Екатерины в Институте, а после его окончания пригласил поработать гувернанткой младшего сына. Правда, всего на год, до поступления мальчика в закрытую гимназию, где он будет проживать в течение всей учебы.

Год истекал в конце лета. И хотя барон обещал Екатерине дать отличные рекомендательные письма и помочь найти достойное место, она понимала, что рассчитывать следует только на себя.

Она недавно вступила в совершеннолетний возраст и могла сама решать свою судьбу. Барон любезно предложил помощь в поиске подходящего жениха с приглашением свахи, но девушка благодарно отказалась.

Незавидное приданое Екатерины вряд ли могло заинтересовать приличествующих ее статусу претендентов, способных составить ей партию. Девушка осознавала, что ей в лучшем случае «посчастливится» выйти замуж за сына купца средней руки или за какого-нибудь мелкого чиновника и посвятить свою жизнь нелюбимому скучному мужу, нарожать детей, следить за хозяйством, ругаться с кухаркой, варить варенье и погрязнуть в быту. Этого ей совсем не хотелось.

Либо надо собрать волю в кулак и добиться того, о чем всегда мечтала. А мечтала Екатерина жить не только для себя, но и приносить реальную пользу. И это были не просто романтические фантазии юной впечатлительной барышни.

Екатерине нравилась химия и ботаника, она увлекалась травами и намеревалась стать врачом или провизором в аптеке. Для этого ей надо было поступить на женские курсы при Медицинском Университете. А это требовало денег, и не малых.

Для начала Екатерина решила продать часть драгоценностей, которые составляли ее небольшое приданое. Кроме того, ей удалось за год работы гувернанткой накопить некоторую сумму. Это позволило бы ей первое время снимать жилье и оплачивать обучение.

Девушка собиралась много работать и усердно учиться. Теперь она готовилась к вступительным экзаменам.

Екатерина отложила книгу и подошла к балюстраде террасы. Жара еще не спала. Долгий летний день клонился к закату. Девушка смотрела на раскинувшийся перед ней пейзаж. За рекой простирались бескрайние дали. Вдоль берега паровоз, пытая, тяжело тянул груженные вагоны с завода барона в сторону грузового порта, расположенного недалеко от города.

Екатерина увидела, как по дороге, ведущей от завода к поместью, мчится серебристый открытый автомобиль, ярко блестя в лучах заходящего солнца хромированной решеткой радиатора.

Это ехал старший сын барона – Генрих. Екатерина слегка удивилась: сегодня была пятница, а Генрих приезжал в имение, как правило, по воскресеньям. Пятницу и субботу он проводил в театрах, ресторанах и клубах, как и положено богатому и независимому аристократу. Молодой барон жил в своей роскошной квартире в центре города, но с отцом виделся почти каждый день в заводууправлении.

«Возможно, что-то случилось, – машинально подумала девушка, – Ну да что мне до этого».

Она и представить не могла, что этот визит радикально изменит ее размеренную жизнь и последствия его будут самыми непредсказуемыми. И для нее, и для молодого барона.

Через несколько минут автомобиль резко затормозил на подъездной площадке перед парадным крыльцом. Под колесами громко зашуршал гравий.

Из машины вышел высокий молодой человек лет двадцати семи. Небрежно сняв кожаные автомобильные перчатки, он бросил их на сидение. Длинные светлые волосы упали мужчине на лицо. Он нетерпеливо откинул их назад и уверенной походкой поспешил в дом.

Аристократ до мозга костей, наследник фон Берга слыл светским львом и повесой. Эгоист и сноб, как говорили о нем, молодой барон был красив и сложен, подобно античному богу. Получив блестящее образование, он мог поддержать любую беседу и вызывал у женщин различных возрастов и сословий учащенное сердцебиение.

Генрих умел очаровывать и при этом казался холодным, как лед. Вольно или невольно, но он разбил немало женских сердец.

Будучи завидным женихом, наследник огромного состояния не спешил связать себя

узами Гименея. Предпочитал сохранять свободу и наслаждаться ее дарами. При этом успевал работать в заводской конторе, прекрасно справляясь с обязанностями, не так давно возложенными на него отцом.

Старый барон радовался деловой хватке своего старшего сына. Но его серьезно печалил моральный облик и слишком легкомысленное отношение к жизни наследника славного рода.

Генрих постоянно оказывался в центре светских событий и часто попадал в сомнительные истории. Он не раз участвовал в дуэлях, но всегда выходил из них победителем.

Екатерина старалась как можно реже встречаться с этим молодым человеком – она считала его чересчур высокомерным и заносчивым. Генрих всегда держался с гувернанткой брата подчеркнуто вежливо и безразлично. Как, впрочем, со всеми слугами в доме, как бы показывая, что их разделяет бесконечно глубокая пропасть.

Тем не менее несколько раз он снисходил до разговора с Екатериной на довольно острые темы. Девушка с жаром отстаивала свое мнение, и это, похоже, очень веселило молодого аристократа. Однако вел он себя всегда корректно и учтиво.

Девушка опять взялась за книгу – до экзаменов оставалось чуть больше месяца. Через некоторое время вошла горничная и позвала мальчика:

– Андрей Александрович, вас папенька зовет!

Мальчик бросил солдатиков, схватил деревянную саблю и, размахивая ею, радостно помчался к отцу.

– Андрюша, осторожнее, не упадите! – Екатерина легко поднялась с плетеного кресла и поспешила вслед за своим воспитанником в комнату.

– Не беспокойтесь, мы погуляем по парку до ужина, – Александр Львович взял младшего сына за руку и повел его к высоким стеклянным дверям, выходящим в парк.

Екатерина вернулась и продолжила читать, но услышав шаги, положила книгу на балюстраду и обернулась. На террасу с сигарой в руке вышел Генрих.

Как всегда безукоризненно и элегантно одетый, со скупающим выражением лица он безучастно поприветствовал Екатерину и спросил, кивнув на сигару:

– Не возражаете?

– Нет, – коротко бросила девушка. Мог бы и не спрашивать, она здесь всего лишь гувернантка.

Молодой барон выглядел усталым. На лбу у него Екатерина заметила длинную ссадину, которую тот пытался прикрыть прядями светлых волос, спадавшими на лоб и почти закрывавшими глаза цвета холодной стали.

Генрих с наслаждением вдохнул ароматный сигарный дым и подошел к Екатерине.

– Простите, я должен был предложить вам... – он достал из кармана серебряный портсигар, раскрыл его и протянул девушке.

– Благодарю, я не курю, – строго ответила она. Неужели можно предположить, что девушка-гувернантка курит? Она ратует за равноправие мужчин и женщин, но причем тут сигареты? Это же просто глупо. Или это насмешка над ее жизненными принципами? Она кинула быстрый и пытливый взгляд на Генриха.

– Правильно, вредная привычка. И мне надо бросать. – Он затушил сигару. – Что читаете? – то ли из приличия, то ли от скуки безразлично спросил молодой аристократ.

Он меланхолично взял книгу, лежавшую на балюстраде, и с некоторым недоумением прочитал название вслух: «Практическое применение лекарственных растений в медицине».

- Зачем вам это? – с равнодушным удивлением поинтересовался Генрих.

- Буду поступать на курсы при Университете.

- Зачем?

- Странный вопрос. Вы же закончили Инженерную академию.

- Я – мужчина, мне это нужно, я работаю. Вы не будете работать, скоро выйдете замуж, будете воспитывать детей, радовать мужа, вести хозяйство. На курсы просто потратите время и деньги. Обучение вам не по карману, – Генрих говорил все так же спокойно. Казалось, его мысли блуждали где-то далеко.

Его замечание возмутило девушку, так же как и его тон. С таким же успехом он мог вещать стене или дереву, росшему перед верандой.

- Позвольте мне самой решать, что мне нужно, а что нет! И не считайте мои деньги, – довольно резко ответила она.

- Конечно-конечно, это ваше право. Просто дружеский совет.

- Мы с вами не друзья, я всего лишь гувернантка! – продолжала горячиться девушка.

Было видно, что происходящее стало забавлять Генриха.

- А вы занятная особа, оказывается! – впервые улыбнулся он.

Екатерина подняла на него темные карие глаза, полные возмущения. Если бы взгляд мог испепелять, от Генриха осталась бы горстка пепла.

- У меня есть имя! – гневно воскликнула девушка. Все-таки она не прислуга, чтобы так с ней разговаривать.

- Простите, Екатерина Павловна, не хотел вас обидеть, – нельзя было понять, говорит баронский сынок серьезно или с иронией. – У меня сегодня выдался тяжелый день, очень устал... Много работы на заводе и в конторе.

- Не знала, что вы много работаете. Лоб на работе ободрали? – съязвила девушка.

- Вы много чего не знаете... Лоб ободрал на Службе, а не в ресторане и не на дуэли, как вы, очевидно, решили. Поверьте, я не только развлекаюсь... Не стоит судить о людях по слухам и сплетням. Это будет слишком поверхностное мнение, – нравоучительно сказал Генрих, достал золотые карманные часы на массивной цепочке и посмотрел на них. – Скоро подадут ужин, разрешите проводить вас к столу.

Он предложил Екатерине руку. Девушка вскинула голову и гордо прошла мимо, сердито шурша шелковым платьем.

Глава 2

За столом в просторном зале с высоким расписанным в античном стиле потолком и огромной хрустальной люстрой собралась вся семья старого барона Александра Львовича фон Берга, а именно он сам и два его сына – старший Генрих и младший Андрей. Кроме того, на ужине, как всегда, присутствовала гувернантка Андрюши Екатерина Павловна Несвицкая.

Все молчали. В воздухе висело напряжение. Старый барон был чем-то озабочен, остальные тоже не находили повода для оживленной беседы.

Греческие боги бесстрастно взирали на небольшое общество, собравшееся внизу.

Легкий ветерок проникал через открытые окна в сумрачную столовую и тонко звенел в прозрачных подвесках. От этого неловкая тишина, царившая за трапезой, только усиливалась.

Генрих иногда бросал на девушку-гувернантку быстрый взгляд исподлобья. Симпатичная, пожалуй, даже красивая, если, конечно, ее одеть и причесать соответственно. Держится весьма сдержанно и с большим достоинством. Не боится отстаивать свое мнение и очень забавно горячится, когда спорит. Однако в ней нет ни грамма жеманства, кокетства или показной скромности. Она радикально не походила на девиц и дам, с которыми ранее сводила его судьба. И она начала не на шутку интересоваться молодого повесу своей новизной и невинностью.

Когда длинный и скучный ужин, наконец, завершился, Екатерина и ее воспитанник отправились в библиотеку почитать на ночь сказки, которые Андрюша очень любил. Мальчик держал свою воспитательницу за руку и что-то живо и увлеченно ей рассказывал. Она внимательно слушала его и негромко отвечала.

В ее обращении с сыном собственного опекуна не было фальши или ложной заинтересованности. От Генриха не ускользнуло, что гувернантку и ее подопечного связывали нежная дружба, доверительные отношения и полное взаимопонимание. Он проводил их долгим взглядом.

Как он раньше не заметил эту девушку? Ну да, она не отличается навязчивой яркостью, ее внешность не бросается в глаза. Ярких и броских девиц с избытком хватает в свете. И они все похожи одна на другую, различаясь между собой только цветом и фасоном платья. А эта скромная гувернантка интересна просто как человек – с независимым характером и смелым суждением. Да, необычная девушка...

От неуместных размышлений о молодой гувернантке Генриха отвлек отец – глубоко вздохнув, он пригласил старшего сына в кабинет. Там плотно закрыл двери, машинально поправил медный письменный прибор на столе, и задумался, словно не зная, как правильнее начать. Неспешно раскурив трубку, Александр Львович, наконец, приступил к беседе:

– Генрих, присядь. Я позвал тебя не просто так. Через неделю я уеду с ревизией по нашим отдаленным заводам. Это займет несколько месяцев. Поэтому мне необходимо серьезно поговорить с тобой до моего отъезда.

Предполагая, что отец опять будет выговаривать ему за праздность, Генрих обреченно опустился в большое кожаное кресло с высокой спинкой. Тоска и скука накрыли с головой. Он терпеть не мог нравоучений – пустая трата времени, тем более что менять свой образ жизни он не собирался ни при каких условиях.

В кабинете пахло дорогим табаком. За окнами ветер теребил кроны деревьев. Любимая борзая барона по кличке Вьюга сочувственно заглянула Генриху в глаза и ткнула его в руку мокрым носом.

– Меня очень волнует твое будущее. Ты умен и талантлив, но вместе с тем слишком несерьезен. Тебе пора остепениться...

Барон старался подбирать нужные слова, и это насторожило Генриха. Когда отец ругал его за неподобающее поведение, то не стеснялся в выражениях.

– Отец, перейдем к делу, прошу вас.

Генрих сильно устал, был нетерпелив и желал побыстрее закончить разговор.

– Вижу, вы не намерены читать мораль о моих так называемых похождениях... Простите, но я сегодня ужасно вымотался на заводе и хочу немного отдохнуть... Так что же вы от меня ждете? – Генрих хотел быть почтительным с отцом, но утомление давало себя знать.

– Не перебивай и слушай, – резко одернул сына барон. – Мой новый деловой партнер, банкир Розенфельд, ты его знаешь, сделал мне предложение о слиянии капиталов. Это очень выгодно для нашего дела, как ты, надеюсь, понимаешь.

Барон мерно расхаживал по кабинету. Дубовый паркет тихо поскрипывал под его грузными шагами.

– Безусловно, но причем тут я? Подобные решения всегда принимаете вы. Хотите сделать меня равноправным партнером? – Генрих несколько оживился.

– Пока нет, но возможно в ближайшем будущем. Все будет зависеть только от тебя и от твоего подхода к работе и к жизни. Ты много времени проводишь празднично и бесцельно. Эти вечные балы, театры, клубы... Эта твоя любовница с сомнительной репутацией интриганки и авантюристки. Все это не украшает ни тебя, ни нашу семью. И это меня беспокоит...

– Я молод. Вспомните себя в моем возрасте. Мадам Лулу до сих пор с теплотой описывает ваши кутежи в ее заведении до женитьбы на моей матушке. Я успеваю выполнять все ваши поручения и пожелания по управлению заводом. Кроме того, не забывайте о моем Служении...

Александр Львович поморщился. О Служении сына он думать не любил – отец старого барона, дед Генриха, будучи на смертном одре запретил говорить и задавать вопросы на эту тему.

– Тебе пора подумать о женитьбе и о продолжении рода фон Бергов. Хорошая партия сделает тебя более уравновешенным и удержит от опрометчивых поступков, которых в последнее время чересчур много. Конечно, подобрать подходящую невесту непросто... – барон осторожно приближался к щекотливой теме их встречи.

– Вы хотите, чтобы я женился? Или речь идет о слиянии капиталов? – молодой повеса насторожился.

– Слияние капиталов будет заключаться в твоём браке с дочерью банкира Розенфельда – Эвелиной, – заявил барон тоном, не терпящим даже попытки возражения.

Это был сокрушительный удар, нанесенный в спину. Такого Генрих от отца не ожидал.

Эвелина Розенфельд – девица на выданье с колоссальным приданым из знатной семьи – отличалась исключительным высокомерием и редким снобизмом. При этом она была невероятно худа, жеманна, напоминала сушеную воблу с лошадиной улыбкой и легким намеком на косоглазие.

Ее отец ревностно хранил любимую дочь и единственную наследницу от посягательств всякого рода аферистов и охотников за приданым. А женихи, которые могли удовлетворить высоким запросам Розенфельда, шарахались от Эвелины, как от привидения.

На этот раз своей жертвой Розенфельд решил выбрать Генриха фон Берга – молод, не дурен собой, знатен и главное, очень богат. Как говорится, попытка не пытка.

– Нет, нет и еще раз нет! – горячо запротестовал Генрих. – Вы с ума сошли! Никогда и ни за что!

Он встал и нервно зашагал по комнате:

– Только этого мне не хватало!

– Не перебивай и сядь! – снова одернул его отец. – Конечно, я бы предпочел другую партию для тебя, но отказ Розенфельду очень и очень нежелателен – мы недавно начали наше сотрудничество, как ты знаешь... К тому же Розенфельды – старинный немецкий род. Эвелина, возможно, не так уж красива, но она и далеко не так глупа, как может вначале показаться...

– Отец! Да вы себя слышите?! Вы пытаетесь убедить меня и себя, что Эвелина не уродина и не дура, хотя прекрасно знаете, что это именно так и есть. Вы готовы продать меня Розенфельду ради процветания компании?! – возмущению Генриха не было предела.

Александр Львович предполагал подобную реакцию сына. В глубине души он был с ним полностью согласен. Думая об этом браке, он даже немного сочувствовал Генриху.

– Я тебя понимаю, но и ты должен понять сложившуюся ситуацию. Отток капитала повлечет за собой серьезные проблемы...

– Батюшка, прошу вас, послушайте меня! – голос Генриха зазвучал умоляюще и взволнованно. – Вы были женаты дважды, и оба раза были счастливы в браке. На моей матери вы женились поздно, вам было уже тридцать восемь лет. Я помню, как матушка любила вас, и как вы обожали и боготворили ее. У меня было счастливое детство и любящие родители. Второй раз вы женились тоже по любви на дочери простого аптекаря и тоже были счастливы, несмотря на разницу в возрасте и в социальном положении. Вы дважды овдовели, у вас есть два наследника. Не торопите меня с женитьбой, позвольте найти жену по сердцу, а не по деньгам. Уж если так необходимо слияние капитала, женитесь на Эвелине сами! А мне такого «счастья» не надо ни за какие блага!

Последний аргумент был довольно веский. Старому барону такая мысль даже в голову не приходила. Поэтому он внял голосу разума и чуть смягчился. По взгляду отца Генрих понял, что тот колеблется.

– Вы хотите получить внуков, похожих на дочь Розенфельда? – продолжил наступать Генрих. – Вам нравится иметь заносчивых и высокомерных родственников? Можете лишить меня наследства, но я на ней не женюсь! – категорически закончил он и резко поднялся.

Борзая одобряюще лизнула ему руку, продолжая заглядывать в глаза и радостно вилять хвостом, приглашая на прогулку. Он потрепал собаку по голове и почесал за ушами. Бескорыстно преданное создание... Ее не интересуют деньги и браки по расчету. Она любит Генриха уже потому, что он ласкает ее и играет с ней. А что ему делать с Эвелиной? Он даже руку ее не сможет поцеловать без содрогания, не говоря уже обо всем остальном...

– Но возможно, если ты все-таки женишься на Эвелине, дети будут похожи на тебя... Хотя не факт... – барон вздохнул. – Розенфельд намекнул мне, что был бы рад такому зятю, как ты. Конечно, это всего лишь намек, но... Все-таки подумай о возможности этой женитьбы, взвесь все за и против. Я не могу просто так отказать Розенфельду...

– Хорошо, я подумаю, но это ничего не поменяет. И у меня есть причины противиться этой помолвке.

– Какие? Не придумывай отговорок, – с досадой отмахнулся от него отец. – Кстати, Розенфельды будут у нас завтра, поэтому я и велел тебе приехать в поместье на пару дней. Так, небольшой прием, приглашены еще несколько человек. Это, разумеется, только визит, не смотрины, но ты же понимаешь... По крайней мере, будь с ними учтив и вежлив, присмотришься к Эвелине, попробуй увидеть в ней что-то положительное... А потом мы все спокойно и взвешенно обсудим. К тому же, кажется, Эвелина неплохо образована, много путешествовала и отлично танцует...

«Что положительное можно увидеть в этом высокомерном крокодиле? – с раздражением подумал Генрих. – Прекрасная черта характера – отлично танцует! И все. Больше ничего хорошего в ней даже отец не разглядел. Что же мне с ней, всю жизнь танцевать?» Его невольно передернуло.

Недовольство Генриха усилилось. Он часто встречал Эвелину Розенфельд в свете. Она вызывающе призывно сверкала бесчисленными бриллиантами и смелыми туалетами. И ее всегда бдительно сопровождали либо оба родителя, либо одна матушка. Однако желающих добровольно покуситься на их драгоценную дочь среди состоятельных мужчин пока не находилось. Пожалуй, даже за очень большие деньги таких желающих нашлось бы немного...

Генрих вышел из кабинета полностью разбитым и опустошенным. Мало того, что он сегодня был страшно измотан и утомлен, над ним нависла мрачная тень брака с богатой и ужасной Эвелиной. Надо было что-то срочно придумать, иначе можно лишиться не только привычного образа жизни, но и наследства. А этого совсем не хотелось.

Он потер лоб – начала болеть голова, а вместе с ней и ссадина. Генрих вспомнил прошедшие сутки, полные тревог и опасностей. Однако перспектива жениться на Эвелине не шла ни в какое сравнение со всеми трудностями, вместе взятыми.

Генрих направился в свою комнату, чтобы решить, что предпринять, или хотя бы просто выпастся. Лишь сейчас он заметил, что за окном уже наступила ночь.

Генрих шел по полутемному коридору, когда услышал тихие звуки рояля, доносившиеся из гостиной. Музыка была задумчивая и приятная, она успокаивала душу и ласкала слух.

Молодой барон прислонился к косяку на пороге гостиной и, скрестив руки на груди, слушал и наблюдал, как Екатерина музицирует. Девушка, которая не стесняется дать отпор красавцу аристократу, вызывала в нем любопытство. Со звуками музыки боль и волнения уходили куда-то далеко, на душе становилось покойно и хорошо.

Постепенно мысли стали проясняться и выстраиваться в определенном направлении. Возможно, девушка сможет помочь. Надо всего-то приложить некоторые усилия. Екатерина закончила играть, собрала ноты и только тогда заметила темную фигуру в дверном проеме. Она непроизвольно вскрикнула, и листы с шумом рассыпались по черной лаковой крышке рояля.

– Не пугайтесь, это я, – бархатным голосом негромко произнес Генрих.

– Я вас не сразу узнала, – с облегчением вздохнула девушка.

– Никогда раньше не слышал вашей игры. Вы исполняете прекрасно, – Генрих широко и обворожительно улыбнулся.

– Не стоит преувеличивать, – Екатерина была настороженна, как всегда при разговоре с ним. Она собиралась уйти. Было заметно, что общество молодого барона ее тяготит и она чувствует себя рядом с ним неуютно.

– Да нет, мне, правда, понравилось. Голова перестала болеть. Поиграйте еще немного, пожалуйста. Если Вас не затруднит, конечно... – смиренно попросил фон Берг.

Просьба Генриха звучала искренне. Он смотрел на девушку уставшим взглядом и говорил почтительно и проникновенно. Его любезности не было предела. Молодой повеса мог быть обаятелен, когда хотел.

Он тихими шагами хищника на охоте подошел к роялю и облокотился на него, внимательно глядя на Екатерину и пытаясь проникнуть в самые глубокие закоулки ее души.

Девушка заиграла «Вечернюю серенаду» Шуберта – немного меланхоличную и грустную мелодию. Тонкие пальчики невесомо и уверенно порхали по клавишам, играя свободно и вдохновенно.

Глаза цвета горького шоколада прикрывали опущенные веки, обрамленные пушистыми ресницами. Простая прическа придавала девушке еще больше благородства и изыска – она походила на средневековую зачарованную принцессу из таинственного замка.

Лицо Екатерины светилось в темноте нежной фарфоровой белизной, на которой выделялись яркие коралловые губы, изогнутые в легкой одухотворенной улыбке.

Молодой барон невольно вспомнил полные чувственные губы своей любовницы – какие же они разные... Говорят, глаза – зеркало души, но губы тоже могут о многом рассказать...

Генрих воспользовался тем, что девушка увлечено музицирует. Он внимательно и откровенно изучал Екатерину, разглядывая ее внешность и теряясь в догадках о ее характере и потаенных мыслях. О чем она теперь думает? Только о музыке? Или нет? Что у нее на душе? Влюблена ли она в кого-нибудь? Вряд ли... Она целеустремленно идет к своей мечте и не будет отвлекаться на такие глупости. Или все-таки она обычная девушка и влюбленность тоже ей не чужда?

Фон Берг вдруг представил, как за этой девушкой пошло ухаживает какой-нибудь мелкопоместный дворянин или засаленный чиновник. Нет! Такая, как она, достойна самого лучшего!

Кроме того, Генриха немало удивил выбор произведения – обыкновенно барышни ее возраста исполняли жестокие романсы и слащавые пьесы второсортных композиторов. Шуберта он тоже любил, и эта серенада окончательно вдохновила его на авантюрный план, к реализации которого он немедленно приступил.

Екатерина закончила играть и скромно сложила руки на коленях. Она подняла свои темные бархатные глаза на барона, видимо предполагая, что он хочет что-то спросить или сказать.

Генрих начал свою коварную партию:

– Екатерина Павловна, я должен извиниться перед вами. Уверяю, что не хотел вас обидеть. Конечно, вы правы, удел женщины не только семья. И я с вами в этом полностью согласен, хотя это и идет в разрез с общепринятым мнением. Мои взгляды тоже часто вызывают осуждение окружающих. Вы хотите получить образование – и это прекрасно и правильно. Не многие девушки стремятся к этому. Большинство предпочитают удачно выйти замуж и посвятить себя только семье. То, что вы хотите учиться дальше, говорит о вашей целеустремленности и редкой силе характера, – он беззастенчиво льстил девушке, надеясь завоевать ее благосклонность. – Однако обучение очень дорого, насколько я знаю. Чтобы получить образование, вам придется еще и работать. А для юной девушки это будет не просто. Думаю, я смогу немного помочь вам в этом. У меня есть к вам деловое предложение. Сегодня уже очень поздно. Если не возражаете, мы можем обсудить его завтра. Нет, послезавтра – завтра у нас гости. Будет небольшой прием. Поверьте, в предложении, которое я собираюсь вам сделать, нет ничего непристойного или того, что может вас оскорбить. Но возможно, оно вам понравится и поможет получить образование, о котором вы так мечтаете.

Он очень старался придать словам искренность и расположить девушку к себе.

– Хорошо, послезавтра, – кивнула Екатерина. Речь Генриха заинтересовала ее и совсем не насторожила. – Раз у вас завтра гости, а у меня выходной, я смогу съездить в город, как и планировала.

– А я так рассчитывал, что вы присоединитесь к нашему вечеру и разбавите чопорную компанию, которую пригласил мой отец... – любезности молодого повесы не было границ. – Я все же надеюсь, что вы передумаете...

– Нет-нет. Думаю, это будет неуместно. И мое общество вряд ли обрадует Розенфельдов. Насколько мне известно, они очень тщательно выбирают круг знакомств. И я в него, однозначно, не вписываюсь, – она иронично улыбнулась.

– Вы такая независимая и ратуете за равноправие всех сословий. Вы же не полагаете себя хуже них? – в изумлении вскинул брови Генрих. – Я так точно не думаю, и мой отец, уверен, тоже. Считайте, что я вас официально пригласил. И вы спасете меня от встречи с Эвелиной тет-а-тет.

– Так вот зачем я вам понадобилась завтра вечером! – девушка непринужденно и весело засмеялась в ответ. Возможно, она представила себе несчастного Генриха рядом с Эвелиной и это ее рассмешило.

- Ну, это не самое главное. Мне приятно беседовать с вами. У вас свежий взгляд на многие вещи, вы не боитесь отстаивать свое мнение. Я тоже не вписываюсь в общепринятые стандарты. Есть надежда, что мы сможем подружиться! - Генрих снова широко и располагающе улыбнулся.

- Вполне вероятно... Тем не менее не могу принять ваше любезное приглашение. Я уже обещала подругам встретиться завтра с ними.

- Очень жаль, - Генрих был разочарован. Его приглашение на аристократический вечер отклонили ради общения с подружками, которые, скорее всего, заурядные и скучные простушки. - Спокойной ночи!

- Спокойной ночи! - Екатерина аккуратно сложила ноты на рояле и легкой походкой удалилась из гостиной, тихо шурша юбкой.

Генрих проследил долгим и внимательным взглядом за уходящей девушкой - ее тонкая изящная фигурка растворилась в темноте коридора. Она была хороша в своей простоте, и это волновало его.

Лакомый кусочек для записного ловеласа. Нежная лесная фиалка на фоне блестящих и холодных светских красавиц, в большинстве своем до ужаса предсказуемых. Хрупкий цветок, который так легко невольно уничтожить...

Глава 3

Утреннее солнце слепило глаза, но было еще свежо. Девушка закуталась в летнюю накидку и с наслаждением полной грудью вдыхала бодрящую прохладу. Луговые ароматы опьяняли. Кучер Егор вез Екатерину в город. Он же должен был вернуться за ней в семь вечера.

Пока экипаж неспешно катил по холмистой местности, девушка с некоторым сожалением думала о том, что не смогла принять приглашение Генриха. Оно льстило Екатерине, ей безумно хотелось пойти на ужин, но у нее не было платья, подходящего к этому случаю. Она никогда не забывала, что принадлежит к древнему и знатному роду Несвицких, и гордость не позволяла ей выглядеть нищенкой на фоне роскошно одетых гостей. Кроме того, высшее общество всегда было ей чуждо и отталкивало своей холодностью и заносчивостью.

Когда девушка училась в последнем классе Института, она дважды побывала на светских вечерах, если, конечно, их можно так назвать – там собралась очень разномастная публика.

Впервые выпускницы присутствовали на новогоднем балу, а затем в Дворянском собрании в честь окончания Института. Оба раза Екатерину поразили блеск богато одетых дам и господ, принадлежащих к высшей знати. Было заметно, что они общаются только с равными себе. Такого изобилия драгоценностей девушка никогда раньше не видела.

Никто из высшего света не снизошел до скромно одетой институтки. А выходное платье Екатерины было более чем скромное. Золотой медальон на длинной цепочке и маленькие жемчужные серьги – вот и вся роскошь, что она могла себе позволить.

Молодые люди старались найти подходящих невест и внимательно смотрели, во что одеты и как причесаны претендентки на предложение руки и сердца. Девушка в строгом платье и без обилия украшений не вызвала у них никакого интереса. Что с нее взять – как нарядилась, такое и приданное. Все-таки в высшем обществе встречали по одежке. И они были по-своему правы – кому нужна бесприданница?

Знакомых Екатерины там не оказалось, и чувствовала она себя одинокой, всеми покинутой и интересной только для любителей сомнительных развлечений.

Какой-то немолодой потрепанный дворянчик бесцеремонно и по-свойски ухватил ее под локоток и предложил пройти в буфет выпить шампанского и съесть пирожных. Удивительно, как он сразу не позвал ее проехать в номера. Его поведение явно подразумевало такое продолжение знакомства. Она возмущенно отказалась. Мужчина пожал плечами и оставил ее в покое – нет, так и не надо, поищу другую, более сговорчивую.

В другой раз нарядный и напомаженный кавалер пригласил ее на вальс и бесстыдно прижал к себе, обдав густым винным запахом и пытаясь поцеловать в шею. Она немедленно прервала танец и отошла от ловеласа с брезгливым ощущением липкой грязи на руках и талии. Те светские вечера оставили на душе у девушки неприятный осадок.

Лучше общаться со старыми добрыми друзьями, чем пробиваться в высшее общество неизвестно ради чего, сделала для себя вывод девушка. Тем более что она не собирается удачно выходить замуж за какого-нибудь знатного и богатого старика.

И вообще она чувствует себя неуютно рядом со снобами. Екатерина не любила лицемерие и решила, что будет избегать общения с подобными людьми. На этом она и успокоилась – можно считать, что ей самой не хочется на званый вечер.

Хотя старый барон очень хороший и благородный человек, он не заносчив и не высокомерен.

Она вспомнила о Генрихе и его обещании помочь с учебой. Возможно, он тоже неплохой человек, только легкомысленный... Хотя ей совсем не важно, что он из себя представляет и какую жизнь ведет. Он ей предлагает исключительно работу, и ничего

более.

В городе первым делом девушка направилась в лавку знакомой старушки-знахарки, которая торговала всевозможными целебными отварами и порошками.

В помещении лавки уютно пахло розмарином и мятой. На полках стояли склянки разных форм и размеров с пилюлями и микстурами, под потолком на балке висели пучки сушеных трав и ягод.

У старушки Екатерина покупала составляющие для настоев и мазей, которые готовила сама на все случаи жизни – от простуды, синяков, головной боли и прочих мелких неприятностей. У нее это неплохо получалось. Даже старый барон иногда прибегал к ее снадобьям.

Девушка, сколько себя помнила, интересовалась полезными для здоровья растениями и минералами. Постепенно это увлечение переросло в настоящее призвание. Именно поэтому она решила поступать на курсы при Университете и получить необходимое для любимого дела образование.

Екатерина зашла еще в несколько лавок и магазинов, где купила кое-что нужное, поменяла книги в общественной библиотеке. Держа в обеих руках небольшие коробки и свертки, девушка отправилась на квартиру своего друга детства Алеши Вишнякова.

Он работал в Канцелярии Городской управы и снимал две комнаты недалеко от центрального рынка в неказистом деревянном домике с мезонином и обширным фруктовым садом. Отцы Екатерины и Алексея были дружны, и их дети росли практически как брат и сестра. Девушка очень ценила давнюю дружбу с Алешей, а он был безнадежно влюблен в нее с самого детства, посвящал ей стихи, писал сентиментальные письма и один раз даже попытался спеть серенаду, но был с позором выдворен привратником фон Бергов. Екатерина питала к Алексею нежные и трогательные чувства, но любила его только как брата.

Время от времени она приезжала проводить его в городе, а он иногда заезжал к ней в поместье. Три дня назад Екатерина послала ему записку, что, возможно, зайдет ненадолго. Поэтому когда девушка подходила к дому, где жил Алеша, тот уже ждал ее на скамейке у палисадника. Молодой человек порывисто бросился ей навстречу:

– Здравствуй, Катенька! Как я рад!

Алексей был старше Екатерины на четыре года. Симпатичный, довольно высокий, с копной кудрявых волос цвета спелой пшеницы, он располагал к себе порядочностью, прямоотой и искренностью, иногда граничащей с наивностью.

Восторженный и горячий, он рьяно защищал свое жизненное кредо – честность, честность и еще раз честность. Его молодость объясняла и извиняла эти недостатки. Хотя не будь они такими гипертрофированными, это были бы скорее достоинства.

Яркие синие глаза Алексея смотрели открыто и немного наивно из-под светлых густых ресниц. Широкое лицо покрывали веснушки, и это придавало ему задорное мальчишеское выражение.

– Доброе утро, Алеша! Давно собиралась навестить тебя, но времени совсем нет. Сам понимаешь, готовлюсь к экзаменам, – Екатерина кивнула на связку книг.

Юноша и девушка крепко обнялись и прошли через резную калитку во двор.

Молодой человек забрал многочисленные свертки. Он аккуратно сложил их на большом бревне, лежавшем вдоль тропинки под тенистыми кустами сирени и изображавшем садовую скамью.

– Я понимаю, что ты очень занята... Пойдем в сад, я приготовил чай. Посидим в беседке, поболтаем, – он взял подругу за руку и повел по дорожке вглубь сада.

В беседке уютно пахло дымком от стоявшего на накрытом белоснежной скатертью столе блестящего медного самовара-репки с маленьким заварочным чайником наверху. Как цыплята вокруг наседки, расположились тарелочки с конфетами, печеньями, блюдечки с

вареньем, медом и прочая сладкая снедь. Как снег, искрились кусочки колотого сахара. В хрустальной вазочке стоял скромный букетик полевых цветов.

– Ты, как всегда, неподражаем, Лешенька! Мы этого и за год не съедим! Ты опять потратился! Ну зачем, зачем? – смеясь, шутливо начала упрекать друга девушка. Она ловко выудила из варенья земляничку и с удовольствием облизнула пальцы. – Как же вкусно! Как в детстве! Я всегда вылавливала ягоды и оставляла один сироп! А ты на меня обижался!

– Здесь все, что ты любишь, – Алексей не скрывал гордости, что все так хорошо продумал и организовал. Видимо, он не один день готовился к встрече своей подруги. – Вот пастила, земляничное варенье, липовый мед. Помнишь, как у твоего отца в имении? Я все помню! Как мы бегали на речку, как ходили за грибами.

– Конечно, и я помню! Хорошее было время, беззаботное... – легкая тень пробежала по лицу Екатерины. – Теперь нет имения... Давно нет... И отца нет... Ну да хватит грустить! – она снова рассмеялась и озорно приказала другу: – Ухаживай за мной – наливай чай!

Они чаевничали и беспечно болтали. Тихо шелестела листва под теплыми порывами летнего ветра. Воздух наполнял пьянящий аромат цветущих петуний, которые в изобилии хаотично и буйно росли по краям дорожек сада и по всем свободным местам, включая грядки с петрушкой и укропом.

Алексей не сводил влюбленных и восторженных глаз с Екатерины:

– Когда ты поступишь в Университет, мы будем видеться чаще. Ты можешь снять квартиру рядом с моей. В соседнем доме как раз сдают комнату. И не дорого, кажется... Будем ходить в театры, гулять, ну и вообще проводить больше времени вместе.

Екатерине не хотелось обижать своего друга, но она опасалась, что эта фанатичная влюбленность помешает ему встретить другую достойную девушку и создать с ней семью. Замуж за Алексея она никогда не собиралась. Для нее это было равносильно вступлению в брак с родным братом – полный абсурд. Она мягко сказала:

– Боюсь, я буду вынуждена не только учиться, но и работать. Обучение очень дорогое... Некогда будет гулять... – она невольно вздохнула, представив, что ей придется преодолеть ради своей мечты. – Да, сын Александра Львовича, возможно, хочет предложить мне работу. Я думаю, в заводской больнице. Видимо, он знает о моем увлечении. Похоже, барон рассказал ему о моих снадобьях и мазях. Он их иногда применяет и очень меня хвалит. Если я начну работать в больнице, это будет просто отлично. Потихоньку стану набираться опыта. Еще и деньги за это будут платить. Конечно, будет нелегко, но я справлюсь, я сильная и настойчивая, – девушка была увлечена мечтами об учебе и работе и не сразу заметила перемену, происшедшую в ее друге.

Алексей нахмурился и помрачнел:

– Генрих фон Берг? Этот светский хлыщ и развратник? Что он может предложить, кроме непристойностей? Не вздумай связываться с ним! Он воспользуется твоей наивностью и скомпрометирует тебя самым подлым образом.

– Ты не прав, Леша. Нельзя так категорично судить о людях. Я надеялась, ты за меня порадуешься. А ты говоришь гадости. С какой стати ему меня оскорблять или предлагать непристойности? Ты лично знаком с ним? – она продолжала безмятежно пить душистый чай и аппетитно грызла медовый пряник.

– Нет, не знаком, и не желаю его знать! О нем рассказывают много нелестного. Он вечно попадает в скандальные истории, любовницу содержит такую же эпатажную! Наверняка завсегдатай публичных домов и сомнительных клубов! – молодой человек говорил отрывисто и начинал горячиться все больше и больше.

– Не знала, что ты вхож в высшее общество! Откуда ты все это взял? Нехорошо слушать сплетников! – девушка искренне возмущилась, недовольно отложила пряник в сторону и решительно поставила на стол чашку с чаем. – Зачем плохо говорить о человеке, с

которым ты не знаком лично. Как можно так безоговорочно осуждать людей!

– А с чего ты его так рьяно защищаешь? Может быть, и ты в него влюбилась? Ну конечно, он же красив и богат! Ему легко соблазнять невинных девиц. Да о его похождениях знает весь город! – было видно, что Алексей начинает ненавидеть Генриха всей душой. Он и не скрывал этого.

– А ты, похоже, ревнуешь? Я повода не давала! Да и вообще, какое ты право имеешь ревновать меня? – Екатерина не на шутку рассердилась и резко встала из-за стола. – Или ты считаешь меня наивной дуручкой, не способной отличить хорошее от плохого? Я сама могу решать, что и как мне делать, с кем общаться, а с кем нет! Не надо меня учить и давать советы, в которых я не нуждаюсь! Терпеть этого не могу!

– Не сердись... Прости, ты же знаешь... – молодой человек печально опустил голову. – Я тебя с детства люблю. Очень сильно... Не хочу, чтобы ты попала в неприятности... И тем более чтобы какой-то богатый негодяй надругался над тобой или просто обидел. Я ему этого не прощу!

– Лешенька, милый! И я тебя тоже очень сильно люблю, но только как старшего брата. Мы с тобой уже об этом не раз говорили. Ты мой лучший друг! Не будем ссориться! И не будь букой! Ну, мир? – она примирительно протянула ему руку, и Алексей вяло пожал ее. Было видно, что он изрядно расстроен и не может этого скрыть.

– Мир... Ладно, мир! – Алексей тряхнул головой и широко улыбнулся. Долго дуться они не могли оба. Все-таки были настоящими друзьями.

Они посидели еще немного, потом прошлись по саду. Между яблонями весело бегали пестрые куры. За ними тщетно охотился крохотный полосатый котенок. Он забавно прятался среди высокой травы, топорщил хвост морковкой и смело выскакивал из своего укрытия. Алексей взял котейку на руки, стал гладить и чесать за ушком. Тот неожиданно громко заурчал. Екатерина пришла в восторг и отобрала котенка у друга. Они долго возились с маленьким хищником, как дети. Наконец, девушка начала собираться:

– Мне пора, надо еще к подругам зайти. Увидимся как-нибудь, и ты ко мне тоже заезжай... Я всегда рада тебя видеть!

– Не люблю я в поместье бывать. Чувствую себя там оборванцем. Даже прислуга фон Бергов на меня косо смотрит, – проворчал Алексей, отводя взгляд в сторону и вздыхая.

– Ты же ко мне приезжаешь, а не к барону. Не говори ерунды, никто тебя там за оборванца не принимает. И не сочиняй того, чего нет. Но если ты чувствуешь себя в имении неловко, я буду к тебе сама заглядывать. Только часто не получится... Ты же понимаешь, правда? Работа, подготовка к поступлению в Университет... – Екатерина начала не спеша собирать свертки, но Алексей ее остановил.

– Можно тебя проводить? – было заметно, что ему не хотелось расставаться с девушкой.

– Конечно, я иду к сестрам Фроловым. Обещала их навестить сегодня. Они недалеко живут. Помнишь их – Ольга и Елена? Мы вместе учились.

Алексей взял свертки и коробки и пошел провожать Екатерину до дома ее подруг. Там друзья обнялись на прощание и молодой человек удрученно поплелся домой, глубоко засунув руки в карманы и остервенело пиная попавшийся под ноги камушек.

Екатерина сочувственно посмотрела Алеше вслед. Милый, добрый, хороший друг. Только друг. Девушке снова стало жаль его и это ее беспокоило – жалость унижает человека...

Глава 4

К пяти часам вечера в имение начали съезжаться немногочисленные гости.

Первым приехал деловой партнер барона – князь Апухтин, убежденный холостяк и просто славный малый. Брюнет тридцати пяти лет, щегольски одетый и с налетом легкого скептицизма на породистом лице.

Он удобно расположился на террасе с бокалом вина и сигарой и чувствовал себя как дома – князь был частым и желанным гостем в поместье. Он прихлебывал вино и беседовал с Генрихом, который доверительно рассказывал об истинной причине званого ужина.

Любитель роскошной жизни, Апухтин был близким другом Генриха. Их связывали общие интересы молодых аристократов – балы, охоты и просто праздное времяпровождение. Кроме того, князь был постоянным секундантом на многочисленных дуэлях, в которых участвовал его дорогой друг.

Князь слыл тонким ценителем живописи и всего прекрасного, включая представительниц слабого пола. Он сочувственно и с пониманием кивал Генриху и, наконец, предложил после ужина съездить развеяться в город. Смена впечатлений пошла бы им обоим на пользу. Но у Генриха на вечер были совсем другие планы.

Через некоторое время появилась семья соседа – помещика и землевладельца Кудрявцева: сам Петр Иванович, его жена Мария Никифоровна, которая была намного младше своего мужа, и их дочь Ирина, миловидная девушка пятнадцати лет, очень непосредственная и смешливая. Петр Иванович и его супруга были необычайно похожи друг на друга – оба невысокого роста, полноватые и говорливые.

Они привнесли оживление и некоторую суету. Кудрявцев был давним другом старого барона, они часто проводили вместе вечера, играли в нарды или в шахматы, иногда спорили о политике, но обыкновенно просто курили, беседовали о прошедших временах и вспоминали бурную и веселую молодость.

Пожилая пара – граф и графиня Вороновы – были очень дальними родственниками барона. Генрих встречался с ними редко, в основном на похоронах и свадьбах их общей родни, и был неприятно удивлен, увидев Вороновых сегодня. Он понадеялся, что ни того ни другого в их семье в ближайшее время не произойдет.

Чета Вороновых не часто посещала поместье Бергов, но своей знатностью, по соображениям старого барона, должна была составить подходящую компанию Розенфельдам, которые очень щепетильно относились к новым знакомствам.

Кроме того, были приглашены еще три семейных пары из знатных дворян. Александр Львович сделал это не потому, что они были близкими друзьями, а просто для поддержания компании и дабы избежать неловкости в общении с семейством банкира – он не хотел, чтобы вечер откровенно походил на смотрины. Всего набралось семнадцать человек – ни много ни мало, а в самый раз для небольшого званого ужина.

Главные гости задерживались. Наконец, с опозданием почти на час, появились Розенфельды. Они впервые посещали имение барона и были неприятно удивлены, увидев среди приглашенных соседа-помещика с семейством – людей явно не их круга.

Глава Розенфельдов – Карл Оттович, очень рослый и очень худой, рыжеволосый и гладко выбритый немец сорока пяти лет, торжественно вел под руку свою супругу – дородную и розовощекую Аманду Петровну, пышущую здоровьем и заносчивостью.

Супруга банкира была одета роскошно, но слишком вычурно для обычного дружеского приема – в темно-зеленое платье муарового шелка с обилием фламандских кружев. Белоснежные страусовые перья в сложной прическе, закрепленные драгоценным гребнем, мерно покачивались в такт уверенным и тяжелым шагам. Непомерно громоздкое изумрудное кольцо на широкой шее дополняло этот, поистине королевский, туалет.

Рядом с матерью величественно несла себя Эвелина Карловна – девица на выданье

двадцати лет с огромным чувством собственного достоинства. Дорогое и модное кружевное платье розового цвета, выписанное из Парижа, было очень глубоко декольтировано, открывая острые ключицы и будто намекая на готовность Эвелины вступить в брак.

Была она долговяза, светловолоса, со слишком бледной кожей – то ли от природы, то ли от обилия пудры, с очень крупным ртом и бесцветными водянистыми бледно-голубыми глазами. Отсутствие привлекательности должны были компенсировать драгоценности, в изобилии украшавшие Эвелину Карловну. Бриллианты вспыхивали холодным искрами на ее шее, в волосах, в ушах и на руках. Она могла бы служить ходячей витриной модного ювелирного магазина.

Барон почтительно и важно представил гостей семейству банкира, словно коронованным особам. Генриху стало даже неловко за отца и его заискивание перед Розенфельдами. Он поморщился и отошел к окну, глядя на вечеряющее небо.

Когда все формальности знакомства были соблюдены, гостей пригласили к столу, накрытому в саду. Приятная вечерняя прохлада окутала старинный парк, а ветерок игриво шевелил светлые шелковые скатерти.

Первая сервировка состояла из легких закусок. Нарезанный тонкими ломтиками говяжий язык, свежайшая буженина, копчености и прочая мясная снедь соседствовали с серебряными вазочками, наполненными черной и красной икрой. Виноград и заморские фрукты громоздились в вазах на высоких ножках. В блестящих ведерках со льдом охлаждалось шампанское. А в запотевших маленьких графинчиках медленно и неумолимо нагревалась прозрачная, как слеза, водка. Хрусталь переливался и сверкал под лучами заходящего солнца, приглашая безотлагательно приступить к долгожданной трапезе.

Генриху впервые в жизни захотелось напиться до беспамятства. Но это не решило бы его проблему с Эвелиной. Званный ужин казался Генриху поминками по его счастливому прошлому, и это снова и снова нагоняло на него тоску.

Небольшой, специально нанятый для такого важного случая оркестр негромко играл что-то спокойное и ненавязчивое. Потихоньку наладилась общая беседа об охоте, погоде и подобной светской ерунде. Розенберги демонстративно игнорировали семью помещика Кудрявцева.

Генрих со злорадством смотрел на отца – старого барона начинало коробить от такого высокомерия. Может быть, он теперь станет по другому относиться к новому деловому партнеру и идее объединить капиталы таким варварским способом?

Эвелина пыталась кокетливо улыбаться Генриху и его отцу, но от этого и тому и другому становилось не по себе. Генрих был озабочен в основном тем, чтобы девица Розенфельд или ее матушка не подсыпали ему в еду или питье какого-нибудь приворотного зелья. В эти глупости он не верил, но не хотел отравиться кошачьей печенью, жабым сердцем или чем-то еще в этом роде.

После легкого ужина барон предложил немного потанцевать и на правах хозяина пригласил на первый вальс Эвелину Карловну. Она очень хорошо танцевала, и это было одно из ее достоинств, едва ли не единственное. Однако Эвелина предпочитала модные танцы, а барон был в этом вопросе консерватор. Только вальсы, полонезы и менуэты – все чинно и благопристойно. К середине вечера Генриху пришлось из приличия тоже пригласить Эвелину.

– Вы отчего-то мало танцуете, – с упреком заметила она, игриво кося водянистыми глазками и доверительно пожимая Генриху руку. – Я обожаю заграничные танцы. Они такие чувственные и смелые... Вы согласны?

– Увы, я не люблю танцы... – Генрих вымученно улыбнулся и тоскливо посмотрел через костлявое плечо Эвелины в печально темнеющее окно.

– Я видела вас недавно на балу у губернатора. Там вы не отказывали себе в этом удовольствии... – не унималась та.

– Просто положение обязывает... А вы прекрасно вальсируете, – Генрих чувствовал необходимость сказать хоть какой-нибудь комплимент девушке, и он его сказал. На сегодня все обязанности любезного кавалера были выполнены с лихвой.

– Какая чудесная погода, не правда ли? – перевел разговор Генрих, даже не пытаясь казаться заинтересованным в более тесном знакомстве.

Эвелина явно ждала большего, чем пустые светские любезности. Но ее надежды не оправдались. Роскошный модный туалет и старинные бриллианты не впечатлили потенциального жениха. Генрих был учтив и бесконечно отстранен.

Было заметно, что Карл Оттович тоже разочарован. Видимо, он понимал, что и тут, скорее всего, не найдет партию для своей драгоценной дочери. Он подошел к барону и решил сделать последнюю попытку для прояснения ситуации со сватовством:

– Ваш сын сегодня очень задумчив и молчалив. Вы говорили с ним по нашему делу?

– Думаю, надо чтобы молодые люди получше познакомились и присмотрелись друг к другу. Они первый раз встретились так близко. Мы не должны диктовать им свою волю. Это же не смотрины, а просто дружеский ужин. Не будем торопить события...

Генрих стоял неподалеку и чутко прислушивался к их разговору. Конечно, подслушивать некрасиво и неблагородно, но сейчас это было допустимо, ведь речь шла о его будущем.

Стало прохладно, и общество пригласили продолжить ужин в столовой. Теперь стол просто ломился от яств – барон хотел произвести впечатление на семью банкира.

Общая беседа значительно оживилась после нескольких бокалов горячительных напитков. Эвелина начала с интересом поглядывать на князя Апухтина, игриво покусывая кончик веера. Генрих не преминул обратить на это внимание своего друга:

– Гляди-ка, какие пламенные взгляды мечет в твою сторону девица Розенфельд. Берегись! Похоже, она теперь попытается прибрать к рукам тебя. Может, налить тебе еще водки? Говорят, определенная доза этого волшебного эликсира помогает рассмотреть глубоко скрытую женскую красоту, – не без сарказма произнес Генрих.

– Ну уж нет! Я слишком благороден, и не встану на пути твоего семейного счастья, – коварно усмехнулся князь, криво улыбаясь и отправляя в рот крупную виноградину. – Кроме того, я слишком беден для этого семейства. Так что водку пей сам, хотя в данном случае это вряд ли поможет.

Генрих с сожалением подумал, что его приятель прав. Он раньше свалится под стол, чем водка позволит ему разглядеть шарм Эвелины.

Глава 5

Уже почти стемнело, когда Екатерина вернулась из города. Стало свежо. Первые звезды отчужденно и бесстрастно смотрели на землю.

Девушка попросила кучера Егора отнести ее покупки на кухню, чтобы забрать их завтра, а не тащить через весь дом, полный знатных гостей. Она хотела незаметно проскользнуть в свою комнату. Прошла черным ходом, но к лестнице все равно надо было идти по коридору рядом с малой гостиной. Сквозь широкую арку старый барон заметил девушку и приветливо окликнул:

– Екатерина Павловна, добрый вечер! Присоединяйтесь к нам, прошу вас.

Возможно, со стороны барона это была пустая формальность, но Екатерине пришлось зайти в гостиную и поздороваться:

– Добрый вечер! Благодарю вас, но я немного устала...

– Нет-нет, отказ не принимается, – живо поддержал отца Генрих.

Он стремительно подошел к девушке, взял ее под руку и галантно провел в ярко освещенную залу.

Сегодня молодой барон выглядел потрясающе. Темно-серый костюм прекрасно подчёркивал его атлетическое сложение, длинные светлые волосы были забраны в низкий хвост. Екатерина с удивлением отметила, что ссадина на лбу почти исчезла.

– Если вы устали, тем более выпейте с нами хотя бы бокал вина или чашечку чая... – Александр Львович источал искреннее радушие.

За роялем сидела мадам Розенфельд, тщетно пытавшаяся спеть арию Эльзы из оперы Вагнера «Лоэнгрин». И была очень недовольна, что ее пение прервали на полуслове. Вокруг рояля стояло несколько дам и кавалеров, с трудом сдерживавших зевоту и пытавшихся изобразить заинтересованность. Вечер не представлялся особенно оживленным.

Эвелина Карловна удивленно вскинула бесцветные брови, и семейство Розенфельдов обменялось выразительными взглядами. Они дружно с нескрываемым недоумением внимательно посмотрели на Екатерину, смерив ее с ног до головы и сделав соответствующие выводы.

Девушка поняла, что не все рады ее внезапному появлению.

Однако отказываться дальше было неудобно, и Екатерина была вынуждена согласиться. Лакей унес ее накидку, и девушка почувствовала себя словно голой на фоне богато разряженных гостей. В город она ездила в синем поплиновом платье без излишеств и украшений, правда, подчеркивавшим ее стройную фигуру. Но теперь оно резко контрастировало с нарядными вечерними туалетами светских дам.

Всё в зале, от бокалов с шампанским, до пряжек на шелковых туфельках мадам Розенфельд сверкало, искрилось и переливалось, и лишь Екатерина в своем скромном туалете казалась здесь неуместной и блеклой.

– Разрешите представить вам Екатерину Павловну Несвицкую, – объявил старый барон, – дочь моего друга, увы, покойного. Я был опекуном до ее совершеннолетия. На моих глазах она расцвела и превратилась в настоящую красавицу.

Барон представил Екатерине всех присутствующих. Девушка была растеряна и не запомнила имена большинства гостей, просто мило улыбалась и говорила, что ей очень приятно с ними познакомиться.

Семью помещика Кудрявцева Екатерина уже знала. Они ей нравились – простые и сердечные люди, без сословных предрассудков и пустого высокомерия. Кудрявцевы владели обширным вишневым садом и роскошными охотничьими угодьями, граничащими с поместьем фон Бергов.

Дальние родственники фон Бергов и остальные гости поприветствовали Екатерину без особой теплоты, но вежливо.

Эвелина Карловна Розенфельд не нашла ничего лучше, как поинтересоваться, правда ли Екатерина служит гувернанткой в доме барона. Слово «служит» она не без удовольствия выделила интонацией, приравняв девушку к прислуге и очертив непреодолимую дистанцию между ними. Екатерина покраснела и была готова провалиться сквозь землю.

Однако хозяин вечера быстро нашелся, сказав, что мадмуазель Несвицкая любезно согласилась на правах старого друга семьи подготовить Андрюшу к поступлению в гимназию. Неловкую ситуацию удалось сгладить.

Екатерина заметила, как Генрих насмешливо посмотрел на отца и тот понимающе ответил на его взгляд, с сожалением признавая правоту сына – дочь Розенфельда не отличалась воспитанностью и тактом.

Князь Сергей Сергеевич Апухтин – давнишний друг Генриха – галантно поцеловал девушке руку и выразил свое полное счастье и восхищение от знакомства. Князь обладал привлекательной наружностью, роста был чуть выше среднего, одевался со вкусом и носил модную бородку. Его темные волосы были набриолины. Запах дорогого одеколона дополнял щегольской облик. Похоже, Сергей Сергеевич был чуть ли не единственным из гостей, кто искренне обрадовался знакомству.

Генрих остался беседовать с князем, а Екатерина, познакомившись со всеми, присела в кресло, стоявшее в углу. Она порадовалась, что вечер близок к завершению и ей не придется слишком долго терпеть косые взгляды.

– Бокал вина? – предложил старый барон, подойдя к девушке.

– Благодарю, нет.

– Тогда чай. – Александр Львович, подозвал лакея, и, проследив, что тот понял указания, удалился от Екатерины.

Она оставалась одна недолго. Лакей скоро принес чай, а подоспевший Генрих, взяв чашку, галантно передал ее Екатерине и, наклонившись, тихо и доверительно произнес:

– Перестаньте смущаться. Вы же Несвицкая! Выше голову и больше надменности... Берите пример с Розенфельдов. У них родословная покороче вашей будет. И не обращайтесь на Эвелину Карловну – думаю, у нее весьма смутное представление о хороших манерах и оно распространяется только на избранных. Ну же, приободритесь!

Екатерина попыталась возразить, но он продолжил:

– Не сомневайтесь, вы прекрасно выглядите. Вы бриллиант, который не нуждается ни в какой оправе! Екатерина покраснела и потупила взор:

– Вы никак не можете обойтись без иронии, комплиментов и лести?

– Я вам не лъщу, поверьте...

Генрих уселся на подлокотник ее кресла. (Все семейство Розенфельдов снова с недоумением повернули головы в их сторону, явно осуждая такую фривольность.)

– Вы действительно не хотите вина? – предупредительно поинтересовался он, недопустимо близко наклоняясь к ее уху и почти касаясь его губами.

– Тогда ваши гости подумают, что гувернантка еще и пьяница, – не удержалась от улыбки девушка.

– Ну вот, вы уже начали шутить, это хорошо...

– Мне кажется, вы должны были бы сейчас развлекать разговорами девицу Розенфельд. Похоже, она скучает, – съязвила Екатерина.

– На сегодня я уделил ей достаточно внимания: пригласил на вальс, сказал пару любезностей и поговорил о погоде... Я приложил для этого все свои силы и даже больше.

К тому же у нас мало общих тем для беседы – я плохо разбираюсь в тонкостях дамских туалетов и еще хуже знаю свежие светские сплетни. А так как этот званый ужин – идея моего отца, пусть он ее и развлекает...

– А вы не слишком резко судите об Эвелине Карловне? – иронично полюбопытствовала девушка.

– Если вы так переживаете за нее, можете сами потешить Эвелину Карловну интеллектуальным диалогом, – парировал Генрих и обворожительно улыбнулся.

Мадам Розенфельд, наконец, удалось исполнить арию Эльзы. Она пела весьма энергично и в целом неплохо. Страусовые перья бодро вздрагивали каждый раз, когда Аманда Петровна брала высокую ноту. Однако внешне мадам Розенфельд скорее походила на грозную Валькирию, чем на трепетную Эльзу.

Гости одобрительно аплодировали, в тайне надеясь, что супруга банкира ограничится одной арией. Но их надежды не оправдались – она исполнила еще два произведения Вагнера, которого так горячо любила, считая себя истинной немкой.

Генрих снова наклонился к Екатерине и вкрадчиво произнес:

– Посмотрите, князь Апухтин сейчас испепелит меня взглядом. Думаю, он хочет сказать вам пару комплиментов, а я ему мешаю, занимая место рядом с вами. – Барон выпрямился и обратился к приятелю: – Сергей Сергеевич, можно вас? Мы говорили с Екатериной Павловной о живописи, и она заинтересовалась вашей коллекцией морских пейзажей...

Князь подошел, изогнулся в поклоне, и еще раз с чувством поцеловал руку девушке:

– Как жаль, что мы не были знакомы раньше! Вы, очевидно, прятались каждый раз, когда я приезжал в поместье. Я такой страшный?

Екатерина снова покраснела, но быстро справилась с собой и непринужденно и искренне улыбнулась ему в ответ.

– Нет, конечно же нет. Но я очень занята воспитанием Андрюши. Мне некогда общаться с гостями господина барона.

– Но это же поправимо, не так ли, Генрих?

– Безусловно. А теперь я передаю вас, Екатерина Павловна, в надежные руки. Мой друг – интересный собеседник и просто прекрасный человек, – доверительно сообщил Генрих, деликатно отходя в сторону. – Но будьте осторожны, князь может до смерти заболтать вас, рассказывая о своем собрании картин и редких гравюр.

Екатерина приободрилась. Раз Генрих знакомит ее со своим другом, значит, сам к ней никакого пристрастия не питает. Ей не нужно, чтобы ее обхаживал мужчина с такой сомнительной репутацией.

Князь с энтузиазмом заговорил о своей коллекции. Екатерина слушала его с неподдельным увлечением.

Краем глаза девушка заметила, что Александру Львовичу и правда пришлось развлекать разговорами Эвелину. Он интересовался ее поездками за границу, хотел знать мнение о модных постановках, вернисажах, книгах, и еще о чем угодно, только бы она не чувствовала себя обделенной вниманием.

Генрих тем временем подсел к семье Кудрявцевых, и они стали довольно шумно обсуждать планы на ближайшие пикники и охоты, которые так любили устраивать для друзей эти милые люди. Госпожа Кудрявцева и ее дочь всеми силами пытались уговорить Генриха играть в их домашних спектаклях. Из него получился бы отличный герой-любовник. Генрих категорически не соглашался, ссылаясь на полное отсутствие таланта и свободного времени.

Екатерина несколько раз поймала на себе сердитый взгляд Эвелины – видимо, ее раздражало не только само неуместное присутствие нищей гувернантки, но и то, как она

естественно и раскрепощенно ведет себя с князем.

Но девушку это уже мало волновало, она совсем освоилась и чувствовала себя прекрасно рядом с интересным собеседником.

Князь переключился со своей коллекции на Екатерину. Он мило шутил и сыпал замысловатыми комплиментами.

Сергей Сергеевич клялся положить к ее ногам весь мир, если только она этого пожелает. Он мог бы достать для нее звезды с неба и свить из них венок, чтобы украсить ее гордую голову. А может, она желала бы луну? Он готов был хоть сейчас отправиться за ней, но Екатерина Павловна за это должна была позволить ему еще раз поцеловать ее руку.

Девушка держалась с князем легко и непринужденно, будто они были знакомы сто лет. Она весело смеялась над его невинными каламбурами и шутками, и не заметила, как быстро пролетело время.

Густая ночь плотно окутала поместье. Гости начали разъезжаться. Первыми уехали Кудрявцевы. Банкир с женой и дочерью тоже стали прощаться. Последовали взаимные приглашения, очередные комплименты и уверения в сердечной дружбе. Наконец поместье покинули и Розенфельды.

Екатерина видела, что старый барон недоволен, и догадалась, что причиной этого был Генрих.

– Не смей ничего говорить! – резко бросил он сыну, не заботясь о том, слышат их или нет. – Вопрос о твоей женитьбе на Эвелине остается открытым!

Генрих молча поклонился, картинно изобразив показную покорность.

Князь Апухтин долго прощался, пригласил фон Бергов к себе в поместье на охоту, не забыв упомянуть и Екатерину Павловну в числе приглашенных. Он в последний раз прочувственно поцеловал ей руку и удалился, напевая себе под нос что-то веселое из модной оперетки.

Наконец особняк погрузился в сонную тишину.

– Екатерина Павловна, вы согласились уделить мне завтра время, – вполголоса почтительно напомнил Генрих, когда она уже поднималась к себе в комнаты.

Она оглянулась и кивнула:

– Помню. Когда вам будет угодно.

– Прекрасно. Тогда ближе к обеду... До завтра и спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – тихим эхом ответила девушка.

День уходил во вчера. Часы в гостиной гулко пробили полночь. Наступающий день не обещал быть простым.

Глава 6

Екатерина всегда вставала рано. Это входило в ее обязанности – она готовила необходимые книги и тетради для утренних занятий с Андрюшей, проверяла, как прислуга убрала учебную комнату, все ли на месте. Даже в свои выходные она продолжала следовать давней привычке.

Но этим воскресным утром она проснулась позже обычного и ей совсем не хотелось подниматься. Яркие скользящие лучи летнего солнца пробивались через кисейные занавески и ровными янтарными бликами ложились на паркетный пол.

Девушка еще немного понежилась в постели. Вчерашний вечер оставил приятное воспоминание, несмотря на не очень удачное начало и ее повседневный, не соответствующий случаю, туалет.

Какой деликатный человек князь Апухтин, утонченный ценитель живописи. Веселый и галантный кавалер. Он умеет сказать изысканный комплимент, но это получается у него забавно и искренне. С ним так легко и приятно беседовать. Его не смутило, что Екатерина всего-навсего гувернантка в доме барона.

Эвелину Розенфельд от этого откровенно покорило... Какое разное отношение, а ведь оба представители благородных дворянских родов.

И Генрих Александрович ее очень поддержал и ободрил. Он, конечно, ветреник, но, по крайней мере, не сноб, как банкир и его семейство. С Екатериной он ведет себя почтительно, а его личная жизнь ее совсем не касается и не интересует. Какое ей дело до этого холодного аристократа – они лишь знакомые, ничего более.

Если он сможет помочь с работой, она будет сердечно ему признательна, и только. Вряд ли Генрих Александрович захочет получить от нее что-то большее... После своих роскошных любовниц он не обратит внимание на простую гувернантку.

И это для нее очень хорошо. Она слишком дорожит своей репутацией. Ведь это практически все, что у нее есть. Она не станет рисковать ею и попадать в сомнительные ситуации с богатыми повесами.

Екатерина была очень благодарна старому барону, что он пригласил ее на вечер. Она чудесно провела время. Александр Львович такой милый и внимательный. Ее благодетель. Где бы она была сейчас без него? Вышла бы замуж за Алексея без любви и мучила себя и его?

Все-таки, какие замечательные люди ее окружают! На душе у девушки было светло и радостно. Ей хотелось раскинуть руки, запрокинуть голову и закружиться по комнате в танце. Но она не стала этого делать – ребячество, давно пора повзрослеть. Однако девушка снова и снова с удовольствием вспоминала прошедший прием.

Вчерашний званый ужин совсем не походил на балы, на которых Екатерина присутствовала, будучи еще институткой. И он ей очень понравился, несмотря на косые взгляды некоторых гостей. Наверное, все зависит от тех, кто находится рядом. Можно превосходно чувствовать себя в скромном платье среди знатных особ, если ощущаешь поддержку хорошего человека...

Но скоро она покинет дом барона, будет учиться и работать. Так что, видимо, это ее последний выход в свет, если так вообще можно назвать вчерашний вечер. Вряд ли у нее будет свободное время и лишние деньги на такое праздное времяпровождение. Да и неизвестно, попадет ли она еще когда-нибудь в высшее общество, тем более что туда и не стремится.

Екатерина спустилась в столовую, чтобы выпить кофе и позавтракать. Не успела она взять себе чашку, как вошла горничная с огромным букетом белоснежных роз:

– Екатерина Павловна, это вам сегодня рано-ранехонько доставили.

Розы были свежи и источали нежное благоухание. Капельки росы блестели на их упругих лепестках.

– Мне? От кого? – Екатерина увидела визитку в букете и прочитала: «Князь Апухтин Сергей Сергеевич», а на обороте: «Уважаемой Екатерине Павловне с поклоном и пожеланием доброго утра от ее верного слуги и преданного друга. P.S. Луну и звезды пришлю чуть позже...» Девушка удивленно и радостно улыбнулась – это была приятная неожиданность.

«Как мило! – подумала Екатерина, поднося прохладный букет к лицу и вдыхая дурманивший аромат. – Прекрасные цветы... Хотя все это пустое, надо беспокоиться о поступлении в Университет, а не витать в облаках». Но такое внимание князя не могло не льстить.

– Аннушка, пожалуйста, отнеси цветы ко мне в комнату и поставь в вазу. – Она передала букет горничной и налила себе крепкий душистый кофе. Толика сливок смягчила изысканную горечь напитка.

Екатерина вышла на веранду. Держа кончиками изящных пальцев маленькую фарфоровую чашку и блюдце, она с удовольствием небольшими глоточками пила кофе и смотрела в утреннюю туманную даль. День начинался замечательно, и ничто не в силах было его испортить.

Ближе к полудню пришел Генрих и предложил пройтись по парку, так как не хотел, чтобы им помешали. Высокие вековые липы делали аллею сумрачной и загадочной даже в солнечный день. Летний ветер тихо шумел в кронах, а тонкий сладкий запах цветущих деревьев наполнял воздух.

По бокам темной аллеи белели мраморные античные статуи, привезенные из Италии и Греции несколькими поколениями фон Бергов.

Генрих и Екатерина шли молча. Тропинка повернула к оврагу, и они вышли на залитый солнцем свежескошенный луг. Екатерина вдыхала аромат разнотравья и наслаждалась тишиной. Они подошли к ротонде на краю обрыва.

Девушка села на скамейку, Генрих закурил и остался стоять. Некоторое время он молчал, видимо, собираясь с мыслями. Затем раздраженно бросил сигару и повернулся к Екатерине. Он заговорил негромко и располагающе:

– Екатерина Павловна, я хочу предложить вам несколько необычную сделку. Вы видели вчера Розенфельдов. Мой отец ведет дела с Карлом Оттовичем. Можно сказать, что недавно они стали постоянными партнерами. Вы видели Эвелину Карловну – очень высокомерная и надменная особа, как вы сами могли убедиться. Не люблю плохо отзываться о женщинах, но, увы, это – сущая правда. Розенфельда посетила идея объединить капиталы наших семей через мою женитьбу на Эвелине, – барон говорил, взвешивая каждое слово, но постепенно начал давать волю чувствам, и голос его приобрел решительность и страстность. – Для меня это неприемлемо. Даже если отец лишит меня наследства, я на ней не женюсь. Никогда. Но мне не хотелось бы испортить отношения с отцом и проститься с привычным образом жизни.

На лице Екатерины отразилось недоумение:

– Чем же я вам могу помочь?

– А вот теперь не перебивайте и спокойно послушайте, – Генрих говорил твердо, но в его тоне Екатерина уловила напряженные ноты, и это насторожило ее. – Отец позволил мне обдумать ответ Розенфельду до сегодняшнего вечера. Я планирую сказать ему, что уже обручен и не могу нарушить слово, данное девушке. И этой девушкой будете вы.

Увидев, как округляются и без того большие глаза Екатерины, он повысил голос:

– Не перебивайте! Все чисто формально. Отец через неделю уезжает с ревизией по отдаленным заводам на несколько месяцев. Как только он уедет, вы расторгнете помолвку со мной по собственной инициативе, так как я эгоист, мот, циник или кто вам угодно. Ваша репутация не пострадает. Я выиграю время, а по возвращении отец, я уверен, передумает меня женить. Ну а Розенфельд найдет другую сакральную жертву для своей драгоценной дочери. За это я оплачу ваше обучение в Университете и найму для вас хорошую квартиру. Конечно же, никто об этом ничего не будет знать. Вы

сможете заниматься только учебой, а по окончании курсов я обеспечу вам место помощницы лекаря или провизора в больнице при заводе.

– Вы с ума сошли! – Екатерина не знала, то ли возмущаться, то ли смеяться от такого безумного предложения. – Это... Это... Я даже не знаю как это называется! Глупость! Бред! Я не могу обманывать вашего отца, так нельзя! Нет, нет, нет! Это совершенно для меня неприемлемо! – она была категорична и сердито тряхнула головой.

– Успокойтесь и подумайте, чем вы рискуете? Об этой якобы помолвке будет знать только мой отец. Я попрошу его до времени сохранить это в тайне, уверен, он поймет. Ваше имя он не откроет и Розенфельду, тем более что после вчерашнего визита отец наверняка и сам желает отделаться от этого «благородного» семейства. Но ему надо соблюсти приличия. Вина в несостоявшейся помолвке с Эвелиной ляжет на меня – отец не знал, что у меня уже есть невеста. То, что я выбрал именно вас, будет выглядеть вполне естественно – невозможно не заметить ваших душевных качеств, – Генрих говорил убежденно. Его мягкий голос завораживал и внушал доверие.

– Но что обо мне будет думать Александр Львович?! Что я за его спиной решила удачно выйти замуж и стать баронессой фон Берг?

– Он будет думать, что вы поддались моему обаянию, пошли на поводу у его легкомысленного сына и опрометчиво назвали меня своим избранником. Он все спишет на вашу наивность и доверчивость. При любом раскладе виноватым окажусь я – негодяй и ловелас. Через месяц или даже раньше вы поймете, что ошиблись во мне, и разорвете нашу помолвку. Все могут ошибаться, особенно неопытная девушка. Я напишу отцу, он примет вашу сторону, не сомневаюсь. И поймет ваше желание расстаться со мной. Я получу свободу, а вы – образование, о котором так мечтаете, ну и, возможно, пару неприятных минут общения с моим отцом, когда он узнает о помолвке. Но я буду рядом и сумею принять на себя его гнев, хотя уверен, сильно браниться он не будет. – Генрих умел быть убедительным, когда хотел. Его план казался довольно невинным и безобидным.

– Но все равно это будет подлый обман. Александр Львович помог мне окончить Институт, дал кров и работу... Он мне доверяет... Все это будет очень непорядочно с моей стороны. Ваш отец так добр ко мне... – она колебалась. Но предложение было невероятно заманчивым.

– Да, мой отец уважает и ценит вас. И я тоже. Но что плохого вы делаете? Помогаете и мне и ему избавиться от навязчивого семейства Розенфельдов.

– И когда надо ответить? – она была не уверена и все еще продолжала сомневаться.

Но Екатерина чувствовала, что уже почти готова поддаться уговорам. Тогда Генрих применил все обаяние, на которое был способен, умоляюще сложил ладони и заглянул ей в глаза:

– Сегодня до вечера я должен дать ответ отцу. Я откажусь от женитьбы, он лишит меня наследства и средств к существованию. Я пойду по миру с сумой и умру с голоду где-нибудь по дороге на каторгу, так как ограблю булочника! Помогите... Прошу вас, будьте милосердны, спасите меня от нищеты! Моя судьба в ваших руках!

– Вы даже сейчас не можете не шутить и не дурачиться! – Екатерина невольно улыбнулась, и это разрядило напряженную обстановку.

– А что мне остается? – Генрих стал серьезным. – Конечно, я не стану нищим, я и ныне много работаю. Со своим образованием и опытом я смогу жить безбедно и без поддержки отца. Но отношения с ним будут испорчены надолго, если не навсегда. И это меня тяготит, – было заметно, что он и правда дорожит добрыми отношениями с отцом. – Да, и еще... Если отец все же не признает нашу помолвку, я, естественно, в этом случае также выполню свое обещание и оплачу ваше обучение и квартиру. Ну и компенсирую моральный ущерб, если это потребуется.

– Дайте мне подумать немного одной. Теперь уходите и возвращайтесь сюда через час, – девушка хотела еще раз взвесить все «за» и «против» без давления на нее Генриха. Она уже поняла, как аргументированно он может убеждать.

Еще вчера она говорила Алексею, что сама в состоянии разобраться, что хорошо и что плохо, и сама будет решать, что ей делать. Как же на самом деле это оказалось не просто...

Генрих ушел, а Екатерина осталась в полном смятении размышлять о странном договоре, который ей предложили. Если она примет план Генриха, то сможет осуществить заветную мечту. Ведь своих денег ей, скорее всего, просто не хватит, и не известно, получится ли у нее заработать недостающую сумму.

Плюсов в принятии было много, о них можно не волноваться. А минусы? Обман, презрение барона. А почему презрение? Она же не любовница Генриха, а наивная девушка, поддавшаяся его очарованию и согласившаяся стать его законной женой. И через месяц она вернет Генриху его слово, старший фон Берг это поймет. Ложь – это, конечно, плохо. Но образование того стоит. Даже если старый барон укажет ей на дверь... (О, это будет поистине ужасно, но пережить можно, и пока лучше просто не думать об этом...). Она и так покинет поместье через месяц или полтора. Генрих обещал при любом раскладе оплатить ей обучение и помочь с работой.

Конечно, она много нелестного слышала о наследнике барона, он легкомысленный щеголь. Но он человек слова, в этом она не сомневалась ни секунды. Да и сумма на ее обучение для Генриха – капля в море. Наверняка денег на свои похождения он тратит во много раз больше, чем решил пожертвовать на авантюру с помолвкой.

Екатерина поняла, что уговаривает себя дать согласие на это безумие. Она уже не видела никаких страшных последствий. Ну максимум, ее обвинят в желании удачно выйти замуж. Так большинство девушек к этому стремится. Даже Эвелина.

Она решилась. Безбедное существование во время учебы и исполнение мечты, перспектива интересной работы и независимое положение в будущем перевесили доводы против.

Девушка глубоко вздохнула и посмотрела за реку, где простирались бесконечные степи. Она будет свободна, как летящий над ними сокол. В детстве ей хотелось быть птицей – легкой и красивой, скользящей в лазурной вышине. До воплощения ее чаяний остался всего один шаг. Она будет самостоятельна и счастлива.

Как же легко ей удалось себя убедить... Она сорвала крупный цветок розового шиповника, росшего у беседки и тянувшегося вверх, вдоль колонны. Вдохнула его тонкий аромат, а потом прикрепила к корсажу платья – ей нравились цветы. Она уколола палец об острые шипы, и смутная тревога молнией пронеслась в ее душе. Но она не поняла, что бы это могло значить, и закрыла глаза на странное предчувствие.

Когда вернулся Генрих, Екатерина сказала, что согласна на его аферу. А как это еще назвать?

– Вы не представляете, как я вам благодарен, – молодой барон с жаром поцеловал ей руку. Впервые. – Все будет хорошо, доверьтесь мне...

И она доверилась.

Глава 7

Екатерина ушла, а Генрих остался в беседке, чтобы еще раз продумать, что и как говорить отцу. Он закурил, но тут же с досадой загасил сигару – давно пора оставить эту вредную привычку! Смутные сомнения шевелились где-то в дальних закоулках его ледяной души. Стоит ли вообще все это затевать? Ради чего столько усилий?

Может, просто сказать отцу, что он никогда не женится на Эвелине. И будь что будет. Даже если отец выгонит его из дома и лишит наследства, нищим он все равно не станет. Будет меньше появляться в свете. Возможно, Полина его бросит. Но все это вполне можно пережить.

С другой стороны, менять привычный образ жизни Генриху очень не хотелось. Все-таки Полина чертовски хороша, второй такой нет... И без балов и театров тоже делается тоскливо. Нельзя же все время только работать.

Фон Берг снова задумчиво прошелся по беседке и сорвал крупный цветок махрового шиповника, обвинившего мраморную колонну. Вдохнул его сладковатый аромат и почему-то подумал о Екатерине.

Наивная девушка, которая должна стать орудием в его эгоистичном замысле. Он использует ее и заплатит ей, как платят продажным женщинам. И не важно, какие услуги они оказывают. В этом было что-то неправильное, подлое и мелкое. Но он решительно отогнал от себя мысли, которые могли остановить его и помешать в выполнении задуманного плана.

Генрих смял цветок и рассыпал лепестки. Они дождем упали к его ногам, и их вид вызвал в нем странное легкое сожаление.

Да-а, можно легко морочить голову даме или девице, пылко объясняясь ей в любви. Нетрудно сказать: «Вы прелестны, как утренняя роза! Кстати, у меня в спальне висит прекрасное полотно неизвестного живописца "Амур, собирающий розы в саду короля Генриха Французского для Дианы де Пуатье". Не желаете взглянуть?» Все просто и понятно, он – Генрих – безумно влюблен, а дама может сама решать, хочет она стать на некоторое время Дианой де Пуатье или нет. «Да» – отлично, все довольны. «Нет» – ну, воля ваша.

Но объяснить отцу искренность своих чувств, убедить в том, что любовь его сына и Екатерины взаимна и чиста – поистине непростая задача. Генрих влюблялся не раз и не два. Он увлекался, но надолго этого состояния не хватало.

От него начинали требовать невозможного – либо предложения руки и сердца, либо верности навек и постоянных клятв в своей преданности, если дама уже была замужем. И то и другое было для Генриха неприемлемо. Надо отдать должное: молодой аристократ никогда не обманывал своих возлюбленных – кроме денег он ничего им не обещал и не изменял, пока они были вместе.

Когда одна дама сердца ему надоедала или становилась навязчивой, он рвал с ней все отношения и искал другую избранницу. Иметь сразу несколько любовниц Генрих считал непорядочным – у него были своеобразные представления о морали. Девочки мадам Лулу в счет, естественно, не шли.

Со своей нынешней пассией он не расставался уже три года только потому, что она не устраивала сцен ревности, не закатывала истерик и не настаивала на оформлении отношений. Ее пока вполне удовлетворяло непомерно высокое содержание, получаемое от фон Берга.

Они оба были амбициозны, эгоистичны, любили роскошь, и это их сближало. Графиня Полина Рокотова молода и красива, с ней не стыдно появиться в обществе. К тому же она вдова, и их свободные отношения никого сильно не шокируют. По правде сказать, Генриху вообще никогда не волновало мнение о нем окружающих.

Но теперь надо было притвориться пылко влюбленным в невинную девушку. Как это должно выглядеть, Генрих знал весьма приблизительно. Но придется постараться – чтобы после многочисленных бурных романов, его готовность жениться на Екатерине не

показалась отцу абсурдной. Ведь раньше его наследника не посещало безумное желание свить семейное гнездо...

Мысленно Генрих еще раз прокрутил в голове все фразы, которые придумал, и пожалел, что никогда не принимал участие в домашних спектаклях помещика Кудрявцева. Однако все получалось довольно складно и убедительно. «Главное, побольше искренности в словах и смирения во взоре. Ну что ж, пора действовать!» – новоявленный аферист решил, что вполне готов к важному разговору.

Он не стал ждать вечера, а сразу пошел к отцу. Тот встретил его на веранде. Борзая вилась у ног барона, но радостно бросилась навстречу Генриху. Она преданно виляла хвостом и ластилась к молодому хозяину. Старый барон был хмур и задумчив. Они прошли в кабинет, и теперь уже Генрих плотно закрыл двери.

– Ну что, принял решение? – строго спросил барон сына.

– Вы по-прежнему хотите моей женитьбы на Эвелине? – Генрих еще питал слабую надежду, что отец передумал.

– Я задал вопрос, отвечай, – барон был сердит.

– Нет, я не могу жениться на девице Розенфельд, и на это есть причина. – Генрих ласково потрепал по загривку собаку.

– Какая, позволь у тебя узнать? – отец раздражался все больше и больше.

– Я обручен, – Генрих мило и невинно улыбнулся.

– Что?! – взревел барон. – Что за чушь?! С кем, когда?!

– Отец, выслушайте, прошу, а потом решайте, как поступить со мной и моей избранницей, – смиренно попросил сын, склонив голову в знак полнейшей покорности.

– Только не говори, что это твоя распутная любовница, Полина, или как ее там! Я не только лишу тебя наследства, но и прокляну!

– Нет, конечно, нет. Мы уже давно расстались, – Генрих начал лгать и понял, что может запутаться и потерять контроль над тщательно продуманным планом. – Прошу вас, не гневайтесь и выслушайте! Это очень достойная девушка – юная и чистая. Но она бедна, хотя и знатного рода. И крайне стыдится своей бедности. Вы ее знаете... – Генрих решил выдержать паузу и посмотреть на реакцию отца. Тот пока не понял, о ком речь. – Это Екатерина Павловна. Мы очень любим друг друга, – добавил он несколько поспешно.

– Ты, никчемный, бесполезный, беспринципный негодяй! – закричал барон, гневно сверкнув глазами. – Как ты мог воспользоваться ее наивностью! Да ты понятия не имеешь, что такое любовь! Ты заморочил бедной девочке голову! Бедняжка! Она влюбилась в эгоиста и распутника! Как, как ты мог?! В моем доме ты плел вокруг неискушенной девушки паутину лести и лжи, говорил ей красивые и пустые слова. Для нее будет ударом, когда она поймет, как ошиблась в тебе!

– Отец, я виноват. Да, я негодяй и распутник. Но Екатерина поняла и приняла меня таким, какой я есть. Она знает все мои недостатки и пороки. Я без утайки рассказал ей об ошибках моей молодости и пообещал измениться ради нашей любви. Поверьте, полюбив ее, я стал по-другому смотреть на мир. Она в меня верит и поможет мне стать лучше! Любовь преобразует людей, радикально меняет их. И это сейчас происходит со мной. Не лишайте меня последней надежды, а ее первой любви!

«Что я несу?! – подумал Генрих. – Главное, не переигрывать».

Неожиданно барон успокоился. Так могло, по крайней мере, показаться.

– Я знал, что ты холодный эгоист, но не думал, что до такой степени. Я поговорю с Екатериной Павловной, и она поймет, как заблуждалась на твой счет. Я не могу допустить, чтобы бедная девочка из-за тебя потеряла веру в любовь и порядочность.

– Но я действительно люблю ее, умоляю, поверьте! И она меня тоже любит. Я не смогу

жить без нее. Я готов выполнить все ваши требования, только позвольте нам быть вместе! – Генрих говорил страстно, в его голосе звучало неподдельное отчаяние.

Барон был, пожалуй, даже приятно удивлен, что его сын способен на глубокие и искренние чувства. Он видел, как сын переживает и несколько смягчил тон:

– Хорошо, я верю тебе, но не могу согласиться на вашу свадьбу. Ты вспыльчив и непостоянен, твоя любовь быстро пройдет, и ты разобьешь наивной девушке сердце. Если ты и вправду любишь, пожертвуй собой ради ее будущего, ради ее душевного спокойствия. Будь благороден и пойми, что ты ей не пара, – барон сочувственно похлопал сына по плечу. – Конечно, она будет страдать некоторое время, но она молода, скоро все забудет и найдет себе достойного мужа. А у тебя останется пусть и грустное, но светлое воспоминание. И я помогу тебе поговорить с ней. Она добрая душа, она простит тебя. Пока не поздно, объяснись с ней.

Генрих понял, что все рушится и решил идти до конца:

– Поздно, она ждет от меня ребенка...

Генрих испугался, что отца хватит удар. Барон побагровел и упал в кресло. Генрих быстро подал ему стакан воды. Тот машинально выпил. Прошло несколько минут, прежде чем старый барон смог говорить. Он с силой поставил стакан на стол, и хрусталь тихонько и жалобно зазвенел. Барон метнул гневный взгляд на сына:

– Ты в моем доме совратил невинную девушку! Чудовищно! Гадко! Какой же ты развратник и подлец! Какой позор для нашей семьи! И ты смеешь говорить о любви?! Что общего в твоих плотских утехх с высоким чувством?! Ты обольстил чистую, наивную и доверчивую девочку. Мерзавец! Мерзавец и бессердечный ловелас! Я должен был бы тебя проклясть и с позором навсегда изгнать из дома. Но бедная девочка не виновата... Бедная, глупая и обесчещенная... – барон опять замолчал, собираясь с силами и горестно качая головой. Он встал и вплотную подошел к сыну. В отцовском взгляде читались презрение и злость.

– Отец, позвольте сказать... – Генрих понял, что отступать поздно и продолжил смиренно умолять. – Она очень боится вашего гнева, я обещал, что смогу умиротворить вас. Простите меня, простите и дайте шанс все исправить. Поверьте в меня, как верит в меня Екатерина. Я буду ей примерным мужем, она никогда не пожалеет об этом. И должен же быть у ее ребенка законный отец! – последний аргумент он произнес с жаром и пафосом.

– Возможно, она и правда сумеет тебя перевоспитать... Как я не заметил твои развратные поползновения раньше? – продолжал сокрушаться барон, нервно меряя комнату тяжелыми шагами. – Надо было тебя вовремя остановить. Да-а... То-то она вчера не пила вина... И сколько уже?..

– Мало. Чуть больше месяца, – Генрих судорожно соображал, где он был месяц назад.

– Так или иначе, делать нечего. Надо поспешить со свадьбой. Сделаем это до моего отъезда, скромно и без шума.

– Меньше чем за неделю? Так скоропалительно? Это вызовет пересуды в обществе и скомпрометирует Екатерину, – Генрих усердно показывал, как он трогательно заботится о своей избраннице. – Вы уедете, а мы через некоторое время спокойно обвенчаемся, не делая из этого секрета, но и без подозрительной спешки. Мы с Екатериной думаем, что не стоит объявлять о помолвке во всеуслышание. Это наше личное дело. Вот сыграем свадьбу, тогда все и узнают...

– Ты хоть осознаешь, какой ты негодяй? – барон был все еще очень сердит.

– Да, отец... – смирению и раскаянию Генриха не было предела.

– И как тебе повезло с невестой? – голос отца заметно потеплел. Видимо, он подумал о девушке.

– Да, отец, безусловно, и я счастлив... Благодарю вас, вы не пожалеете, что предпочли ее Эвелине.

– А вот это правда, – барон потихоньку начал приходить в себя. – Если бы не это... – барон замялся, – скажем так, обстоятельство, тебе пришлось бы сделаться зятем Розенфельда. Что ж, я согласен на вашу помолвку. Нельзя оставить несчастную девушку в такой беде.

Генрих с чувством поцеловал отца руку:

– Батюшка, вы осчастливили меня и Екатерину! Благодарю вас от всего сердца! Отец, позвольте мне подготовить Катю к этому радостному событию. Она очень боялась вашего гнева. Пожалуйста, не заостряйте внимания на ее положении, она слишком смущается, – Генрих в очередной раз подчеркнул свою заботливость.

– Ты вздумал учить меня деликатности! – прикрикнул на сына барон, сердито сверкнув глазами.

– Нет-нет, что вы, просто я беспокоюсь за Екатерину.

Генрих вышел в коридор и перевел дух. План удался, помолвки с Эвелиной не будет, и наследства его не лишили. Все сложилось почти удачно. Почти...

Осталось объявить Екатерине, что она ждет от него ребенка. Вот здесь могли возникнуть проблемы. Екатерина, с ее гордостью и честностью, вряд ли смирится со своим «положением».

А если отец узнает о чудовищной лжи Генриха, неизвестно, чем это закончится, но однозначно ничем хорошим. Генрих решил увеличить сумму вознаграждения, но понимал, что негодование девушки, скорее всего, не будет иметь границ и гнев ее будет страшен. Как его смягчить, Генрих пока не знал.

«Надеюсь, она не впадет в истерику... – озабоченно думал Генрих. Женские слезы он терпеть не мог. – Нет, она сильная и гордая, плакать не станет. Она меня просто убьет!»

Глава 8

Оттягивать разговор с Екатериной было бессмысленно. До вечера желательно все закончить. Генрих пошел искать девушку, стараясь не думать о том, что его вскорости ждет.

Совесть редко мучила молодого повесу. Он вообще не мог вспомнить, когда это было в последний раз. Пожалуй, в детстве, когда он подложил жабу в сумочку графини Вороновой. Она тогда едва не умерла от испуга и громко визжала, забравшись с ногами на кресло, а шалуну было очень стыдно. Папенька сначала смеялся, но потом разгневался. Мальчика на неделю лишили сладкого, и он жестоко страдал.

Детские впечатления самые яркие. Видимо, именно поэтому наследник оружейной империи очень любил сладости и даже кофе пил с сахаром.

Но теперь сомнения закрались в его душу, и что-то давно забытое начинало исподволь терзать его и глотать изнутри.

Он так легко оклеветал невинную девушку в глазах отца. Назвал ее своей любовницей. И все ради того, чтобы сохранить привычный образ жизни. Безусловно, он с лихвой компенсирует все причиненные ей неудобства.

Да и что такого страшного в том, что она его якобы любовница? С какой стати это вообще должно ее возмущать? Почему благовоспитанных девиц пугает даже само это слово – «любовница»? Он молод, привлекателен, богат, наконец. Вполне можно представить, что она искренне увлеклась им. Другие же увлекались.

И почему большинство девиц непременно хотят замуж? Екатерина замуж в ближайшее время не собирается. Она так сама сказала, ну или дала об этом понять – ее цель учеба, а не семья. Тогда теоретически ничего удивительного в том, что она могла стать его любовницей, нет.

И вообще, какая разница – фальшивая невеста или фальшивая любовница? Это всего лишь слова, и ничего более. «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет», – вспомнил Генрих бессмертного Шекспира. Уж наверное тот знал, что говорил.

Екатерина так и останется чистой и непорочной девушкой, как ее ни назови. Ведь это только безобидная ложь, не более. Никто же не намерен объявлять о ее «беременности» во всеуслышание. Так не все ли равно, как ей называться. Просто надо доходчиво объяснить это девушке, и инцидент будет исчерпан. Жаль, но она вряд ли это поймет...

Генрих прекрасно отдавал себе отчет в том, что все его доводы хороши только для него самого. К тому же логика у женщин своеобразная. А у девиц ее вообще нет.

Хотя, конечно, отличие между невестой и любовницей все-таки есть, и немалое... Особенно если любовница еще и беременна...

Екатерина сидела в гостиной и читала свою «Практическую ботанику». Услышав его шаги, вздрогнула и чуть не выронила из рук книгу. Девушка была напряжена до предела. Генрих ободряюще ей улыбнулся, правда, выглядело это несколько натянуто. Она устремила на него глаза, полные ужаса.

– Все прошло нормально, – успокоил ее Генрих, чтобы раньше времени не вызвать лишних вопросов. – Давайте пройдемся по парку, надо обговорить детали. Отец хочет видеть нас вечером. Нам желательно казаться влюбленными и счастливыми.

– Я уже жалею, что согласилась, – призналась Екатерина, продолжая с тревогой глядеть на Генриха.

– Теперь поздно что-то менять. Все сложилось неплохо. Отец не гневается. На вас, по крайней мере, – он старался придать своему голосу уверенность, но от девушки, очевидно, не ускользнула напряженность в его словах.

На этот раз Генрих повел Екатерину в самый отдаленный уголок парка, в полуразрушенный старинный павильон на берегу пруда. Он не знал, как она поступит,

но предполагал, что проклятий, упреков, а возможно, и громких криков в свой адрес выслушает немало.

– Отец одобрил нашу помолвку, – начал Генрих издали, невольно стремясь оттянуть неприятный момент. – В ближайшее время я положу на ваш счет в банке оговоренную сумму или выдам вам наличные. Как пожелаете. Кроме того, я прибавлю еще столько же за непредвиденный поворот нашего плана.

– Вашего плана, – поправила его Екатерина. – Итак, что за поворот?

Генрих замялся и стал думать, как бы поделкатнее объяснить возникшую проблему.

– Ну, говорите же, – поторопила его девушка.

Генрих продолжал тянуть время. Хотя прекрасно понимал, что это не имеет смысла и буря неумолимо приближается.

– Отец очень высокого мнения о вас... Так же как и я, – поспешно добавил он.

– Это вы уже говорили утром, – она начала беспокоиться. – В чем дело?

– Отец считает, что я недостоин вас. С этим тоже не поспоришь... – молодой повеса неподдельно вздохнул.

– Довольно ходить кругами! Что не так? – ее нетерпение нарастало с каждой минутой.

– Он хотел отговорить вас от опрометчивого шага связать со мной свою жизнь....

– Вы же сказали, Александр Львович согласился?

– Согласился, – обреченно подтвердил Генрих.

– Так что же все-таки за непредвиденный поворот? Что вы мнетесь?

– Прошу вас, постарайтесь отнестись к этому спокойно... – через мгновение должна была грянуть буря, и Генрих мужественно приготовился встретить ее первый удар.

– К чему? Ну же! – прикрикнула девушка нетерпеливо.

Весь запас ее терпения был исчерпан. Барон посмотрел ей в лицо и как можно более бесстрастно произнес:

– Мне пришлось сказать, что вы ждете от меня ребенка.

Екатерина остолбенела. Она не верила своим ушам.

– Что? – беззвучно спросила она.

Затем девушка побелела, как полотно, и обессилено села на обломок колонны. Генрих подумал, что она вот-вот лишится чувств. Но Екатерина сразу же пришла в себя, и ее темные глаза метнули молнии. Генрих понял, что Шекспира лучше, пожалуй, не поминать.

– Негодяй! Вы опорочили меня, запятнали мое честное имя! Как, как вы могли себе такое позволить! Я разрываю эту сделку. Мне не нужны ваши грязные деньги!

– Успокойтесь и послушайте! – пытался воззвать к ее благоразумию Генрих.

– Ничего мне не говорите! Я не желаю слушать такого мерзавца, как Вы! – она резко поднялась и решительно направилась к выходу из павильона.

– Да, пускай я негодай и мерзавец. Но вы не уйдете отсюда, пока не дослушаете меня, – Генрих преградил ей путь.

– Хорошо, я выслушаю вас. Но не надейтесь, я молчать не буду! Ваши деньги не заткнут мне рот! Я не возьму их! Не все можно купить! – с негодованием ответила Екатерина, гордо вскинув голову и с презрением глядя ему в глаза снизу вверх, – Я выслушаю вас, а

потом все расскажу вашему отцу! Пусть думает обо мне что хочет, пусть с позором выгонит меня из дома как алчную проходимку. Но вас он просто перестанет уважать после всего этого! – от злости ей стало не хватать воздуха, и она с трудом перевела дух.

– И кому от этого будет лучше? Меня лишат наследства и проклянут. Я уже говорил, что смогу и без отцовской поддержки жить безбедно. Разрыв с семьей для меня будет трагедией, но я это как-нибудь переживу. Вас отец сочтет аферисткой, вы ведь приняли предложение его негодяя-сына. А возможно, он поверит в вашу беременность, и что? Уж тогда ваша репутация точно пострадает! Сейчас все еще можно исправить – я убедил отца не спешить со свадьбой. Он уедет, у вас произойдет «выкидыш». Вы разорвете со мной помолвку. Все как договаривались. О вашей «беременности» никто никогда не узнает.

– Я не беременна! – прорычала Екатерина. – Подлец, как вы все продумали! Как все рассчитали! Вам плевать на мою честь!

– Убеждать вас сейчас, что это не так, бесполезно, я думаю... Давайте доведем все до конца, мы уже перешли Рубикон. Поздно поворачивать, – Генрих старался урезонить ее своими вескими доводами.

– Хорошо. – Екатерина сердито мерила шагами руины павильона. – Хорошо, мы доведем все до конца. Я возьму ваши деньги! Да! Да! Да! И я буду презирать вас всю оставшуюся жизнь! И себя тоже! Как же я вас ненавижу! Как ненавижу! – она размахнулась, чтобы дать фон Бергу пощечину.

Тот мгновенно перехватил и сжал до боли руку девушки. Приблизил свое лицо почти вплотную к ее и гневно прошептал, разделяя слова:

– Никогда, слышите, никогда не замахивайтесь на тех, кто сильнее вас!

Глаза Екатерины потемнели от ненависти. Она попыталась вырвать руку, но Генрих крепко держал ее. Тогда она со всей своей злобой вцепилась зубами в его показавшееся из-под рукава запястье. Барон невольно разжал пальцы и отдернул руку. Укус был очень серьезным.

Екатерина почувствовала, что в ее рот попала кровь, которая имела странный привкус металла. Девушка рефлекторно сглотнула. Губы ее тоже были в крови.

Генрих осмотрел рану. Она была довольно глубокая. Кровь капала на землю. Манжет белоснежной рубашки и рукав сюртука были запачканы алым. Екатерина достала батистовый платок. Фон Берг взял его и завязал руку.

– Это не для вас, я хотела вытереть губы! – со злостью сказала девушка.

Генрих пропустил это замечание мимо ушей. Он дотронулся до укуса и поморщился:

– Ну что, полегчало? Успокоились? Вытрите рот – вы похожи на вампира.

Екатерина стерла кровь тыльной стороной ладони, так как платка не было.

– Надо привести себя в порядок, вечером пойдем к отцу, – теперь барон говорил властно и уверенно.

Она согласилась взять деньги, а значит, они заодно и церемониться нечего.

Генрих отнял платок от раны. Кровь уже остановилась. Место укуса покраснело, вокруг него образовался кровоподтек. Екатерина с ожесточением выхватила у фон Берга окровавленный комок:

– Я возьму его в качестве трофея! Вечером мы завершим это грязное дело. Но до отъезда вашего отца старайтесь держаться от меня подальше. И не встречайтесь мне лишней раз – слишком велико искушение рассказать ему все! – она снова гневно сверкнула глазами, резко повернулась и быстрыми шагами пошла к особняку.

Генрих еще раз посмотрел на укус, опустился на обломок колонны и устремил отрешенный взор на темную зеркальную гладь пруда.

«Маленькая хищница! – почти с восхищением подумал он. – Сколько же она проглотила крови? Надеюсь, что недостаточно... В противном случае у малышки могут быть очень, очень большие неприятности. Намного хуже ее «беременности». Будем верить, что все обойдется...» – Генрих попытался отогнать от себя беспокойные мысли.

Он поднял плоский камешек и пустил его вдоль водной глади. Голыш запрыгал по ней, образуя ровные круги, расходящиеся во все стороны. Генрих задумчиво проследил за ним взглядом, и когда тот наконец с громким плеском утонул, не торопясь пошел к дому.

Глава 9

Екатерина почти бежала по парку. Ее сердце бешено колотилось, в горле стоял комок и не давал дышать. Девушка начала задыхаться. На ступенях особняка она остановилась и судорожно глотнула воздух. Она чувствовала слабость, голова кружилась, а в висках стучало. Екатерина оглянулась по сторонам, а потом бесшумно, как воровка, осторожно открыла дверь и проскользнула в дом.

Оглядываясь, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, особенно старому барону, она опасливо кралась по коридору и лестнице, вздрагивая при каждом шорохе или скрипе. Екатерина пугалась собственной тени, а ее тихие шаги раздавались в ушах громким эхом.

Наконец она добралась до своих комнат и заперла дверь. Здесь она смогла дать волю чувствам. Девушка упала на кровать, зарылась головой в подушку и разрыдалась в голос. Плакала она долго. Ей было жалко себя, старого барона, которого она так коварно обманула, Андрюшу, которого теперь не увидит.

Она оплакивала свой позор и свою утраченную честь, будто и правда была беременна от Генриха. Ей казалось, что все уже знают о ее участии в грязной афере. Екатерина чувствовала себя слишком безнравственной и очень несчастной.

«Как же прав был Алеша! Как я могла пойти на поводу у этого мошенника и подлеца! Какая я дура! Милый, милый Алеша, он, возможно, поверит мне и поймет! Он сможет утешить меня и скажет, как правильно поступить... Надо поговорить с ним... Нет, нет, нельзя! Он, конечно же, вызовет Генриха на дуэль, и этот гнусный тип убьет Алексея. Что же делать, как из этого выбраться, с кем поделиться и попросить совет? Как хорошо начинался день, и как теперь все ужасно. Зачем, зачем я на это согласилась? Чего мне не хватало? Захотела легких денег! Дура, вот дура! Я же знала, что собой представляет этот прохвост! Ну почему я ему поверила? Так меня оклеветать в глазах барона! Я – одна из его любовниц! Да еще и беременная! Смешал меня с грязью! Как же я его ненавижу!» – ее мысли лихорадочно метались и искали выхода.

Запоздалое раскаяние было бесполезно и не приносило облегчения. Безысходность сменялась злостью, а злость жалостью. Ненависть к Генриху была так велика, что хотелось его убить. Нет, не убить, искалечить... Чтобы он долго мучился...

У него нет ни малейшего понятия о порядочности. Для него честь девушки – пустые, ничего не значащие слова. Да и откуда ему знать, как это важно для Екатерины? Она для него никто и ничем не лучше продажных женщин, с которыми он развлекается.

И он прав – она же согласилась принять его план и взять деньги. Так что она такая же, как этот негодяй – обычная аферистка, жадная и бесчестная.

Слезы не унимались, отчаяние тоже. Мысли в голове путались. Сколько времени это продолжалось, девушка не знала. Наконец она села на кровати, попыталась успокоиться и мыслить без эмоций и разумно, насколько это было возможно в данной ситуации.

Генрих сказал, что барон не гневается. Значит, их подлый план удался. И Генрих прав – Рубикон перейден. Уже ничего не изменить. Надо доиграть до конца. Главное – это выдержать.

А потом она найдет способ загладить свой ужасный поступок перед бароном. Ну а Генриха она будет презирать и ненавидеть всю жизнь. До мести она не опустится, нет, это ниже ее достоинства. А деньги этого гада возьмет – хоть какая-то компенсация за ее позор и унижение.

Екатерина пошла в ванную комнату. Девушка посмотрела в зеркало и ужаснулась – веки опухли от слез, лицо было бледно и покрылось красными пятнами. Ее всю трясло. Волосы растрепались и торчали в разные стороны. Она походила на кикимору или бабугу.

Но внешний вид сейчас меньше всего волновал девушку. Ей хотелось спрятаться от окружающего мира, а это было невозможно. Надо было двигаться дальше, хочет она того или нет, ведь жизнь продолжалась.

Екатерина наполнила ванну горячей водой и налила успокоительный настой из трав. В помещении терпко пахло жасмином и гвоздикой. Затем щедро насыпала порошка, который когда-то готовила сама для придания сил и свежести и легла в ванну, чтобы согреться и набраться сил.

Слезы непроизвольно продолжали бежать по щекам. Каждый раз, когда девушка начинала жалеть себя, она снова начинала плакать тихо и безутешно. Минуло много времени, вода в ванне остыла, но Екатерина пришла в себя и хоть немного успокоилась.

На душе у девушки было по-прежнему скверно. Она не могла без отвращения думать о Генрихе. Но и себя она не переставала винить, ведь ее никто силой не принуждал соглашаться. Она прекрасно отдавала себе отчет, что это неправильно.

Конечно, девушка не могла предположить, что все так обернется. Но не трудно было догадаться, что что-то может пойти не так. А теперь поздно искать себе оправданий, время вспять не повернешь...

Екатерина оделась и начала приводить себя в порядок. Глаза красные, как у вампира, с этим ничего поделать нельзя. Пятна на щеках почти прошли – помог освежающий настой, но необыкновенная бледность заливала лицо.

Вполне можно списать это на беременность. На беременность! Какой же он все-таки мерзавец! Девушка снова начала злиться на Генриха и его аферу. И снова захотелось его ударить. Как он сильно схватил ее за руку! На запястье остался синяк – как браслет. Грубиян, посмеявшийся угрожать ей! Мало она его укусила. Девушка никак не могла унять свою бессильную злость, переходившую в отчаяние.

Она причесалась, немного припудрила лицо... Это не улучшило ее душевное состояние, но вид она приобрела аккуратный и можно было показаться людям, не рискуя их напугать.

Близился вечер. Екатерина села у окна и стала ждать Генриха. Она не будет выходить из комнаты, пусть тот сам придет за ней – это нужно, прежде всего, ему.

Девушка не ошиблась, через некоторое время в дверь тихонько постучали. Она молча отворила. На пороге стоял Генрих.

Их взгляды встретились. Он не отвел глаз, но смотрел отчужденно, она – с нескрываемой ненавистью.

Генрих пропустил девушку вперед, и они молча пошли по длинному полутемному коридору в кабинет Александра Львовича. Екатерина радовалась, что Генрих молчит – любое его слово или даже попытка извиниться немедленно вызвали бы у нее прилив гнева и бурю эмоций. Наверняка она бы разрыдалась перед этим негодяем, а ей не хотелось выглядеть слабой и беспомощной.

Генрих открыл дверь кабинета, вошел первым и за ним, с опущенной головой, появилась девушка. Она думала только об одном – как снова не заплакать.

Барон стоял у окна. Он тепло смотрел на Екатерину, но она не смела поднять на него глаза.

– Дитя мое, не бойся, подойди, – голос Александра Львовича звучал негромко и приветливо.

У Екатерины подкашивались ноги и слезы снова навернулись на глаза. Она подошла, и барон поцеловал ее в лоб. От этого ей стало еще хуже, и она почувствовала себя последней дрянью. Слезы невольно потекли по ее бледным щекам.

Сейчас она себя ненавидела даже больше, чем Генриха. Барон достал платок и потечески вытер ее щеки.

– Ну, ну, ну... Полно... Все не так плохо. Присядь, Катенька. Можно, я буду тебя так называть? – старый барон говорил очень ласково.

Она молча кивнула. Слезы не останавливались и капали ей на платье, оставляя мокрые

круги, подобно каплям дождя. Барон опять заботливо промокнул ей слезы и отдал платок. Она скомкала его в руке и судорожно вздохнула, вздрогнув всем телом. Александр Львович погладил ее по плечу:

– Как тебе известно, я дал согласие на вашу помолвку. Не смущайся. Ты мне теперь как дочь. Генрих все рассказал мне. Он, конечно, не подарок. Но он непритворно любит тебя, и я думаю, ты сможешь благотворно влиять на него. Но не хочу утомлять тебя. Тебе теперь будет неуместно и трудно выполнять обязанности гувернантки. Я обещал Андрюше, что этим летом он поедет к дяде, брату его матери. Завтра он уезжает, и тебе не надо будет больше утруждать себя утомительными занятиями с ним. Видно, что ты переволновалась, иди, отдыхай, набирайся сил. Теперь тебе надо себя беречь. А завтра мы все обсудим, – барон был очень добр и деликатно подбирал слова, чтобы нечаянно не ранить чувства Екатерины.

– Благодарю вас, – только и смогла произнести она.

Выйдя из кабинета, она медленно, тихими шагами пошла на веранду. Свежий ветер немного приободрил девушку. Вскоре появился Генрих. Они опять долго молчали. Наконец барон сдержанно и проникновенно заговорил:

– Я искренне прошу у вас прощения. Мне жаль, что это причинило вам боль... – в его словах слышалось неподдельное раскаяние, но Екатерину это не тронуло.

– Я вас никогда не прощу. Лучше не извиняйтесь. Что вам сегодня еще надо? – бесцветным голосом спросила девушка.

– Хочу отдать вам обещанную сумму. Принести сейчас? – чувствовалось, что ему неловко говорить о деньгах. Да и вообще он выглядел виноватым, что не вязалось с обликом блестящего аристократа. Но девушке были безразличны его моральные терзания. Она ему больше не верила.

– Успеется, – не глядя на Генриха равнодушно сказала Екатерина и неслышными шагами, как тень, ушла с веранды.

Она не могла думать ни о чем другом, кроме как о подлом обмане своего благодетеля. Доброта и благородство старого барона добились ее окончательно, и она ощущала себя ничемным и пропащим созданием.

Девушка вернулась в свои комнаты. Она сказала горничной, что не будет сегодня ужинать, сославшись на головную боль, и попросила ее не беспокоить.

На туалетном столике стоял великолепный букет, присланный утром князем Апухтиным. Девушка задумчиво погладила цветы – они все еще были свежи и прекрасно пахли.

Раз она так низко пала в собственных глазах, может, стоит попробовать выйти замуж за князя Апухтина, когда все закончится? Или за любого другого богатого графа, фабриканта, банкира, купца, да все равно кого?

Не надо будет думать о том, где взять деньги на учебу. Да и учеба тоже будет не нужна – жене богача работать ни к чему. Как сказал Генрих, будет радовать мужа, растить детей. И никаких романтических мечтаний о пользе людям. Люди отлично обойдутся без нее и без ее помощи. Никто никогда не поинтересуется, чем она живет. Даже Алексея ее мечты не особо волнуют. Он спрашивает о них только из любви к Екатерине, просто заискивает перед ней.

Сегодня она поставила во главу угла деньги. Может быть, стоит просто подороже себя продать? Многие девицы выходят замуж по расчету. Раньше она гордо презирала таких особ. А теперь сама мало чем от них отличается. Она тоже оказалась падкой на деньги.

Девушка снова задумчиво провела рукой по цветам и наткнулась на визитку князя: «Уважаемой Екатерине Павловне с поклоном и пожеланием доброго утра от ее верного слуги и преданного друга. P.S. Луну и звезды пришлю чуть позже...» Екатерина невольно вспомнила вчерашний вечер. Князь-то чем ее обидел? Милый и внимательный человек. Ничем ее не оскорбил, не предлагал никаких непристойностей.

Не стоит искать виноватых и захлебываться от жалости к себе. Генрих, безусловно,

мерзавец. Но он не принуждал ее под дулом пистолета участвовать с этой афере – она сама позволила себя уговорить. И довольно легко. Сомнения ее тогда не сильно мучили.

Так что не стоит раскисать. В этот раз она поступила глупо и опрометчиво. Надо сделать выводы и двигаться дальше, а не лить слезы попусту.

Екатерина почти успокоилась. Что ж, она разобралась в своих чувствах и действиях. Она продолжит готовиться в Университет. У нее есть цель, и она будет к ней идти, несмотря ни на что.

Глава 10

Поникий вид Екатерины вызвал в Генрихе искреннее сочувствие, и даже сострадание. Впервые за многие годы в его душе шевельнулось давно забытое раскаяние и жалось к кому-то. Девушка ушла, а Генрих в очередной раз за последнее время ощутил себя законченным негодяем. Где-то глубоко в груди было холодно и мерзко.

Хотелось вернуть девушку и попытаться попросить прощения. Но это было бессмысленно. Он знал, что она его никогда и ни за что не простит. И знал это наверняка, с пронзительной ясностью.

Однако душевные муки Екатерины и ее жгучая ненависть хотя и волновали Генриха, но тревожила другая, куда более важная проблема. И она требовала незамедлительного решения.

Генрих вновь вернулся к отцу:

– Благодарю вас за деликатность. Екатерина очень переживает...

– Вижу. Она скоро привыкнет к своему новому положению в доме. Хорошая девушка. Заметно – проплакала все утро, боялась, как я приму ее... Теперь тебе неприлично будет жить с ней под одной крышей до свадьбы. На ночь здесь тебе оставаться не стоит. Следует избегать всего, что может бросить тень на Катю или скомпрометировать ее. Приедешь завтра утром, позавтракаем и вместе отправимся на завод. Еще очень много дел. До моего отъезда осталось совсем мало, а тебе придется вникать во всякие тонкости. Но ты справишься, я не сомневаюсь. В работе я тобой доволен. Не разочаруй меня в своей семейной жизни. Катя – редкое сокровище.

Для Генриха все это было не ко времени. Но тут уж ничего не поделаешь – отец оставлял управление завода на него и надо было оправдать его надежды.

Генрих попрощался с отцом и поехал в город. Смеркалось. Он гнал на своем автомобиле по темной дороге, идущей вдоль реки. Генрих думал о том, что сегодня надо еще столько всего сделать и при этом желательно не разбиться и не свернуть себе шею где-нибудь под откосом или в овраге.

Добравшись до города, он направился к уже закрытой рыбной лавке купца Рукавицына, расположенной в старом приземистом кирпичном доме с металлическими ставнями, и заколотил в дверь.

Заспанная прислуга поинтересовалась, чего барину угодно – лавки в городе закрывались рано. Генрих потребовал хозяина. Рукавицын был удивлен и обеспокоен поздним визитом молодого фон Берга.

Купец отправил прислугу спать и запер дверь. Еще раз убедившись, что в лавке никого нет, он предложил Генриху пройти в помещение в глубине дома.

– Здесь нас никто не услышит и не помешает. Не ожидал увидеть вас нынче, Генрих Александрович. Не иначе, случилось что-то непредвиденное... Итак, чем могу служить, чего желаете?

– Мне нужен мраморный угорь, и немедленно, – заявил Генрих.

Рукавицын удивленно посмотрел на него:

– Я должен был бы испросить позволения, но Магистр отбыл на Охоту... Это не подождет до его возвращения?

– Нет, к сожалению. Времени осталось совсем мало и я не могу ждать.

– Магистр будет недоволен... Я обязан доложить ему о вашем требовании, как вы понимаете.

– Знаю. Встречусь с ним, как только он вернется, и подробно расскажу обо всем случившемся. Но сейчас я вынужден действовать по обстоятельствам, и всю ответственность беру на себя, – Генриху не хотелось думать о том, что его ждет.

Придется в очередной раз испытать на себе силу гнева Магистра. А гневаться тот умел...

- Воля ваша... Рассчитывайте на меня, если потребуется. Могу повременить с докладом... - купец искренне сочувствовал фон Бергу.

- Благодарю, не стоит. Делай, что положено. Ты меня и так не раз выручал. Теперь попробую разобраться сам.

Купец вышел и вскоре вернулся с небольшим свертком.

После этого Генриху пришлось еще долго мотаться на автомобиле по городу, прежде чем он нашел лавчонки, в которых приобрел нужные ему корешки и травы. Перебудив всех и там, он наконец получил все, что требовалось.

Собрав необходимые ингредиенты, Генрих поспешил в поместье. Была уже глубокая ночь. Он оставил автомобиль за оградой в лесу, спрятав его в зарослях так, чтобы он не привлекал внимания, если вдруг какая-нибудь парочка влюбленных вздумает прогуляться по дороге.

Стараясь не шуметь, Генрих прошел на задний двор и направился во флигель, где в одиночестве обитал кучер. Семья Егора жила недалеко от поместья, в деревне, куда он наведывался каждые свои выходные.

Этот сорокалетний мужчина выглядел, как обычный барский кучер - темные кудрявые волосы с чуть заметной проседью, карие внимательные глаза с хитрецей, пышные, лихо закрученные усы, которые делали его франтом.

Он немало удивился позднему визиту молодого барона и по его озабоченному виду понял - что - то произошло. Генрих кивнул Егору и устало опустился на кованный сундук, стоявший у окна.

- Это мраморный угорь. Надо, чтобы его подали на завтрак. Можешь смешать приправы? У тебя это получается лучше, чем у меня, - он протянул сверток и травы. - И пусть горничная скажет Екатерине Павловне, что мой отец приглашает ее, она может без этого не прийти.

Егор с удивлением и тревогой посмотрел на барона:

- Не сомневайтесь, будет сделано.

- Хорошо.

- Екатерина Павловна? - с опаской спросил Егор.

Фон Берг кивнул.

Егор наскоро накрыл на стол и приготовил чай. Теперь можно было перевести дух - гонять туда-сюда из поместья в город и обратно по темноте было не просто. Генрих машинально брал одну сушку за другой и с хрустом разгрызал их, запивая крепким и сладким чаем.

Его мысли роились в голове и не давали покоя. Он увидел свое искаженное отражение в пузатом самоваре - настоящее чудовище. Вероятно, внутри он таковым и является.

Оболгал невинную девушку. Из-за него жизнь Екатерины изменится безвозвратно. В свой Университет она, наверное, уже не поступит. А он продолжит вести привычное существование. Бездушный монстр, думающий только об удовольствиях.

Еще была слабая надежда, что все обойдется, но в глубине подсознания Генрих чувствовал - нет, не обойдется... И виной всему он со своим эгоизмом и легкомыслием.

Егор не задавал вопросов, пил чай молча, и Генрих был ему за это крайне признателен. Рассказывать пока нечего. Хорошо, если и завтра будет так же, но это вряд ли...

Генрих перекинулся с Егором несколькими ничего не значащими фразами. Они допили чай. Фон Берг, наконец, немного передохнул и покинул флигель, стараясь оставаться незамеченным.

Если бы кто-нибудь случайно увидел Егора и Генриха, пьющих чай в жилище кучера, он пришел бы в недоумение. Было заметно, что этих двоих связывает если не дружба, то по меньшей мере взаимное уважение и общие интересы. А что общего может быть у блестящего аристократа и его слуги?

Генрих обошел темный особняк, скрываясь в тени деревьев. Взглядом нашел окна комнат Екатерины, расположенных на втором этаже. Одно из них светилось – было уже поздно, но девушка не спала. И он тому причиной. Наверняка переживает, может даже плачет. «Зачем я тут хожу? – подумал Генрих. – Что хочу увидеть?»

Угрызения совести не давали ему покоя: «Все же зря я сказал отцу, что она ждет от меня ребенка. Подло получилось. Она меня не простит... А если все-таки не обойдется? Она мне больше не поверит. И что потом? Ладно, завтра будет видно, тогда и стану решать, что делать и как быть. А пока это все равно бессмысленно...»

Фон Берг всегда гордился тем, что мыслит логично и бесстрастно. Но ныне не мог избавиться себя от тревожных дум. Ведь это касалось не его, а Екатерины, которая ни о чем пока не догадывалась. Он не мог просто выкинуть все это из головы, как ни старался.

Генрих вернулся к автомобилю и теперь уже не спеша поехал в город. Погруженное в сонную темноту поместье растворилось в ночи.

Впереди город тускло мерцал золотыми огнями, люди беззаботно спали или развлекались, жили обычной жизнью.

На душе у молодого аристократа было беспокойно, а он привык доверять своим предчувствиям. Прохладный ветер трепал его волосы и обдувал лицо, но не освежал голову.

Можно было навестить Полину, развеяться, но Генрих раздраженно отогнал эти мысли. Не сегодня... Сейчас он даже думать не хотел о ней – бесчувственная и самовлюбленная светская львица.

А он-то сам чем лучше? Так просто поломал судьбу девушки, которая только-только вошла во взрослую жизнь и за которую некому заступиться.

Чувство вины не покидало Генриха ни на мгновение, тяжелым камнем лежало на сердце и мучило своей необратимостью.

Глава 11

Постепенно Екатерина начала свыкаться с мыслью, что придется довести затеянное до конца. Если она не решилась признаться во всем старому барону вчера, и он принял ее как родную, поздно каяться. Теперь подобное признание будет выглядеть как вероломное предательство ее благодетеля.

Она все глубже погружалась в обман, и слезами тут не помочь. Ей надо продержаться меньше недели и доиграть эту отвратительную комедию до отъезда Александра Львовича, а потом постараться забыть все как страшный сон.

Девушка начала понимать, что хотя лгать ей неприятно, она быстро учится этому. Слишком быстро. Если вчера она просто сгорала от стыда, то теперь почти готова к общению с бароном и, скорее всего, слезы уже не будут ее душить.

«Надо стараться почаще молчать и, по возможности, пореже говорить. Или говорить обтекаемо, – думала она. – И не показывать, как мне омерзителен Генрих. Все-таки я его вроде как люблю». Последнее было сложнее всего, так как даже думать об этом негодяе она не могла без презрения и ненависти.

Екатерина не хотела выходить к завтраку, но понимала, что такое поведение будет выглядеть странно. Она и так не появилась вчера на ужине. Не может же она все время сидеть в комнате, как затворница.

Кроме того, ей передали приглашение старого барона и отказываться было уже просто неприлично. Хотя это приглашение ее несколько удивило. Не все ли равно, будет она за столом или нет?

Видимо, барон опасался, что она из-за стеснительности станет избегать общения с ним в качестве будущей невестки. Хорошо, что Александр Львович не заподозрил ее в желании выйти замуж по расчету. Вот это было бы поистине ужасно... Старый барон так добр к ней.

Что будет, если он узнает правду? Что вся эта ложь нагромождена ради его Генриха? А она просто взяла деньги за исполнение своей роли. Она снова почувствовала себя жалкой лгуньей.

Сегодня завтрак подали рано – барон вместе со старшим сыном ехал на фабрику. Андриюша всегда вставал позже и кушал отдельно от взрослых членов семьи.

Когда Екатерина спустилась в столовую, барон и Генрих уже сидели за столом и ждали ее. Девушка пожелала им доброго утра и села за стол, стараясь не поднимать глаза ни на барона, ни на Генриха. Даже смотреть на этого самоуверенного наглеца ей не хотелось.

Подали завтрак. На длинном блюде среди вареного картофеля лежала жареная рыба, похожая на змею, украшенная специями и зеленью с лимоном. Старый барон любил угрей и с удовольствием принялся за еду.

Генрих поковырял вилкой в тарелке с кушаньем, но к рыбе не притронулся. Он не сводил встревоженных глаз с Екатерины, будто опасался, что она сделает что-то не так или выкинет какой-нибудь неподобающий фокус.

Ей это совсем не нравилось и сильно нервировало.

– Генрих Александрович, вы так внимательно на меня смотрите, – не удержалась Екатерина. – В чем дело? – Она невольно провела рукой по волосам. Может, прическа не в порядке? Или платье?

– Просто люблюсь вами... – он изобразил улыбку, но получилось фальшиво.

Генрих нагло врал, и Екатерина это прекрасно понимала. Он не был хорошим актером. Впрочем, она тоже играла свою роль совсем не убедительно.

Даже странно, что барон до сих пор не раскусил их. Видимо, списывает все на

«беременность» Екатерины и их взаимное смущение. Интересно, может ли Генриха вообще что-то смутить?

Девушка взяла в рот кусочек угря, но не смогла проглотить его и выплюнула на тарелку:

– Это же невозможно есть, она горькая, как хина! – воскликнула Екатерина с удивлением.

– Деточка, в твоём положении это нормально, – снисходительно улыбнулся старый барон, с удовольствием поглощая рыбу.

– В моём положении? – не поняла Екатерина. – В каком? Ах, ну да... Да... Конечно...

Она с плохо скрываемой ненавистью посмотрела на Генриха и увидела в его взгляде озабоченность и тревогу.

«Может, он хочет меня отравить или приворожить? – подумала девушка. – Но у ядов и зелий нет вкуса, или он очень слабый. А тут страшная горечь. И зачем травить меня в столовой? Я не запираю комнату, и у меня на столе стоит кувшин с водой. Да и барон ест эту же рыбу с удовольствием».

Она заметила, что Генрих не притронулся к рыбе.

– А вы почему не едите? – спросила Екатерина, стараясь придать голосу если не приветливость, то хотя бы равнодушие.

– Я не ем угрей, – Генрих был мрачен.

Это все начало казаться девушке странным.

– Катенька, – ласково начал барон. – Я думаю, вам с Генрихом стоит пожениться после моего отъезда. Если мы сделаем это до того, как я уеду, а осталось всего несколько дней, поспешность будет выглядеть нехорошо. И может вызвать подозрения и толки, что плохо отразится на твоей репутации. Поженитесь через пару недель – это будет похоже на ваше решение пойти наперекор моей воле повременить со свадьбой до осени. А когда я вернусь, вы уедете в одно из наших отдаленных поместий и останетесь там до положенного срока. Но не затягивайте со свадьбой надолго – время не на вашей стороне.

Екатерине опять стало стыдно от такой заботы и деликатности барона.

– Да, вы правы, Александр Львович, – только и смогла выговорить она.

– Я тоже с вами полностью согласен, отец, – поддержал ее Генрих с неестественной живостью.

Когда завтрак был закончен, Екатерина обратилась к сыну барона с плохо сдерживаемым раздражением:

– Генрих Александрович, уделите мне пару минут.

– Да, конечно, Екатерина Павловна, – он был сама любезность.

– Как вы друг к другу обращаетесь! По имени-отчеству, как на званом обеде! – воскликнул фон Берг. – Хватит уже меня стесняться и притворяться чужими людьми. Почему вы даже не поцеловались при встрече? Вам незачем скрывать свои чувства! – барон был настроен благодушно и весело.

«Только этого мне не хватало!» – с досадой подумала Екатерина.

На лице Генриха тоже отразилось некое замешательство, которое не ускользнуло от девушки.

– Ну что ж, помилюйтесь наедине, но недолго, время не ждет, – барон одобрительно похлопал сына по плечу и вышел из столовой пружинистой походкой, довольно мурлыкая себе под нос фривольную песенку из модного водевиля.

– Что все это значит?! – гневно начала допрос Екатерина.

- Вы о вкусе рыбы? – невинно поинтересовался Генрих, будто могла быть еще какая-то причина для подобного вопроса.

- Да!

- Скажу вам через несколько дней, сейчас не могу, – было заметно, что Генрих хотел побыстрее отделаться от девушки и ее неудобных вопросов.

- Не можете!? Не лгите мне! Просто не хотите, не так ли? – наглое поведение молодого повесы ее все сильнее и сильнее раздражало.

- Не имею права, – его слова звучали искренне, но она ему больше не верила.

- Хватит изворачиваться и врать! Это яд?

- Нет, конечно! Как вы могли такое подумать! – возмутился Генрих. Подобное предположение заметно оскорбило его. – В ваших глазах я, определенно, негодяй. Но неужели я похож на отравителя и убийцу?

- Приворотное зелье? – с некоторым сомнением предположила девушка, гадая, что все это может значить.

- И не надейтесь. Я уже вам сказал, что все объясню через несколько дней. Наберитесь немного терпения. А сейчас проводите меня как примерная невеста. Отец уже, наверное, меня ждет.

- Целовать я вас не буду! – она с нескрываемой злостью сверкнула глазами на Генриха.

- И не надо, – применительно согласился он. – Но только давайте хотя бы обращаться друг к другу по имени, а то мы какая-то странная влюбленная пара в глазах отца.

- Хорошо. Но и только!

Екатерина проводила Генриха до автомобиля, прощаясь, молодой барон поцеловал ей руку.

- До свидания, Екатерина! – с фальшивой нежностью проговорил он и широко улыбнулся, изображая влюбленность.

- Удачного дня, Генрих! – слащавым голосом проворковала девушка и тоже скривилась в подобии милой улыбки. Больше всего на свете в этот момент ей хотелось придушить своего «жениха».

Однако со стороны все выглядело более или менее убедительно.

Екатерина вернулась в дом и пошла в свою комнату, думая о странной рыбе. Она не понимала, что происходит, и это ее очень беспокоило. Никаких разумных объяснений последним событиям она не находила.

Девушка видела, что Генрих чем-то серьезно озабочен, но не догадывалась, что все это может значить. Объяснять он ей в ближайшее время ничего не собирался, да и она не хотела умолять его об этом. Вопросов у Екатерины было много, а ответы она не получала, и это ее крайне раздражало.

Глава 12

После обеда вернулся с завода барон. Он нашел Екатерину, читающую Андрюше в библиотеке. Девушка сидела за столом, подперев голову рукой и склонившись над толстой книгой. Ее воспитанник забрался на диван с ногами и не сводил глаз со своей гувернантки, зачарованно слушая сказку о царевиче, его заколдованной невесте и кровожадном драконе. В руках мальчик держал большого плющевого медведя, которого крепко прижимал к себе. Видимо, медведю было очень страшно слушать про злого дракона.

Фон Берг залюбовался очаровательной картиной. Барон видел привязанность Андрюши к Екатерине, ему нравились их искренние отношения и трогательная дружба. Вряд ли другая гувернантка уделяла бы столько времени его сыну.

Екатерина почти не расставалась со своим подопечным. Девушка редко покидала поместье, и даже в свое свободное время она или гуляла с Андреем, или читала ему.

Безусловно, Екатерина будет прекрасной женой его непутевому сыну. И она сумеет наставить того на путь истинный. Конечно, она не богата, как девица Розенфельд, зато добра и умна. Главное, в ней нет заносчивости и высокомерия. Этого старый барон просто не переносил. Как бы он смог терпеть частое общение с Розенфельдами? До званого ужина он об этом совсем не задумывался, а зря.

Ну а денег у семьи фон Бергов хватит с лихвой на несколько ближайших поколений. Все-таки капитал – это не главное. Любовь и доверительные отношения – вот что должно стоять во главе всего. Это старший фон Берг знал наверняка и старался привить своим сыновьям. И теперь он гордился, что Генрих не побоялся осуждения света и пошел против сословных предрассудков.

В свое время барон сам поступил так же, женившись вторично на незнатной девушке, дочери аптекаря – Ольге. Она не смогла до конца заменить ему незабвенную Софию, но в любви замена вообще невозможна. Случай свел их в трудные минуты его жизни. Барон несколько лет безутешно оплакивал потерю своей первой жены.

Ольга полюбила его за доброту, а возможно, и просто пожалела. Она окружила его теплотой и заботой. Барон тоже по-своему любил ее и был бесконечно благодарен за преданность и любовь, не требующую ничего взамен. И они были счастливы. Но и эта любящая душа тоже навеки покинула его. Барон тяжело вздохнул от таких грустных воспоминаний. Длинная, длинная жизнь... Любовь и боль, они всегда ходят рука об руку...

Александр Львович любил обоих своих сыновей. Он не делал между ними различий. И хотя легкомысленное поведение старшего сына его очень волновало и огорчало, он понимал, что Генрих просто еще слишком молод и не успел как следует познать жизнь. После женитьбы он остепенится и все наладится. В этом Александр Львович ничуть не сомневался.

Барон вспомнил себя в молодости и невольно улыбнулся: «Все-таки Генрих весь в меня. Я тоже был не против покутить, ну и все в таком же духе... Хорошее было время, веселое и беззаботное... В юные года это вполне допустимо. Когда же еще безоглядно радоваться бытию и творить глупости? А когда встретил Софию, все изменилось, и стал я примерным мужем и отцом».

И снова с грустью барон подумал о своей первой жене, матери Генриха, которую так сильно любил. Ее безвременная смерть надолго погрузила Александра Львовича в печаль и меланхолию.

Андрюша заметил барона и радостно бросился к нему:

– Папенька! – мальчик крепко обнял отца, а тот погладил сына по голове и поцеловал в лоб.

Екатерина порывисто поднялась навстречу барону, но он жестом остановил ее:

– Катенька, ты здесь больше не гувернантка. Чувствуй себя как хозяйка. Как прошел

день? Ты не утомилась? – барона беспокоило здоровье девушки. Как жаль, что он только вчера обо всем узнал. Ей надо беречь себя, больше отдыхать и не волноваться.

– Спасибо, Александр Львович, все хорошо. Андрюша ждал вас, он готов ехать к дяде, все уже собрано.

Скоро приехал дядя мальчика – средних лет мужчина приятной наружности, но какой-то обычный и бесцветный. Сын аптекаря, он удачно женился и находился в некоторой зависимости от состоятельной жены и ее родственников. А они очень кичились своим родством с фон Бергами. В общем-то неплохие люди, они тем не менее отличались тщеславием. Старому барону это было вовсе не по душе, но он поддерживал отношения с ними, в основном, ради Андрея – ведь родню не выбирают.

Барон еще раз порадовался, что не породнился с Розенфельдами. Все-таки его сын сделал правильный выбор.

Андрюша крепко обнял Екатерину и прижался к ней.

– Екатерина Павловна, я буду скучать! А вы?

– И я буду скучать!

Девушка тоже обняла воспитанника и поцеловала его в обе щеки.

Он протянул ей сложенный листок:

– Это я для вас нарисовал, чтобы вы обо мне не забыли. Разверните, видите – это цветы, которые мы собирали на лугу. А это бабочка, которую я поймал для вас, а потом отпустил, чтобы она не умерла. Когда вернусь, нарисую, что видел у дяди. Хотите корову? С рогами. И пятнистую. У них есть стадо в имении, я видел в прошлом году.

– Хочу. Коровы мне нравятся. У них большие и добрые глаза, – Екатерина широко улыбнулась непосредственности ребенка и еще раз прижала его к себе.

Барон и Екатерина проводили Андрея и его дядю до экипажа и долго махали им вслед. Наконец коляска скрылась за поворотом, и они медленно пошли к дому. Гравий дорожки тихо шуршал у них под ногами. Старый барон наблюдал за Екатериной. Она выглядела грустной, была задумчива и молчалива.

– Катенька, – тепло обратился барон к девушке, – я надеюсь, ты скоро освоишься и перестанешь чувствовать себя неловко. Теперь мы одна семья.

Екатерина потупилась и как-то виновато улыбнулась в ответ.

Глава 13

Через несколько дней уезжал и Александр Львович. Он брал с собой немногих служащих, много частного имущества и еще больше ящиков с документами и чертежами, так как предполагал ревизию и модернизацию некоторых своих заводов. Поездка планировалась долгая и насыщенная.

Все было готово к отъезду. Егор заранее отвез обширный багаж своего господина на железнодорожную станцию, где его разместили в личном вагоне барона. Фон Берг всегда путешествовал с комфортом и не рассчитывал терять время – предполагалось, что работать начнут уже в дороге.

Генрих и Екатерина провожали барона на вокзал. Паровоз гудел, громко лязгал металлическими частями и грозно изрыгал пар, подобно фантастическому чудовищу. Носильщики шустро сновали по перрону. Вокзальная суета, шум и крики создавали нервную атмосферу.

Александр Львович долго давал наставления старшему сыну, страшно утомил Генриха бесконечными нравоучениями и наконец обнял его и Екатерину, пожелал им счастья и любви и отбыл в деловую поездку.

– Ну вот, теперь, наконец-то, я могу покинуть ваш дом, – обратилась к Генриху Екатерина, с трудом сдерживая неприязнь и раздражение. Она хотела как можно скорее прекратить этот утомительный фарс.

– Я попрошу вас задержаться еще на два дня. У вас есть вопросы, и я обещал на них ответить, – Генрих говорил учтиво, но твердо. Он несомненно хотел, чтобы девушка осталась.

– С какой стати? Опять ваши уловки! – начала злиться Екатерина. Она и не думала выполнять его просьбу. – Почему я должна оставаться в вашем доме? Объяснений вы не даете, а если все-таки соизволите их дать, можете найти меня на квартире, которую вы грозились нанять. Или вы меня опять обманули?

– Я вас еще ни разу не обманул.

– Ну да, только всего лишь оклеветали перед вашим отцом.

– Еще раз искренне прошу меня простить. Хотя вижу, что это бесполезно... Да, я поступил подло, но я вас не обманывал.

– Конечно, клевета не обман, – саркастически заметила Екатерина.

Тут спорить было сложно.

– Деньги на ваш счет я положил на следующий день после того, как вы отказались принять наличные, – он протянул ей банковскую квитанцию. – Можете пользоваться хоть сегодня.

Екатерина взяла протянутую ей бумагу, не глядя небрежно сунула ее в сумочку и неторопливо пошла рядом с бароном по опустевшему перрону.

– И что? Из-за этого я должна осуществлять ваши глупые прихоти? Я хочу немедленно съехать и забыть все, как страшный сон. Итак, где же обещанная вами квартира? – она говорила напористо. Пусть считает ее жадной – она заставит его исполнить все обговоренные условия их сделки.

– Обещал и найму, но чуть позже... Я еще раз настоятельно прошу вас не покидать имение. Я не буду докучать вам без нужды, если вы пообещаете два дня никуда не выходить.

– Что за глупости! Вы хотите держать меня под замком? Я ваша пленница?! – ее негодование нарастало.

– Нет, конечно. Я прошу вас, а не приказываю. Вы можете пока готовиться к поступлению в ваш Университет – не все ли равно, где это делать? – он старался убедить

ее с помощью любых доводов, и это было заметно. – Разве я прошу у вас чего-то непристойного? Просто наберитесь терпения, и все.

Екатерине не хотелось уступать, но дальше спорить было глупо. Генрих тоже не собирался тотчас удовлетворять ее ультиматумы.

Конечно, у нее теперь есть деньги. Она может просто развернуться и уйти. Снять подходящую квартиру и забыть обо всем. Но что-то же тревожит этого негодяя. Он ведет себя деликатно, даже слишком.

Возможно, стоит его послушать и еще пару дней пожить в имении. Ей это ничем не грозит. Раз он до сих пор вел себя прилично, вряд ли что-то поменяется за эти дни. Он ее ни разу не попытался совратить. Она ему явно не интересна в качестве любовницы, в этом девушка уже убедилась. А так будет возможность во всем разобраться. У нее очень много вопросов. Особенно непонятно про рыбу...

– Ну хорошо, два дня. И не попадайтесь мне на глаза все это время! Видеть вас не желаю! А потом вы ответите на все мои вопросы. На все, – подчеркнула Екатерина, сердито взглянув на барона.

– Да, на все. Даже на очень личные, если вам любопытно, – иронично посулил Генрих, видимо обрадовавшись, что она согласилась.

– Не передергивайте мои слова. Ваша личная жизнь меня не интересует, – отрезала девушка.

– Ну вот, вы опять сердитесь. Я просто хочу, чтобы вы пошли мне навстречу и не задавали вопросов, на которые я пока не вправе дать ответ. Поверьте мне, что это для вашего же блага.

– Поверить?! Ну, знаете ли! Даже слова этого при мне не смейте произносить! – возмущению девушки не было границ. – Я вам уже однажды поверила!

Глава 14

Назавтра был день летнего солнцестояния. С незапамятных времен к вечеру местные жители собирались на берегу трех небольших озер, расположенных в окрестностях Златогорска, чтобы гулять и веселиться всю ночь.

Кто-то вспоминал языческие обряды, гадал и ворожил. Молодежь водила хороводы и прыгала через костры. Кто-то искал заговоренные клады разбойников, а большинство просто развлекалось. Девушки плели венки, бросали их в озера и загадывали свои самые сокровенные желания, в основном об удачном замужестве. В этот день молодые люди часто делали предложения руки и сердца своим избранницам. Красивый и жизнеутверждающий летний праздник.

Ближе к вечеру в имении появился Алексей и велел доложить о нем Екатерине Павловне.

– Лешенька, какой ты молодец, что приехал. Какая приятная неожиданность! – сердечно встретила юношу Екатерина. Она была искренне рада его видеть – вот кто поможет ей отвлечься от тяжких дум.

– Почему неожиданность, Катя? Мы же договорились поехать сегодня вечером на озера. Помнишь?

– Прости, совсем запамятовала. Много было дел и суеты... – она вспомнила, что Генрих просил ее не покидать имение. Да и потребности куда-то ехать у девушки не было, она все еще была слишком удручена и расстроена. – В этот раз, наверное, не получится. Нет настроения, извини... Может, просто погуляем по парку? Я попрошу накрыть стол на веранде – поболтаем и перекусим. Все разъехались, и я скоро уеду отсюда. Мне даже немного грустно. Давай устроим прощание с поместьем?

– Но ты же мне обещала! – Алексей взял ее за руку и умоляюще посмотрел в глаза. – Я нанял коляску, купил твоих любимых пирожных, фруктов. Сладим отличный пикник. Улучшим твоё настроение!

Екатерина рассудила, что уже довольно предавалась печали. Сегодня она может позволить отдых у озер и душевное общение с другом детства. Вероятно, она сумеет отогнать от себя гнетущие мысли и немного развеется. Тем более она не обязана выполнять абсурдные просьбы молодого барона. Она ему ничего клятвенно не обещала и вообще ничего не должна.

А после его выходки с ее якобы беременностью, она может вести себя как пожелает. Если он не станет отвечать на ее вопросы – ради бога.

Она без этого как-нибудь проживет. И даже без обещанной квартиры. Теперь, когда у нее есть деньги, она сама может найти подходящую. Сумма на ее счету лежит очень приличная. Здесь барон ее и правда не обманул.

– Ну что ж, уговорил. Возьму накидку, и поедем, – она вошла в дом и лицом к лицу столкнулась там с Егором, который, похоже, поджидал ее.

– Екатерина Павловна, вам лучше никуда не уходить из дома, – начал он. – Генрих Александрович просил вас...

– Да ты сторожил меня! – догадалась девушка и вспыхнула от возмущения. – Когда же это прекратится? Я не намерена никому подчиняться, особенно Генриху Александровичу. Он мне не хозяин! И я ему не рабыня! Я решила поехать и поеду. Или ты попробуешь меня остановить?! – она начала злиться. – Прочь с дороги!

Екатерина подхватила шаль, лежавшую на диване, и ловко проскользнула мимо кучера.

– Передай господину фон Бергу, что я передумала сидеть в четырех стенах! – задорно и с вызовом бросила она Егору. Девушке было отрадно осознавать, что ее своеволие досадит Генриху. Пусть почувствует себя в ее шкуре.

– Едем, Алеша! – радостно крикнула она, схватила за руку своего друга и они, как

озорные дети, побежали по аллее к коляске, стоявшей у главных ворот.

– Что-то случилось? – спросил Алексей Екатерину, когда они отъехали от имения. – Мне показалось, ты чем-то была озабочена. И что хотел от тебя кучер?

– Пустое. Все пустое... – Екатерина была радостно возбуждена и с удовольствием подставляла лицо ветру. – Я через пару дней съезжаю из имения. Буду жить в городе.

– Наконец то! – Алексей тоже существенно оживился. – Это замечательно, будем чаще видеться...

– Да, это и правда замечательно! Это так прекрасно! Начинается новая жизнь! Поступлю в Университет, буду учиться! – Она упивалась свободой, будто последние несколько дней провела в тюрьме.

Старый барон уехал, и все наконец завершилось. Больше не надо было ломать комедию, не надо прикидываться возлюбленной молодого нахала, не надо ему фальшиво улыбаться и нежно называть по имени – Генрих. Как вообще можно это имя произнести нежно?

Теперь можно забыть все, как страшный сон. А впереди интересная учеба и новые надежды. Она обязательно поступит в Университет, ведь она столько к этому готовилась. А потом будет работать. И будет счастлива.

День начал клониться к закату, когда Алексей и Екатерина добрались до места. По берегам озер уже расположилось много компаний, зажгли костры и их сизый дым стелился низко по земле, где-то вдалеке девушки пели песни. После знойного дня воздух начал свежеть. Приятная прохлада окутывала лес.

Алексей и Екатерина недолго выбирали место для пикника и скоро устроились под высоким и раскидистым деревом. Они ели пирожные, пили лимонад и болтали о планах на ближайшее будущее.

Екатерина была окрылена грядущими переменами. При Университете были всего лишь курсы для девушек. Но они давали право работать лекарем. Жаль, что не врачом, но все-таки тоже неплохо. А все из-за того, что нет равенства между мужчинами и женщинами. Это абсолютно несправедливо, и это давно пора изменить. Чем женщины хуже мужчин? Почему их удел только семья? Они тоже хотят работать и приносить пользу обществу. И могут делать это не хуже мужчин, а иногда и лучше.

Алексей слушал страстные речи подруги о женском равноправии вполуха. Он несмело попытался в очередной раз сделать предложение, но Екатерина опередила своего воздыхателя, заметив его влюбленный и обреченный взгляд:

– Ты опять хочешь сделать мне предложение? Вижу по твоим глазам... Ну не надо, пожалуйста... Мы уже об этом говорили, и не раз. Мы только друзья. Давай оставим все как есть, прошу тебя. – Она встала и задумчиво пошла в сторону озера. Ей не хотелось огорчать Алексея, а тот понуро шел рядом.

Начинало темнеть. Они подошли к большой компании молодежи, которая водила хоровод вокруг внушительного костра.

Огонь жарко вспыхнул – хоровод распался, девушки с визгом и смехом отпрянули в стороны. Екатерина глянула в том направлении и увидела прямо перед собой совершенно обнаженную молодую женщину с длинными растрепанными ярко-рыжими волосами. Она стояла в нескольких шагах от них и оценивающе глядела на Алексея.

Екатерина в недоумении уставилась на нее, но больше никто не обращал на обнаженную внимания. Будто ее тут вовсе не было. Вдруг рыжая посмотрела на Екатерину и перехватила ее изумленный взгляд. Зло ухмыльнулась, протянула в сторону девушки руку и погрозила ей когтистым пальцем.

– Ты видел? – невольно негромко вскрикнула Екатерина и повернулась к Алексею.

– Что видел? – не понял тот. Он был задумчив и погружен в глубокую меланхолию.

Екатерина перевела глаза в сторону, где только что стояла рыжеволосая женщина, но ее

там уже не было.

– Как что?! Рыжую!

– Что за рыжая? Нет, не видел... – Алексей был огорчен очередным отказом Екатерины и не скрывал этого. Он печально смотрел на горевший костер.

– Я видел, – рядом с ней стоял Генрих. – Я же просил вас оставаться в имении! Идемте! Быстрее!

Генрих схватил девушку за локоть и решительно потащил ее прочь по тропинке. Екатерина поняла, что ей лучше подчиниться – барон был не на шутку встревожен.

– Как вы смеете так обращаться с Екатериной Павловной! Вы – подлец! – возмущенно начал Алексей, бросаясь к ним и преграждая дорогу. – Немедленно отпустите ее!

– Уйдите, не до вас! – Генрих с силой резко оттолкнул его.

Барон и его пленница почти бежали вглубь леса по едва заметной тропинке. Генрих выпустил локоть и теперь крепко держал девушку за руку. Екатерина с трудом поспевала за фон Бергом, путаясь в юбке, которая цеплялась за кусты.

– Что происходит?! – задыхаясь, спросила девушка. – Остановитесь! Куда вы меня тащите?!

– Объяснять долго. Просто делайте все, что скажу!

– Я не ваша борзая, чтобы выполнять ваши команды!

– Вам придется выполнять команды вдвое быстрее моей борзой, иначе погибнете! Если останетесь одна – бегите к поляне с тремя яблонями, там будет ждать Егор. Знаете где это?

– Да, – девушка едва переводила дух. – Почему я останусь одна?

Вместо ответа Екатерина услышала сзади треск ломаемых веток, оглянулась и с ужасом увидела рыжую, которая стремительно неслась на них по воздуху, сметая все на своем пути и протягивая вперед руки с длинными когтями.

– Ложитесь! – закричал Генрих и сильно толкнул Екатерину в спину. Она упала на влажную от вечерней росы траву. Рыжая с визгом пронеслась над девушкой, и она почувствовала, как что-то острое и горячее ударило ее сзади в плечо.

Она еще крепче прижалась к земле и зажмурилась. Раздался громкий рык, переходящий в вой, и затем Екатерина ощутила тяжелый удар падающего тела. На несколько мгновений наступила оглушающая тишина. Потом где-то очень далеко зазвучали смех и пение.

– Вставайте, все кончено. На сегодня, по крайней мере. – Генрих легонько тронул ее за плечо. Екатерина открыла глаза и села. Он стоял перед ней на коленях и внимательно смотрел ей в лицо.

– Целы?

– Кажется... – неуверенно ответила Екатерина.

– Она вас зацепила?! Где-нибудь болит? Соображайте быстрее! – барон был сильно взволнован.

– Коленка болит. Похоже, о камень разбила...

– Покажите!

– Что?! Да как вы смеете! Нахал! – девушка задохнулась от возмущения.

– Быстро, – сердито проговорил он. – Не до церемоний.

По его голосу Екатерина поняла, что это не пошлая шутка и положение серьезное. Она покорно и робко потянула юбку вверх. Чулок порвался, на колене была обширная ссадина и наливался кровоподтек.

- Не дергайтесь, - предупредил Генрих и деликатно дотронулся до колена. - Так больно?

- Нет, - она невольно вздрогнула от его прикосновения.

- А так? - Его пальцы умело и легко ощупывали ее колено. Девушку это смущало. Но он действовал как врач. Было ясно, что на данный момент его интересует только здоровье Екатерины, а не она сама.

- Щиплет, - поморщилась девушка.

- Здесь все нормально. Еще где-нибудь больно?

- В плечо что-то воткнулось, но сейчас почти не чувствуется... На ветку, наверное, напоролась, когда падала.

Он посмотрел на ее плечо.

- А вот это уже хуже. Держите корсаж.

- Что? - не поняла девушка.

Генрих взял Екатерину за руки и прижал их к вырезу ее платья.

- Вот так. Сейчас я разрежу ваше платье, надо осмотреть рану. А я не хочу лицеизреть вас в неглиже - еще обвините меня в домогательстве.

Только теперь Екатерина заметила в левой руке Генриха окровавленный нож. Барон вытер лезвие о траву, разрезал платье на плече и нахмурился. Потом положил нож на раскрытую ладонь, и металл мгновенно покрылся каплями росы.

- Сейчас будет больно, потерпите. Нельзя, чтобы зараза попала вам в кровь.

Он осторожно приложил лезвие плашмя к ее ране, и Екатерина почувствовала тепло, переходящее в жжение. Она дернулась.

- Потерпите еще немного. Хорошо... Вы молодчина!

Фон Берг бесцеремонно оторвал большой кусок оборки от ее платья и ловко перевязал рану.

- Ну, вот и все.

Он подал Екатерине руку и помог подняться. Она разглядела лежащую немного впереди огромную лохматую тушу, похожую на волка.

- Кто это?

- Рыжая, которую вы видели. Потом объясню.

Генрих снял сюртук и накинул его на плечи Екатерины. Девушка благодарно посмотрела на него и только теперь заметила, что его лицо пересекают глубокие порезы:

- Она вас тоже зацепила.

Он небрежно отмахнулся:

- Ерунда, через пару дней и следа не останется. Идемте. Скоро у вас начнется озноб, а потом жар. Надо побыстрее добраться до дома.

В наступившей темноте Генрих шел уверенно, продолжая держать Екатерину за руку. Наконец они вышли на поляну с тремя старыми кривыми яблонями. Там их ждал автомобиль.

Рядом стоял Егор. Екатерина отметила, что они с бароном представляют странное

зрелище: она в рваном платье, перепачканном зеленью травы и грязью, он – с расцарапанным лицом. Можно было подумать о них что угодно, но ничего пристойного на ум явно прийти не могло.

Но Егор не удивился:

– Наконец-то! Обошлось? – в его голосе звучала тревога.

– Почти, – ответил Генрих. – Екатерину Павловну рыжая тварь задела. Садись за руль, я немного не в себе. Да, и рыжую я убил...

Генрих достал из-под сидения плед и заботливо укутал девушку.

– Знобит?

Она молча кивнула. Плед не спасал от озноба.

Они быстро доехали до поместья, но со стороны заднего двора, и зашли во флигель, где жил Егор. Екатерину сильно бил озноб, она с трудом соображала, что с ней и где она находится.

Какими-то темными очень узкими коридорами и переходами с лестницами, которых девушка раньше никогда не видела, они пробрались в ее комнаты. Егор прихватил из флигеля шкатулку с настоями, порошками и зельями. Теперь он поставил ее на стол в маленькой гостиной и начал что-то мешать в фарфоровой плошке. Генрих проводил Екатерину в спальню.

– Сможете сами раздеться?

– Лучше позовите Аннушку, мне совсем нехорошо... – она едва держалась на ногах.

– Нет, это исключено. Я разрежу ваше платье, а вы постарайтесь снять его, не задевая раны на плече. Я на вас смотреть не буду. Просто разденьтесь и ложитесь в постель. Екатерина кротко кивнула. Генрих разрезал второй рукав и корсаж, отвернулся и отошел к окну.

– Легли?

– Да. Мне нужна ночная рубашка, она в комодке...

– Не нужна – она будет только мешать. Завернитесь в простыню. Егор, настой приготовил?

Вошел Егор, держа в руке стакан с зеленой жидкостью. Генрих взял его и аккуратно поднес к губам Екатерины:

– Выпейте, это снимет жар и боль. – Он бережно придерживал девушку за здоровое плечо и терпеливо ждал, пока она медленно пила.

Екатерина беспрекословно выполняла все требования барона. Она понимала, что тот хочет ей помочь. Генрих еще раз осмотрел ее рану.

– Ну что же, обойдемся без врача. – Он был удовлетворен. – Все не так страшно, как могло быть. Вам очень повезло.

Девушку уже не смущало, что он видит ее полуголой, завернувшейся в простыню. Ей было очень плохо, озноб прекратился, но начинался жар. Голова стала тяжелой, и все кости ломило, как при сильной простуде.

Генрих еще раз обработал ее рану какой-то вязкой мазью и прижал к ней ткань, смоченную в прохладном травяном отваре. Опять ловко наложил повязку, словно делал это постоянно.

– А теперь ложитесь и отдыхайте. Завтра будете совсем здоровы, – он помог ей лечь на бок и осторожно накрыл одеялом.

В полубреду она тихо прошептала:

- Барон, вы редкостный негодяй, но очень обаятельный и добрый.

- Знаю... - откуда-то издалека донесся до нее знакомый, чуть насмешливый голос. - Спите...

Екатерина почувствовала, как тяжелеют ее веки, и провалилась в темную пропасть глубокого сна.

- Егор, мы забыли про верного друга Екатерины Павловны. Наверняка он не успокоится и примчится «спасать» ее. - Генрих устало вздохнул. - Надеюсь, ты его не слишком сильно оглушил?

- Самую малость, иначе бы он от вас не отстал.

- Ты всегда появляешься вовремя, - барон благодарно улыбнулся.

- До утра этот господин сюда не доберется. Я успел распрячь его коляску, а лошадь как следует пугнул. Пришлось всю упряжь перерезать - зато быстро получилось... Вряд ли его кто-нибудь согласится везти сюда - все гуляют.

- Все же надо немедленно предупредить сторожа и привратника и спустить собак. Иначе он будет путаться под ногами. Излишне пылкий юноша с чрезвычайно живым воображением.

- Все сейчас сделаю, Генрих Александрович, не беспокойтесь. Я посижу с Екатериной Павловной. Если ей будет хуже, сообщу вам. Идите отдыхать, вам надо как следует выспаться... Удача, что вы не пострадали от рыжей...

- Ты прав. Повезло в очередной раз. Завтра будет трудный день. - Генрих еще раз заглянул в спальню Екатерины, убедился, что она крепко и спокойно спит и пошел к себе.

Глава 15

К восьми часам утра фон Берг направился в Закрытое Министерство, чтобы предстать перед очами Магистра Братства Трех Полумесяцев до того, как тот сам вызовет его для дачи объяснений.

Но он опоздал. Не успел фон Берг появиться в секретариате, как ему сообщили, что за ним уже послали – очень хорошо, что он пришел сам. Магистр вернулся из поездки вчера вечером и тогда же получил доклад господина Рукавицына.

Генрих вздохнул и открыл дверь в кабинет, предчувствуя праведный гнев Магистра. Поклонился и остался стоять, ожидая реакции своего патрона.

Магистр – пожилой, худощавый и совершенно седой отставной генерал сидел в просторном кабинете за огромным дубовым столом, заваленным бумагами, тетрадями и книгами. За ним на стене висел большой портрет Государя Императора в полный рост. Темно-зеленые плюшевые шторы мягко приглушали солнечный свет, лившийся в высокие окна с цветными стеклами.

Магистр исподлобья посмотрел на фон Берга и недовольно отодвинул какие-то бумаги. Генрих еще раз глубоко поклонился.

– Прекратите кланяться, вы не на арене цирка! – рявкнул Магистр. – Извольте немедленно все рассказать и подробно! Господин Рукавицын представил мне свой доклад.

– Господин Магистр, – как всегда издали начал Генрих. – Мне понадобился мраморный угорь для проведения пробы.

– Это и так понятно! – Магистр был неимоверно раздражен. – Говорите без пространных предисловий и по существу! Кто обрел дар и как?

– Екатерина Павловна Несвицкая. Она служит в нашем имении гувернанткой моего младшего брата... – неловкая пауза повисла в воздухе.

– Дальше! Я обязан все из вас клещами вытягивать? Как это случилось?

– Я попытался ее поцеловать, она меня сильно укусила за руку. Проглотила достаточно крови...

– Пустоголовый ловелас! – гневный голос Магистра перешел в грозный рык. – Если бы не вклад вашего деда в Служение и не ваши заслуги перед Братством, вы бы пожизненно переписывали манускрипты на Каменном острове или гнили там же в рудниках, где вам собственно и место! Как можно было допустить это?!

– Я не ожидал, что она прокусит мне руку...

– А что вы ожидали? О чем думали, когда приставали к девице? Удивительно, что это не произошло раньше! Как можно совмещать уникальный дар и быть таким безответственным повесой! При вашем редком таланте вы ухитряетесь попадать в непредсказуемые ситуации. Пока вам удавалось из них выходить с честью, но что теперь? Что эта Несвицкая из себя представляет?

– Она сирота, из знатного, но обедневшего рода. Ей восемнадцать лет, и в прошлом году она окончила Институт благородных девиц.

– Меня интересует, можем ли мы предложить ей Служение или только научить элементарной самозащите и отпустить на верную гибель. И это будет целиком на вашей совести! – Взгляд Магистра метал молнии. – Мы призваны защищать людей, а по вашей милости, скорее всего, погибнет невинная девушка. Вы понимаете, чем это для вас чревато?!

– Я не допущу ее гибели! – с жаром произнес Генрих.

– Какое благородство! Интересно, как вы себе это представляете? Будете таскаться за ней хвостом всю жизнь и забросите Служение? Не идиотничайте, вы отлично знаете, что

это невозможно! Итак, что можете сказать о ней фактически?

– Очень порядочная девушка, неплохо образована, владеет немецким, французским, немного английским и латынью. Я, к сожалению, ее не слишком близко знаю, но отец ценит и любит ее как родную.

– Так вы еще, ко всему прочему, едва знакомы?! Какого же лешего вы ее лапали? Мало вам вашей графини?! – Магистр гневно сверкал глазами. – Вы даже толком не знаете, насколько она ответственная. Возможно, она вообще не способна понять, как серьезно ее положение. Если мы ошибемся в ней, вы отправитесь на Остров, и на этот раз надолго! Там вам не с кем будет развлекаться!

Генрих с трудом подавил вздох. Он сознавал, что Магистр не шутит. Тот вообще не умел шутить.

– Госпожа Несвицкая очень обстоятельная девушка, в этом я уверен. Последние несколько дней мы много времени проводили вместе, – Генрих говорил правду. Ну, или почти правду. – И у меня сложилось о ней очень благоприятное впечатление.

– Ну ладно. Счастье, что вас не укусила госпожа Рокотова или одна из девиц вашей любимой мадам, – сарказм Магистра не имел границ. – У меня просто нет слов! Удивительная безответственность и безалаберность! Продолжайте, я слушаю.

– Умная и сообразительная. Смелая. Решительная. Несколько резка в своих суждениях. Ратует за всеобщее равноправие, но это, скорее, дань моде в гимназических кругах. Гордая, но не заносчивая. Добрая, любит детей, судя по тому, как общается с моим братом. Вдумчивая, целеустремленная, готовится к поступлению на курсы при Медицинском университете. Из нашего недолгого общения я смог сделать вывод, что она мечтает стать врачом и хочет приносить пользу людям. Девичьи грезы, но искренние. Она вообще очень искренняя, не терпит лжи. Хорошая девушка...

– Вы, похоже, испортили жизнь этой «хорошей девушке» своей дурацкой выходкой. О ее достоинствах я услышал достаточно, вы ее просто захвалили. С чего бы? Чувство вины? Ну ладно... Откуда знаете про ее смелость? Это особенно важно.

– Вчера, во время праздника летнего солнцестояния на нее напала рыжая ведьма. Она испугалась, но не потеряла самообладания и не лишилась чувств, как при таких обстоятельствах поступило бы большинство девиц. Вообще вела себя стойко. Кстати, рыжую я тогда же и убил, – упомянул Генрих, как бы между прочим.

– А вот за это хвалю. Очень опасная была особь. Что же сразу не сказали? Поскромничали?

– Как-то к слову не пришлось... – Фон Берг смущенно смотрел в пол.

– Не перестаю поражаться вашему блестящему мастерству в охоте и беспечности и легкомыслию в обычной жизни... М-да... Ну, а недостатки госпожи Несвицкой?

– Вспыльчивая, категоричная, не всегда умеет слушать собеседника, легко поддается эмоциям. Пожалуй, имеет склонность к здоровому авантюризму.

– Не знал, что склонность к авантюризму может быть здоровой. В этом вы с ней, видимо, очень похожи. Однако если ваше впечатление о ней не ошибочно и она согласится, мы можем получить ценного охотника. Приобретенный дар – большая редкость. Итак, слушайте мой вердикт!

Генрих опустил на одно колено и склонил голову в знак покорности и внимания.

– Я позволяю вам предложить госпоже Несвицкой Служение Братству. Ознакомьте ее с Основами, Законами и Правилами. Объясните ей всю серьезность решения, которое ей предстоит принять. Даю вам три дня сроку и после этого жду вас вместе с ней здесь на заседании Совета. А теперь идите!

Глава 16

Екатерина, как всегда, проснулась рано. Привычка есть привычка, даже болезни сложно с ней соперничать.

Окно было приоткрыто, свежий утренний ветерок шевелил задернутые занавески, и прохладный воздух проникал в комнату.

Она чувствовала себя неплохо, но была еще очень слаба. В углу на кресле чутко дремал Егор. Девушка попыталась сесть на кровати, Егор открыл глаза и улыбнулся ей:

– Как самочувствие?

– Спасибо, хорошо, только слабость и голова слегка кружится... – призналась она.

– Хотите поесть? Скажу Анне принести вам завтрак, мол, вы вчера немного простыли на пикнике... – Егор подошел к кровати и поправил подушку, чтобы Екатерине было удобнее сидеть.

Она плотнее закуталась в простыню, но не смутилась. После вчерашних событий она перестала обращать внимание на такие мелочи.

– Нет, есть не хочется... Егор, ты можешь мне объяснить, что вчера произошло?

– Простите, я не могу. Генрих Александрович вернется из города и все вам расскажет. Подождите еще чуток. Пойду к Анне, попрошу ее принести кофе и булочку, вам надо подкрепиться хотя бы малость. Если я понадобится – зовите, я буду в вашей гостиной до прихода господина барона. Вам пока лучше оставаться в постели и набраться сил.

Он вышел, а Екатерина бессильно откинулась на высокую подушку и начала вспоминать свои недавние приключения и пытаться найти им разумное объяснение.

Почему эта странная женщина на нее напала? Кажется, летать умеют ведьмы, но далеко не все. Возможно, это была ведьма или еще кто-то подобный. Барон спас ее. Как он оказался там так вовремя? Стечение обстоятельств? Вряд ли. Похоже, он не зря просил ее сидеть дома. Почему же он ее не предупредил? А ведь ее могли убить... От этой мысли девушке снова стало страшно и неприятный холодок пробежал по спине.

Перед глазами вновь возникла рыжая с когтистыми руками, простертыми к ней. Безумно злой взгляд горящих глаз и развевающиеся огненные волосы. Кошмарный сон, ставший явью. Если бы не барон...

Неожиданно Екатерина услышала шум открываемого окна. Шторы резко распахнулись, и перед ней появился Алексей с револьвером в одной руке и кинжалом в другой.

– Катенька, я спасу тебя! – решительно прошептал он.

Девушка невольно вскрикнула, нащупала одеяло и натянула его на себя – ей не хотелось сидеть в одной простыне перед другом детства. Его она почему-то стеснялась.

– Все в порядке, Екатерина Павловна? – спросил Егор из-за двери.

– Да, подожди минутку! Леша, немедленно опусти револьвер. Хорошо, а теперь отдай его мне. И кинжал тоже! Сейчас же отдай, слышишь? Не дури! – Екатерина говорила тихо, но требовательно. Алексей неохотно повиновался. Она сунула револьвер и кинжал под подушку.

– Егор, зайди, пожалуйста! – позвала девушка, и молодой человек расценил это почти как предательство.

Егор не очень удивился, увидев Алексея в комнате.

– Вам не стоило сюда приходить, тем более через окно, – холодно заметил кучер.

– Молчи, холоп! Я знаю, что это ты оглушил меня в лесу! Скотина! А теперь думал, собаки меня остановят?! Не вышло! – воскликнул Алексей. – Где твой подлец-хозяин?!

– Леша, прекрати немедленно! Ты ведешь себя глупо! Меня не надо спасать и не смей оскорблять Егора.

– Благодарю вас, Екатерина Павловна, – с достоинством проговорил Егор. – А вас я снова прошу уйти, пока все не зашло слишком далеко.

Алексей проигнорировал просьбу кучера.

– Катя, тебя запугали, я знаю. Но теперь я тебя в обиду не дам!

– Леша, меня никто не запугивал. Будь разумным. Мы встретимся и поговорим с тобой по душам, но позже, не сегодня. Я не очень хорошо себя чувствую, вчера я немного простудилась...

– Простудилась?! Я видел вчера, как фон Берг поволок тебя в чащу леса, как добычу. Ты не умеешь врать, Катя! Ты в постели даже без ночной рубашки! Тебя принудил и соблазнил барон? Бедняжка, ты запуталась в липких сетях его лжи и коварства!

– Перестань! Теперь ты оскорбляешь меня! Меня никто не соблазнял. Ты ввалился в мою спальню, смотришь, во что я одета в постели и делаешь грязные предположения! Я люблю спать без рубашки, голой! Это мое личное дело, надето на мне что-то или нет! – Екатерину ужасно разозлило упрямство Алексея.

Но тот был уверен в своей правоте. Он, видимо, предполагал, что барон очаровал наивную Екатерину пустыми клятвами и красивыми словами любви. Поэтому она теперь защищает и барона, и его лакея и наперсника в разврате – Егора.

– Как тебе даже в голову могли прийти такие гадости! – продолжала возмущаться девушка. – Барон меня и пальцем не тронул. Он меня спас... – Екатерина заметила предостерегающий жест Егора и осеклась, так как подумала, что не стоит говорить о вчерашних событиях, пока она сама не разберется в произошедшем. – Он меня спас от волка. Ты же должен был слышать его вой.

Алексей отчасти успокоился, но грубое поведение барона с Екатериной все равно считал недопустимым.

– Лешенька, милый, прошу, иди домой, поговорим позже.

– Хорошо, Катя, – голос Алексея теперь звучал холодно и отчужденно. – Поговорим позже. Прощу, верни мне кинжал и револьвер.

– Сначала Егор его разрядит. – Она протянула револьвер Егору. – Вот так. И не делай глупостей – не смей никому вредить.

Она отдала Алексею кинжал, а Егор вернул ему револьвер.

– До свидания, Катя, надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Но как бы то ни было, ты можешь рассчитывать на меня. Я твой верный друг, им навсегда и останусь. – Алексей был оскорблен в своих лучших чувствах.

Он вышел, а у Екатерины остался неприятный осадок в душе. Ей было тревожно.

– Думаю, он не успокоится, – сказала она Егору, которому начала доверять. – Как бы чего не натворил ...

Глава 17

Выйдя из Министерства, Генрих отправился на завод, отдать некоторые распоряжения. Потом он сможет спокойно поговорить с Екатериной. Разговор будет долгим и сложным, и не надо, чтобы их отвлекали посторонние дела.

Не успел барон подъехать к воротам и выйти из автомобиля, как заметил Алексея. Тот стоял, прислонившись к забору и скрестив руки на груди. Судя по его тоскливому виду, стоял он тут уже довольно долго. Увидев фон Берга, Алексей встрепенулся и решительно шагнул к нему. Стало очевидно, что он поджидал именно Генриха.

Преданный друг Екатерины не мог успокоиться просто так.

– Вы оскорбляете своим недостойным поведением и грязными ухаживаниями порядочную девушку, – громко и горячо начал молодой человек. – Вчера вы вели себя недопустимо грубо и с ней, и со мной.

– Я никого не оскорблял. Вас уж точно. Но извините, если задел ваше самолюбие. – Генрих понял, к чему идет дело.

– Я вызываю вас на дуэль! – Алексей дерзко смотрел барону в глаза.

– Да когда ж вы угомонитесь! Вы хотя бы дворянин? – Генрих смерил Алексея презрительным взглядом. Досаде барона не было предела.

– Да, не сомневайтесь! Я потомственный дворянин – Алексей Михайлович Вишняков! А вы трус и грязный негодяй! Вы отказываетесь принять мой вызов? – Алексей был готов дать барону пощечину.

Но тот предусмотрительно достал из машины тяжелую трость. Ему вовсе не хотелось участвовать в банальной драке на глаза своих подчиненных.

Громкий голос Алексея привлекал зевак. Случайные прохожие и работники завода останавливались и с интересом наблюдали за происходящим.

– Ладно, хотите дуэли – извольте. Поскольку я перед вами извинился, а вы извинениям не вняли, выбор оружия за мной, и я выбираю сабли. Устраивает?

– Вы еще бесчестный и лукавый мерзавец. Но я согласен. Вечером я пришлю к вам секунданта. А завтра на рассвете будем драться. И выбор места останется за мной!

– На рассвете? Все как в дешевом романе... – в голосе фон Берга звучала насмешка. – Ну хорошо, и покончим с этим. Ваш секундант найдет меня в поместье. Вы меня отвлекаете от важных дел и просто надоели.

Генрих стремительно вошел в контору и принялся раздавать поручения, стараясь разобраться с делами как можно быстрее. Навязчивость Алексея уже не просто раздражала его. Он начал опасаться, что непредсказуемые глупости молодого человека невольно навредят Екатерине.

Выполняя поручения отца, он прошелся по цехам. Гул и скрежет работающих станков и механизмов ненадолго прервали его тревожные мысли. Он разговаривал с мастерами, слушал их отчеты по графику проведения работ и сверял с бумагами, которые оставил ему отец.

К нему обратились с несколькими просьбами, и он обещал их рассмотреть немедленно или в ближайшее время. Некоторые проблемы он сумел решить сразу.

На какое-то время он почти забыл о Екатерине.

Генрих вернулся в контору и прошел в свой кабинет. Стараясь сосредоточиться на работе, он разбирал бумаги, разложенные на большом дубовом столе. Но его мысли были далеко.

Наконец Генрих раздраженно бросил очередную папку с документами на зеленое сукно стола и устало опустил в кресло.

Раздался телефонный звонок.

Генрих почти ожидал его. На другом конце провода мягкий и вкрадчивый женский голос произнес:

– Пригласите к аппарату Генриха Александровича...

– Полина! Только что думал о тебе!

– Не верю, – в голосе женщины проявились капризные нотки. – Мы не виделись вечность, ты совсем забыл меня. Даже не звонил. Я и сейчас случайно нашла тебя – в конторе нет, на квартире нет, в поместье нет. Где ты все время пропадаешь? Я скучаю и жду... Томлюсь и изнываю от страсти... Мой жестокий и бессердечный барон!

– Ну, не гневайся понапрасну! Отец уехал, и вся работа свалилась на меня. Бегаю по цехам, как простой рабочий. Устал и хочу тебя увидеть. И не только увидеть... Грежу о тебе и тоже очень жду встречи.

– А я уж думала, ты увлекся еще кем-то, ветреник... Слышала, Розенфельд мечтает видеть тебя своим зятем. В свете только и разговоров, что о званом ужине в вашем поместье. Говорят, у Эвелины было умопомрачительное парижское платье...

– Не заметил... – искренне ответил Генрих.

– Был полностью поглощен его обладательницей? – язвительно поинтересовалась Полина, и в ее голосе послышалась легкая издевка.

– Неужели ревнуешь? Это к Эвелине то? Зря... Мечты дорогого банкира останутся при нем.

– Ну, от такого повесы, как ты, можно всего ожидать...

– Я повеса, но не слепой. Хорошего же ты обо мне мнения, – с усмешкой отозвался барон.

– Да уж, девушку Розенфельд вряд ли можно считать лакомым кусочком. – Полина звонко рассмеялась чистым серебристым смехом.

– Смеешься над моими проблемами? Меня надо пожалеть, а не насмехаться. Я так по тебе скучал...

– Значит, ты все-таки скучал? Когда, когда ты приедешь? – продолжала она томно и с придыханием.

– Не дразни меня, – шутливо попросил Генрих. – Приеду завтра вечером. Раньше не смогу.

– Приезжай сегодня! Нет, немедленно! – она настаивала, и ее страстный голос обещал бесконечное блаженство. – Я буду очень ждать...

– Прости, только завтра. Тем желаннее будет встреча...

– Ты стал невыносим... Думаешь только о делах... – в ее голосе звучала досада, которую она даже не пыталась скрыть. – Работа для тебя важнее всего, даже важнее, чем я!

– Ну, надо же мне зарабатывать на твое содержание, – насмешливо и несколько раздраженно ответил Генрих. – Не сердись... Завтра мы все исправим, обещаю...

– Хорошо, мой несравненный и великолепный барон, до завтра! Буду с нетерпением ждать.

Генрих поймал себя на мысли, что в свете последних событий он почти не вспоминал о Полине. Раньше такого с ним не случалось. Что бы ни происходило, у него всегда оставалось время для любовницы. Несколько дней разлуки с ней казались вечностью. Но не теперь. Что-то поменялось.

Фон Берг подумал о том, что невольно сравнивал ее и Екатерину. Сравнивал в мелочах –

изгиб губ, взгляд, интонация голоса. Почему он это делал? Он не мог ответить.
Однако сейчас он жаждал встречи с Полиной, сгорая от порочной страсти.

Глава 18

Ближе к вечеру Екатерине передали письмо от Алексея, и оно ее очень расстроило. Послание было длинное и сумбурное, изобиловало высокопарными фразами и пространными рассуждениями о смысле жизни вообще и его жизни в частности.

В нем Алексей просил у Кати прощения за все, в очередной раз признавался в любви и рассказывал о предстоящей дуэли. Если он погибнет, то погибнет, защищая честь подруги. Словно он совсем не слушал, что Екатерина ему говорила и о чем так настоятельно просила. Упрямый и глупый мальчишка!

Оказалось, что молодой человек кроме всего довольно тщеславен. Раньше девушка за ним этого не замечала. Это неприятно царапнуло Екатерину. Ее друг приложил все усилия, чтобы показать моральное превосходство над знатым и богатым, но бесчестным бароном.

Алексей считал себя отличным фехтовальщиком и не сомневался в победе.

Надо было прекратить это безумие, но Екатерина понимала, что слушать Алексей никого не будет. Он уверен в своей правоте и пойдет до конца. Ее просьбы его точно не остановят – он не будет извиняться за ошибку и не откажется от дуэли. Тем более что вызов уже брошен публично. Его упрямство раздражало и злило девушку.

Екатерина еще чувствовала легкое головокружение, но она привела себя в порядок и спустилась в гостиную. Одеваясь, она заметила, что рана на плече почти затянулась, это удивило ее. Хотя она и была знакома со многими целебными зельями и мазями, о таком быстром эффекте она никогда не слышала. Она вспомнила о росе на лезвии – интересный способ лечения.

Кто же на самом деле этот Генрих фон Берг, наследник оружейного магната? Она вспомнила, как на веранде, когда она заметила ссадину у него на лбу, он сказал что-то о работе... Нет, он назвал это как-то по другому... Откуда он знал про рыжую? Почему он умеет так ловко накладывать повязки на раны, и откуда у него такой необычный нож? Что общего у него и кучера? Они ведут себя, как добрые приятели. Все эти мысли мучили девушку, и она с нетерпением ждала Генриха.

Но больше всего сейчас ее волновала предстоящая дуэль.

Вскоре в поместье вернулся барон и первым делом пошел проведать Екатерину.

Она была бледна и полулежала на диване в гостиной, облокотившись на яркие восточные подушки. Девушка была в полном смятении.

– Как вы себя чувствуете? – с порога поинтересовался Генрих. Его озабоченность была искренней.

– Вполне неплохо... Небольшая слабость, а так почти здорова. Я знаю о предстоящей дуэли... Я могу уговорить вас отказаться от нее? – в голосе девушки звучало отчаяние и надежда. – С Алексеем говорить бесполезно, он такой упрямый в последнее время... – доверительно призналась она.

– Нет, слишком много людей видели, как ваш друг осыпал меня оскорблениями и обвинял во всех смертных грехах. Но не волнуйтесь, я не убиваю детей и кудрявых щенков, – сейчас он был настроен очень добродушно.

– Тогда он убьет вас. Он вас ненавидит, – в ее голосе слышалась тревога.

– Боюсь вас разочаровать, но, увы, этого я тоже допустить не могу, – с легкой насмешливой улыбкой ответил барон. – Оружие выбирал я. Пуля, выпущенная из револьвера вашего друга, может случайно попасть в цель. Я не могу довериться слепой удаче. Поэтому я остановил свой выбор на саблях.

– Алексей отличный фехтовальщик.

– Где же он обучался этому искусству, позвольте вас спросить? В последнем классе

гимназии? – Генрих не скрывал сарказма. – Будьте реалисткой. Но еще раз обещаю, что ваш Алеша останется цел и невредим, не переживайте за него.

– Но я не хочу, чтобы и вы пострадали. Это правда. Вчера вы спасли меня от чудовища, и я вам очень благодарна, – она посмотрела на него исподлобья и застенчиво улыбнулась.

– Не спешите благодарить, – произнес Генрих и внимательно посмотрел на девушку. – Возможно, скоро вы опять будете меня проклинять и ненавидеть. Я получил позволение ответить на все ваши вопросы. Если вы недостаточно окрепли, можем отложить разговор до завтра. Немного времени в запасе у нас есть.

– Нет, лучше все прояснить сегодня, – она хотела как можно скорее разобраться в происходящем.

– Вы правы. Не стоит откладывать. Пройдемте в мой кабинет, там будет удобнее.

– Зачем? – насторожилась Екатерина. – Можем поговорить и здесь.

– Чего вы боитесь? Я же не в спальню вас приглашаю, – в голосе барона снова звучала плохо скрываемая ирония. – Разговор будет долгим, и не надо, чтобы нам мешали.

Он предупредительно помог Екатерине подняться.

– Обопритесь на мою руку, вы еще очень слабы.

Девушке и правда было трудно идти – головокружение давало о себе знать, и она доверчиво приняла помощь Генриха.

Екатерина впервые попала в апартаменты молодого барона. Аскетичная обстановка его кабинета удивила девушку: большой стол и два кресла, диван, книжный шкаф и черный громоздкий сейф – все, как в обычной конторе. Парный портрет родителей на стене и темно-серые плотные портьеры.

Никаких излишеств и роскоши – совсем не подходит для утонченного аристократа, привыкшего вести праздный образ жизни.

– Присаживайтесь к столу, так вам будет удобнее, – Генрих любезно пододвинул ей кресло и открыл сейф. Девушка с изумлением увидела, что он почти весь был заполнен книгами и старинными пергаментными свитками. Барон выбрал несколько из них и положил перед Екатериной.

– Мне позволено дать вам объяснения, – неторопливо начал он, взвешивая каждое слово. – То, что вы сейчас узнаете, не рассказывайте никому, для вашей же безопасности. Это понятно?

– Хорошо, обещаю никому ничего не говорить, – согласилась девушка.

– Прокусив мне руку, вы проглотили достаточно много крови и обрели редкий дар. Дар видеть ведьм.

Он заметил немой вопрос в глазах Екатерины и предупредил его:

– Нет, не тех шарлатанок, которые готовят приворотные зелья, насылают проклятья и снимают порчу на каждом углу нашего города. Теперь вы можете распознать настоящих ведьм – злобных и опасных тварей. Именно тварей, это уже не люди. Они очень быстро превращаются в холоднокровных и жестоких существ. В дни летнего и зимнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствия, а также в новолуние и полнолуние эти твари появляются в своем истинном облике и совершают ужасные злодеяния. Только обладающий даром может распознать ведьму, увидев ее молодой, обнаженной, с растрепанными длинными волосами. Остальным она кажется обычной одетой и причесанной женщиной. Но если ведьма заметит того, кто ее распознал, она стремится убить его и как можно быстрее.

– Рыжая в лесу – одна из таких ведьм?

– Да, и была очень опасна.

- Она бы меня убила? – ужасу девушки не было предела.

- Да. В тот день она убила бы любого, кто встал на ее пути. На озерах было еще много таких особей. Ваше счастье, что вы больше никого не заметили. Поэтому я и просил вас не покидать имение еще два дня. Без позволения я не имел права дать вам объяснений. День летнего солнцестояния попадал как раз на это время.

- Так просто – не покидайте поместье, а почему – не скажу! Как я могла догадаться о смертельной опасности! А вас даже в имении в это время не было! Где вас носило?! – Екатерина была возмущена и напугана одновременно.

- Не поверите – был на Охоте. На Трех Озерах, – он криво усмехнулся. – К тому же, если бы я был в имении, вы бы точно поступили мне наперекор. Впрочем, вы все равно сделали по-своему. Кроме того, за вами присматривал Егор.

- У него тоже есть этот дар? – удивилась девушка.

- Да. Он не просто слуга, он мой верный товарищ, и я доверил ему вашу судьбу на время моего отсутствия. А мне пришлось работать за двоих...

- Плохо же он меня сторожил! Да меня эта дрянь чуть не убила! Почему он не остановил меня?! – закричала девушка с возмущением, вспомнив весь пережитой ужас.

- Как? Егор должен был связать вас? Ну не могли же мы вас силой запереть. А если бы мне не позволили дать вам объяснения? Кроме того, я надеялся, что вы выполните обещание не покидать поместье. И я не предполагал, что вам нравятся народные гуляния и такое праздное времяпровождение. Хотя вы правы, это моя промашка, надо было все-таки посадить вас под замок.

- У кого вы должны были спросить позволения? Я же могла погибнуть! Вы это понимаете?! Неужели нельзя было меня предупредить?

- Нет, нельзя. Но об этом чуть позже, если позволите, – барон был сегодня терпелив как никогда.

- А откуда дар у вас? Чью кровь выпили вы? – язвительно поинтересовалась Екатерина.

- Мой дар врожденный. Я получил его от деда. У вас – приобретенный, через мою кровь. Приобретенный дар – большая редкость и может иметь уникальные свойства. Чтобы узнать, обрели вы дар или нет, пришлось провести определенную проверку – дать вам на завтрак мраморного угря. Люди, обладающие даром, чувствуют страшную горечь этой редкой рыбы. Поэтому я его тоже не ем.

Екатерина слушала внимательно, не отрывая глаз от Генриха, но до конца еще не осознавая всю серьезность происходящего. Фон Берг задумчиво прошелся по кабинету и машинально поправил книги, лежащие пред Екатериной.

- У вас теперь есть два пути. Можно просто обладать этим даром или стать охотником на ведьм, – продолжал он. – Вы можете видеть этих тварей только в перечисленные дни и ночи. Казалось бы, не так уж много этих самых дней и ночей, но для вас они могут быть смертельно опасными. В это время вы должны исключить всякое общение с внешним миром – сидеть дома и никогда никому не рассказывать о своей способности. Всю жизнь. Это будет непросто, но иначе ведьмы уничтожат вас. Я научу вас приемам защиты и, по возможности, буду оберегать от этих тварей, но постоянно быть рядом не смогу, естественно. Я не имею права посветить вашей охране всю свою жизнь. Мне этого просто не позволят. Вам придется рассчитывать только не себя. Достаточно одной промашки, и ведьма поймет, что вы ее видели. Так что при вашем эмоциональном и порывистом характере долго вы вряд ли протяните... – с сожалением констатировал Генрих.

- И как избавиться от этого дара? – беспечно поинтересовалась девушка.

- Никак, – безжалостно констатировал фон Берг.

- То есть вы хотите сказать, из-за того, что я участвовала в вашей афере, я должна буду прятаться всю жизнь от этих тварей?! – гнев начал снова переполнять Екатерину.

– Я не просил вас меня кусать. Что жалеть о том, чего нельзя изменить или думать о том, что могло бы быть. Если бы вы родились в трущобах Каира, мы бы вообще никогда не встретились.

– Вы еще и ерничаете! Да вы хоть понимаете, что из-за вас моя жизнь будет, как в тюрьме?! Я даже замуж не смогу выйти – как мне объяснить мужу мое идиотское поведение? Это не дар, это проклятье! – бессильная злоба снова отразилась на лице девушки. – Ну, и что мне теперь делать? Как мне с этим жить? Отвечайте! Я же из-за вас стала такой...

Теперь мнимая «беременность» показалась Екатерине невинной шуткой. Из той глупой ситуации можно было выйти без труда и без потерь. Могла пострадать ее репутация, и все. Неприятно, конечно, но не смертельно. А теперь реальная опасность угрожала ее жизни. Вот уж поистине, все познается в сравнении!

– Что произошло, то произошло. И этого не поменяешь, – Генрих пытался урезонить Екатерину спокойно принять случившееся. – Есть другой путь. Вы можете стать охотником. Все, что я скажу дальше, не должно выйти за пределы этой комнаты. Это намного серьезнее того, что я вам только что рассказал. Вы должны клятвенно обещать, что все услышанное умрет вместе с вами. Если вы нарушите молчание, вы исчезнете.

– Меня убьют? – она была совсем растеряна и напугана.

– Нет, конечно. Вы любите все драматизировать. Но вас очень надежно спрячут.

– Хорошо, говорите, – девушка невольно глубоко вздохнула и решительно вскинула голову. – Я обещаю молчать. Хуже уже не будет, я надеюсь...

Глава 19

– Вы, возможно, слышали о Закрытом Министерстве. – Генрих сел в кресло напротив Екатерины и не торопясь продолжил разговор: – Оно ведаёт делами алхимии, магии, наблюдает за знахарями, ворожеями и прочим в том же духе. Это Министерство не засекреченное, но и не доступное для простых обывателей. Известно, что оно есть, мало кто знает, чем конкретно оно занимается. При нем существует Братство Трех Полумесяцев – тайная и глубоко законспирированная организация. В Златогорске – один из его филиалов. В нем состоят охотники на ведьм. Цель Братства – уничтожение этих злобных тварей. Подробности вы найдете в книгах, которые лежат перед вами. Магистр позволил мне предложить вам Служение. Вы пройдёте обучение и сможете стать охотником. Вы будете приносить неоценимую пользу людям, уничтожая ведьм. Ведь вы мечтаете быть полезной обществу. Вы сможете рассчитывать на поддержку и помощь своих товарищей. Вас никогда не оставят одну и всегда помогут. Мы безоговорочно доверяем друг другу. Без этого невозможно нести бремя Служения. И что еще немаловажно – у вас будет неплохое жалование. Кроме того, вам будут платить за каждую уничтоженную ведьму.

– Не думаю, что я смогу убивать... Ведь у ведьмы облик человека. Хотя рыжая, конечно, сама едва меня не прикончила... – девушку мучили сомнения.

– Когда вы побольше узнаете о них, то поймете, что это только облик, ничего более. Вспомните, во что превратилась рыжая.

– Вы убили ее ножом, но это же опасно – так близко подпускать к себе такую свирепую тварь.

– Опасно, но по-другому никак не получится. Ведьму можно убить только особым ножом, ничто другое ее не берет. Ни пуля, ни стрела, ни заклятья ей вреда не причинят. Забудьте все сказки о серебряных пулях, возможно, это эффективно против вампиров, но это уже не наша специализация. Необходимо виртуозно владеть ножом и действовать решительно – тогда шансы остаться в живых увеличиваются многократно. – Генрих старался придать своей речи побольше оптимизма, но это у него не особо получалось.

– Когда-то ведьмы были обычными женщинами или они такими родились?

– Нет, ведьмами становятся осознанно. На это, в основном, толкает тщеславие, злоба, обида или оскорбление. Кроме того, хотят быть избранными, особенными. Сначала они довольно безобидны. Просто упиваются вседозволенностью. А потом многие из них уже не могут остановиться и начинают убивать всех, кто их когда-то обидел или просто косо посмотрел. И тогда становятся очень опасными. Это затягивает, как опиум, наркотик.

– И все могут летать? Вчера это было так страшно! Она неслась на меня, как большая хищная птица...

– Да. Именно в образе хищной птицы их видят обыватели, когда ведьма находится в полете. Все ведьмы могут летать. Они с помощью магии легко проникают в дома и крадут деньги, украшения или вообще берут все, что могут унести. Ведьмы-крестьянки сливают надоенное молоко из ведер, светские дамы крадут драгоценности у соперниц. Почему-то они продолжают придерживаться привычного образа жизни. Простолюдинки ограничиваются мелкими кражами и до поры менее опасны.

– То есть они сначала только воруют, а постепенно становятся более жестокими?

– Не только воруют. Некоторым нравится завораживать и совращать мужчин – ведь тем кажется, что это всего лишь сон. Ведьма может заполучить почти любого для своих утех – даже того, кто прежде ее отверг. Перед мужчинами эти твари тоже предстают прекрасными обнаженными и молодыми, независимо от их истинного возраста и теперешнего облика. Это называется отвести глаза – человек видит не то, что есть на самом деле.

– Слышала такое выражение, но не думала о его смысле, – кивнула девушка.

Генрих продолжал:

- Конечно, ведьмы скрывают свои способности, иногда прикидываются гадалками и ворожеями. Они часто берутся наслать так называемое проклятье на смерть. Только эти твари не насылают проклятье, а просто убивают. И не оставляют следов. Из-за безнаказанности они быстро входят во вкус.

Екатерина задумалась.

- И как становятся ведьмами? Неужели нельзя как-то это предотвратить?

- Как? На руках находится много старинных книг и рукописей с подробным описанием обряда. Так что при желании сделать это не сложно. Невозможно изъять из обращения все эти фолианты.

- В городе много ведьм? - Девушке стало неуютно. Она опять вспомнила вчерашнюю рыжую. Она, похоже, обитала в Златогорске.

- Достаточно. Это, в основном, мещанки. Немало есть и в высшем свете. Очень мало среди купчих - видимо сказывается их практический подход к жизни.

- Как я понимаю, я либо останусь одна со своим опасным даром, либо должна стать охотницей? - Екатерина поняла, что стоит перед важным выбором.

- Не охотницей - охотником. В Братстве очень мало женщин, но они во всем равны мужчинам. Помнится, за это вы тоже жарко ратовали. Правда, равны они и в выполнении своих обязанностей.

- Во сколько лет вы стали охотником? - почему-то поинтересовалась Екатерина.

- В четырнадцать. Охотником становятся, когда убьют первую ведьму. Я тогда был со своим дедом и ведьма, по правде сказать, была не очень опасна.

Екатерина задумалась. Ее решение изменит всю дальнейшую жизнь и назад пути уже не будет.

- Про поступление в Университет мне, похоже, придется забыть?

- Да, в Университете этих тварей едва ли не больше, чем в любом другом месте. Пока не научитесь владеть собой, вам там делать нечего - убьют в течение нескольких дней.

- Но почему Братство просто не перебьет их всех?

- Как вы это себе представляете? Поубиваем их по одной? Или ворвемся, например, в Университет и перережем как баранов половину студенток и преподавателей на глазах почтеннейшей публики? А потом полиция найдет множество волчьих трупов по всему городу. Начнется паника, а за ней самосуды. Могут пострадать люди, и они пострадают, не сомневайтесь. Охота на ведьм в Европе захлебнулась в крови невинных женщин. Мы не можем допустить повторения этого ужаса у нас. Поэтому Братство держится в тени. Мы отслеживаем и убиваем только потенциально опасных особей.

- И как же можно определить, стала ведьма опасной или нет?

- Как вчера. Бросилась на вас - значит опасна. Уж лучше она попытается убить охотника, чем ни о чем не подозревающего обывателя, который видит просто большую хищную птицу.

- Так просто: попыталась убить - значит опасна. А без этой крайности обойтись нельзя?

- Нет.

- Получается, вы служите приманкой для этих тварей?

- Как вы умеете все метко назвать! Я бы до такого не додумался. Ну, если хотите - да, приманкой. Или можно сказать, мы их провоцируем.

- А как вы относитесь к своему Служению?

- Для меня это большая честь. Я горжусь, что состою в Братстве, и ни за какие блага не

захотел бы расстаться с даром.

– Это понятно. Но вы сейчас говорите официально и сухо. А меня интересует ваше личное ощущение от охоты... Эмоции, что ли... Я, наверное, неправильно формулирую...

Генрих кивнул:

– Я понял. Попробую вам объяснить... Вы были на охоте? Настоящей, опасной?

– Отец однажды взял меня с собой на охоту на кабана. Захватывающе.

– Значит, понимаете, что такое азарт охотника, когда он преследует добычу. А представьте, что вы с этим кабаном один на один. Азарт и сумасшедший риск. Опасность и нетерпение. Жажда победы до безумия, до иступления. Ни с чем не сравнимое ощущение. Вы его, или он вас. Все в ваших руках, все зависит от вашего умения и ловкости. И немного от удачи. Наслаждение скользить по краю бездны, когда замирает сердце и думаешь только о достижении цели. Любой ценой. У вас в запасе один удар ножом, второго может уже не быть. Шанс, который необходимо использовать. Это искусство – изящное и опасное. И это прекрасно! – Генрих говорил горячо, Екатерина впервые увидела, как страстно горят его глаза, и ей передался его азарт. Она слушала с замиранием сердца и затаив дыхание.

Фон Берг перехватил взгляд девушки и улыбнулся:

– Я, похоже, увлекся...

– Не ожидала, что вы такой азартный, – она увидела совсем другую сторону холодного аристократа.

– Если станете охотником, тоже такой будете. Вы сами сможете оценить красоту этой опасной игры. Мне кажется, вы любите рисковать. Ваша жизнь будет полна опасностей. Но удовольствие от охоты покрывает все с лихвой. Скучать будет некогда.

– Так вы советуете мне стать охотником?

– Я ответил на ваш вопрос, и только. Решение за вами. – Он сразу стал отстраненным, видимо, желая оставить выбор за Екатериной.

– Заманчиво... Даже очень... А как происходит обучение? И как долго?

– У вас будет наставник. Обучение занимает от полугода до нескольких лет, зависит от способностей ученика.

– У вас тоже был наставник? Или вам этого не требовалось?

– Наставник нужен всем. Моим был дед. – По лицу Генриха пробежала легкая тень сожаления.

– Наставника выбирают, или его кто-то назначает?

– Приобретенный дар давно никто не получал, – фон Берг замялся. – По правилам, наставником становится тот, от кого этот дар приобретен. Вашим наставником буду я, – Генрих предупредил вопрос Екатерины. – Нет, поменять наставника нельзя, увы... Вам назначат другого, только если я погибну. На этот случай я буду рекомендовать Егора – он очень опытный охотник. Мы с ним через многое прошли и почти все задания выполняли вместе.

– А если мы не сможем найти общий язык? – Екатерина вспомнила все выходки Генриха, особенно его аферу с помолвкой.

– Обычная жизнь – это одно, а Служение – совсем другое. В жизни можно быть врагами, а в Служении есть обязанность помогать друг другу. Ведь большинство имеют врожденный дар, и все эмоции надо оставлять за пределами Братства. Но это вам лучше объяснит кто-нибудь другой – к моим словам вы можете отнестись предвзято. Если вы примете Служение, нам придется доверять друг другу. Без этого нельзя.

Он замолчал и посмотрел на Екатерину. Она была спокойна и серьезна.

- Магистр позволил вам подумать три дня. Перед вами книги, которые вы должны прочитать и понять, готовы вы к служению или нет. Можете задавать любые вопросы мне или Егору, не стесняйтесь, спрашивайте, что непонятно или вызывает сомнения. Недопонимания быть не должно. Вот ключи от кабинета и сейфа, книги выносить отсюда нельзя. Не забывайте их убирать и запирать. О последствиях я вас уже предупредил - никто из посторонних ничего не должен знать. Хотите что-нибудь спросить сейчас?

- Да...

- Я отвечу на любые ваши вопросы, как обещал.

- Прекрасно. У меня много вопросов. Вы же не случайно оказались на озерах?

- Нет, конечно. Почти все охотники бывают на празднике в день летнего солнцестояния. Там собирается очень много ведьм - набираются сил. Мы за ними наблюдаем, отслеживаем новых, уничтожаем опасных.

- Значит, вы на празднике были не из-за меня?

- Я только от Егора узнал, что вы поехали на озера. Он нашел меня там и все рассказал. Вы разочарованы?

- Нет. Просто теперь понятно, почему вас не было в имении... Кстати, если эта рыжая была так опасна, и вы об этом знали, почему не уничтожили раньше? Ждали, пока она кого-нибудь убьет? Меня, например?

- Конечно нет. Когда ведьма переходит черту, она старается стать незаметной, не привлекать внимания и найти ее в обычной жизни непросто.

- Теперь еще... Помните, на веранде я заметила у вас на лбу ссадину?

Барон самодовольно улыбнулся:

- Тогда я один убил трех ведьм. Признаюсь, было нелегко... И все три были достаточно опасны.

- Вижу, вы настоящий охотник, - не удержалась от насмешки Екатерина. - Любите похвалиться трофеями.

- Этот недостаток мне не чужд... Как, впрочем, и многие другие. Хотите узнать о них больше?

- О ваших недостатках я смогу узнать позже, если будет необходимость. Как и вы о моих... Мне тоже скрывать нечего.

- Как пожелаете... Продолжайте задавать вопросы, я готов отвечать вам.

- Ссадина у вас на лбу и порезы на лице прошли очень быстро. И моя рана на плече быстро затянулась. Отчего?

- Дар помогает заживлять раны. Что-то появляется в крови - я в этом не очень разбираюсь. Врач нашего братства вам лучше объяснит. Кроме того, роса, которая выступает на лезвии ножа, тоже необычайно целебна. Я вас научу этим пользоваться - очень помогает при глубоких ранах.

- Хорошо, это понятно. Вчера мы шли какими-то незнакомыми узкими коридорами. Или я была в бреду?

- Я не хотел, чтобы нас увидели слуги. Вы едва держались на ногах. Наш вид мог в лучшем случае вызвать у них недоумение и досужие толки. Нам всем это ни к чему. Дом строился еще при моем прапрадеде. Он тоже обладал Даром и предусмотрительно повелел сделать множество потайных переходов и подземных ходов в доме и поместье. Можно незамеченным пройти практически в любую комнату или уголок парка.

- Значит, можно пройти и в мои комнаты?

- Вчера мы это и сделали. До этого, естественно, я в ваши комнаты не проникал. Вы же

это хотели спросить? Зачем мне это было бы надо? Подсмотреть, как вы переодеваетесь? Я не занимаюсь подобными вещами, – ирония Генриха вогнала Екатерину в краску.

– Конечно нет. Глупо было так думать... – она осеклась и потупилась.

– Хорошо, что спросили. Между нами не должно быть недопонимания. Что-то еще?

– Ночью я, кажется, назвала вас негодяем?

– Вчера и сегодня мерзавцем и негодяем называл меня только ваш друг. Вы – нет. Впрочем, я уже начинаю привыкать к подобным эпитетам в мой адрес, – Генрих улыбнулся.

– Значит, приснилось... Мне казалось, я еще говорила что-то хорошее...

Генрих продолжал улыбаться, глядя на нее.

Екатерина стала серьезной:

– Думаю, я готова принять Служение.

– Не спешите. У вас есть время для окончательного решения. Взвесьте все за и против. И помните, потом уже ничего поменять будет нельзя. Но я почему-то не сомневаюсь в вашем выборе. Читайте, думайте, спрашиваете. Я вернусь в поместье завтра после «встречи» с вашим другом детства. И не волнуйтесь за него понапрасну – он останется жив и здоров. Если будут неотложные вопросы – обращайтесь к Егору.

Глава 20

Летнее небо только-только начинало светлеть. Стояли самые короткие ночи в году, и было еще очень рано.

Генрих, проклиная романтичность Алексея, начал собираться на поединок. Почему непременно на рассвете? Ради красивого антуража? Кому-то нравится умирать при первых лучах восходящего солнца? Неужели нельзя было назначить поединок часа на три попозже? Хотя бы все выпались как следует. Все равно дуэль займет всего несколько минут, а может и того меньше. А ехать на край города и обратно почти час. Генрих почувствовал себя недовольным ворчливым стариком.

Дуэльные сабли барон отдал вечером князю Апухтину, которого, как всегда, попросил быть секундантом.

Хотелось спать, а вместо этого надо было тащиться на край города, где располагался заброшенный парк какого-то полуразрушенного имения. Там сохранилась подходящая сосновая аллея, в которой проходили почти все городские дуэли. Предрассветная свежесть бодрила. Солнце начало окрашивать восток в нежный розовый цвет. Яркая сверкала утренняя звезда у горизонта. Сумрак неохотно уступал место грядущему дню.

Генрих добрался до места вовремя, но там уже находился Алексей со своим секундантом, Апухтин и врач. Врача князь приволок почти насильно, но правила требовали его обязательного присутствия.

Всем, кроме Алексея, хотелось спать. Распорядителем дуэли по всеобщему согласию выбрали князя, как самого опытного в таких делах. С трудом сдерживая зевоту, тот монотонным сонным голосом зачитал правила, спросил о примирении, убедился, что сие невозможно, и призвал противников занять исходные позиции.

Секунданты пришли к взаимному согласию, что поединок будет проходить на саблях барона. Те, что привез секундант Алексея, нельзя было назвать приличным оружием – их взяли в аренду в каком-то захудалом ломбарде.

Алексей никогда раньше не видел таких красивых дуэльных сабель: тонкая резьба, инкрустация, золочение на эфесе и гравированные гербы фон Бергов на клинках – эдельвейс над тремя горными вершинами. Оружие удобно легло в руку, и это окончательно уверило молодого человека в его скорой и легкой победе. Алексей потребовал дуэли до результата, то есть до смерти противника.

По команде князя дуэлянты начали поединок, который длился всего несколько мгновений. Проведя пару виртуозных и в немалой степени картинных приемов, барон несильно ударил Алексея эфесом в висок, отчего молодой человек рухнул на спину. И тут же почувствовал, что острый и холодный кончик клинка приставлен к его горлу.

– Поскольку дуэль закончена, позвольте сказать вам следующее, – начал фон Берг. – Я никогда не допускал оскорбительных и низких мыслей о Екатерине Павловне, не говоря уже о действиях подобного рода. Я ее очень глубоко уважаю. Перестаньте и вы додумывать ее своими гнусными измышлениями и необоснованной ревностью. Вы сами выбрали дуэль до результата. – Барон резким движением сабли с ювелирной точностью сделал маленький надрез на мочке уха Алексея. Выступило несколько капель крови. – Поднимайтесь. – Генрих протянул противнику руку, но Алексей встал сам. Он напоминал побитого щенка и был очень сердит.

– И оставьте Екатерине Павловне право выбора – это ее жизнь, не ваша. Уважайте решения вашей подруги, – посоветовал барон.

Подожли секунданты и врач и констатировали, что все правила соблюдены. Дуэльный протокол решено было не составлять в целях экономии времени.

– Пожмите друг другу руки, – обратился к противникам князь Апухтин. Поняв, что Алексей находится в замешательстве, он предупредил его: – В противном случае вы покроете себя бесчестием.

Алексей неохотно пожал руку, протянутую ему бароном.

- Вы своим поведением постоянно демонстрируете, что любите Екатерину Павловну. Если это действительно так, научитесь доверять ей во всем, полностью и безоговорочно. Доверие – основа любви, – на прощание произнес Генрих.

- Это вы, очевидно, по личному опыту знаете, – не удержался от сарказма Алексей. – Доверяете безоговорочно всем своим любовникам? Я слышал, их у вас было немало.

- А с чего вы взяли, что хоть одну из них я любил?

Алексей и его секундант уехали в город. Следом отбыл и врач, не понимая, зачем его присутствие вообще было нужно. Ассигнация, сунутая ему в руку Апухтиным, несколько уменьшила недоумение.

- Зря потеряли время. Кто сказал этому юноше, что он умеет фехтовать? Жестокий обман... – князь потянулся, как сонный тигр, и продолжил зевать.

- Сергей Сергеич, прости, что не дал выспаться. Поедем в имение, позавтракаем. Екатерина Павловна наверняка ждет, чем этот фарс закончится. Бедняжка искренне переживает за своего друга. Хотя я и обещал ей, что он останется цел и невредим...

- Очень резвый и слишком горячий молодой человек, – вздохнул князь.

- И не говори, – согласился с другом Генрих.

По дороге в поместье им попался луг, и князь нарубил дуэльной саблей целый сноп полевых цветов.

- Для Екатерины Павловны, – объяснил он. – Как думаешь, ей понравится?

- Безусловно. Она романтичная особа. Только букет не великоват ли? – поинтересовался фон Берг.

- В самый раз! – Апухтин погрузил цветы в автомобиль.

Друзья не торопясь подъехали к дому – барон на автомобиле, Апухтин верхом. Генрих не ошибся – на веранде стояла Екатерина и с тревогой смотрела на них.

- Жив, жив ваш Алексей, не беспокойтесь! – крикнул ей фон Берг. – Только ухо ему слегка поцарапал. Пришлось, иначе дуэль не была бы засчитана.

Девушка живо сбегала с веранды по мраморным ступеням им навстречу. Она была неописуемо рада и не скрывала этого. Ее воздушное светлое платье развевалось на ветру и делало Екатерину похожей на большую бабочку, готовую в любой момент невесомо оторваться от земли и закружиться в воздухе.

Князь галантно поклонился и вручил ей огромный букет полевых цветов, который почти полностью скрыл девушку.

- Простите, все цветочные лавки еще закрыты. Пришлось собирать в поле. Но от всей души и от чистого сердца!

Екатерина засмеялась в ответ:

- Какая прелесть, и пахнут, как на лугу! Но они же ни в одну вазу не поместятся!

- Поставьте их в ведро, – посоветовал Генрих.

- Точно! – Было заметно, что Екатерина уже не думала об Алексее. Она знала, что никто не пострадал, и это делало ее счастливой.

- Пожалуйста, напоите нас кофе, – попросил Сергей Сергеевич. – Ужасно хочется спать, встали ни свет ни заря.

- Я велю приготовить завтрак, а кофе сварю сама. Ждите, скоро принесу, – девушка летящими шагами вошла в дом, держа букет обеими руками и крепко прижимая его к себе.

Она была грациозна и изящна в своем скромном платье. Падающие из огромного букета цветы оставляли за ней зеленую дорожку, как за богиней Флорой. Генрих поймал себя на мысли, что снова засмотрелся на девушку.

Непосредственность Екатерины вызывала и у князя неподдельное восхищение.

– Что за барышня, чудо! Ни грамма жеманства! – с жаром обратился он к фон Бергу. – Пожалуй, я почти влюблен!

– Да, совсем непохожа на светских девиц, – задумчиво кивнул барон.

Уже через несколько минут все расположились на веранде и пили кофе, сваренный Екатериной. Шутили и говорили о пустяках. Екатерина искренне смеялась над витиеватыми комплиментами князя в ее адрес, а Генрих продолжал любоваться ею, с удовольствием смакуя кофе и чуть прикрыв глаза от солнца, как сытый хищный зверь.

Утренняя прохлада еще не отступила. Горизонт был подернут легкой дымкой, предвещавшей знойный день.

После завтрака, который проходил за оживленной беседой, Сергей Сергеевич уехал в город. Барон начал собираться на завод.

– Разбираетесь с правилами и уставом? – заботливо поинтересовался Генрих. – Вопросов много?

– Пока все более или менее понятно, но вопросов тоже много... Егор очень помогает.

– Я вам на сегодня нужен? Хотел вечером остаться в городе, – барон был очень предупредителен. Если Екатерина пожелает, он останется и будет давать ей необходимые пояснения.

Графиня будет вынуждена подождать еще. Генриху безумно хотелось встретиться с ней, но он готов пожертвовать своим любовным свиданием ради Екатерины. И это было совсем на него не похоже.

– Вы вроде как спрашиваете моего разрешения? – не скрывая иронии, поинтересовалась девушка.

– Вы же из-за меня в эту историю попали.

– Ага! Все-таки признали свою вину! – в ее голосе звучало торжество.

– Признал. Вы и правда чудо, как говорит князь, – по-доброму улыбнулся ей Генрих.

Екатерина смягчилась:

– Позволяю вам остаться вечером в городе, – голосом милостивой королевы шутливо сказала она. – Нам придется найти общий язык, – серьезно добавила девушка, и барон понял, что свой выбор она уже сделала.

Глава 21

Генрих с нетерпением ждал вечера. Он не видел Полину больше недели. Скучал ли он? Нет. Но он страстно желал ее.

Желание рождает нетерпение, а не трепетные чувства и нежность. Страсть может толкать на необдуманные поступки, вызывать бешеную ревность, ярость, гнев, ненависть, но уж точно не подразумевает тонких переживаний, меланхолии и душевных страданий.

Сначала Генрих был увлечен Полиной и влюблен в нее. Не сильно, а слегка... Потом эти чувства переросли в пламенную страсть и вожделение. Яркую и красивую пару неодолимо влекло друг к другу и толкало в порочные объятия.

Чувство любви было неведомо ни блистательной графине, ни фон Бергу. Любовь не свойственна эгоистам. А они оба были именно такими.

Барон понимал, что это тонкое и прекрасное чувство вряд ли когда-нибудь посетит его холодную душу. Он быстро смирился с тем, что не познает настоящей любви, и решил компенсировать это, с головой окунувшись в сладострастный вихрь порока и сомнительных удовольствий.

Полина была старше фон Берга на два года. Овдовев шесть лет назад, она сменила череду любовников, прежде чем ее алчный взгляд остановился на Генрихе. Великолепная светская львица, она быстро спустила состояние, доставшееся ей в наследство после мужа, на бесконечные наряды и умопомрачительные украшения.

Чтобы сохранить привычную блестящую и роскошную жизнь, Полина начала умело вытягивать деньги из многочисленных поклонников, доведя некоторых из них до разорения, а одного до самоубийства от неразделенной любви.

Любовников она выбирала тщательно – только очень знатных и очень богатых. Она не привыкла размениваться по мелочам.

Свою красоту и благосклонность Полина ценила высоко и продавала за большие деньги. Однако обольстительная светская львица не считала себя просто дорогой содержанкой. Она была графиня Рокотова и с гордостью несла свой титул. Никто не смел осуждающе или косо смотреть на высокомерную красавицу.

Графиня с тщеславным и жестоким удовольствием считала количество дуэлей, причиной которых стала. Прекрасная вызывающей и яркой красотой, порочная и чувственная, она умела кружить головы мужчинам и добиваться от них всего, чего хотела. Светские скандалы тянулись за ней длинным шлейфом. Но это ее несколько не смущало, а скорее тешило неимоверное самолюбие роковой красавицы.

С фон Бергом все было не так, как с остальными любовниками. Он не собирался бросать к ее ногам свою свободу и честь. Полина знала, что он не будет на коленях умолять ее о благосклонности, как другие, и не пустит себе пулю в лоб от безответной любви.

Барон тратил на Полину бешеные деньги, но так и не стал ее очередным трофеем. Будучи страстным с ней в постели, он, тем не менее, не терял от нее голову.

Генрих был просто любовником, который покупал ее очень дорогие услуги. Она ему нравилась, с ней приятно было появиться в светском обществе. Барон видел, с каким вожделением и восхищением смотрят на нее мужчины. Это льстило ему и наполняло его гордостью.

Отношения этой пары можно было назвать прочными. У Полины хватало ума не требовать от Генриха невозможного, а довольствоваться тем содержанием, которое он ей определил. Генриха устраивало, что любовница не закатывает истерик и не мечтает стать его законной женой. Общие пороки сближали их, как ничто другое, и делали эту связь очень крепкой.

Сегодня вечером фон Берг спешил к Полине, сгорая от страсти. Он оставил позади все тревоги последних дней. Генрих мечтал отдохнуть и забыться в пьянящих объятиях

прекрасной богини любви.

Дверь своей роскошной квартиры любовница открыла ему сама – она ждала его. На ней был легкий пеньюар цвета шампанского, который лишь слегка прикрывал ее прекрасную фигуру. Он свободно спал с ее великолепных мраморных плеч и мягко струился по телу, подобно дивному водопаду.

Полина была великолепно сложена – тонкая талия, упругая, в меру полная грудь, движения плавные и изящные. Золотистые, очень светлые длинные волосы. Темные голубые глаза с поволокой под густыми черными ресницами сейчас смотрели призывно и нежно. Прекрасный чистый овал лица и пухлые чувственные губы. Низкий вкрадчивый голос.

Она была бы похожа на ангела Боттичелли, если бы не ее порочный и откровенный взгляд, который, впрочем, она научилась прятать, скромно и благородно потупив глаза.

Прекрасная графиня обвила руками шею барона и впилась в его губы страстным и нежным поцелуем. Он ответил на ее призыв.

Молодая женщина змеей выскользнула из халата, Генрих легко подхватил ее на руки, не переставая осыпать ее шею и плечи поцелуями. Полина была умелой любовницей, барон не зря тратил на нее шальные деньги – она того стоила.

Фон Берг отнес Полину в спальню и бережно, как драгоценную фарфоровую безделушку положил на кровать. Она откинулась на шелковые подушки, изогнулась в истоме и нетерпеливо притянула его к себе.

Генрих проснулся от поцелуя – нежного и жаркого, как летний полдень. Он знал, что это была не Полина. И ему не хотелось открывать глаза – это всего лишь конец сна, не стоит разрушать очарование ускользающего мгновения.

Так могла бы поцеловать его Екатерина, если бы захотела, конечно. Но она этого не захочет. Никогда...

Как он мог бы называть ее, если бы она была сейчас рядом с ним, на месте Полины?

Екатерина? – слишком длинно и официально.

Катя, Катенька? – так наверняка зовет ее Алексей, и уже от этого имя приобретало мещанский оттенок.

Кэт? – вспомнилась давняя знакомая из его путешествия по Европе, работавшая на телеграфной станции в Берлине. Она владела не только азбукой Морзе, но и другими, более интересными навыками. Русская, почему-то выдающая себя за немку. Кошачье имя...

Катарина, Катрин – что-то итальянское, теплое, изысканное, утонченное, но не жеманное. Генрих любил Италию... Да, он бы звал ее Катрин... Звал бы...

Но она не займет место его порочной любовницы. Он сам не хочет этого и никогда не допустит... Даже думать о таком непозволительно. Чистая, невинная девушка, которой он недостоин.

Сон ушел окончательно. Вкус призрачного поцелуя растворился на его губах. Легкая горечь и сожаление остались в душе и камнем легли на сердце.

Екатерина, Катрин... Почему сейчас он опять думает о ней? Еще вчера вечером он даже не вспоминал об этой девушке. Тогда все его существо занимала другая женщина, порочная и смелая.

Фон Берг открыл глаза. Красавица Полина лежала обнаженная рядом с ним. Ее рука покоилась на его груди, а золотистые волосы разметались по шелковой подушке. Желанная в своей бесстыдной красоте. Темные пушистые ресницы трепетали над ее нежными щеками. Красивое холеное животное.

Через мгновение, будто почувствовав его взгляд, Полина открыла глаза, грациозно и

гибко потянулась, как кошка. Она склонилась над Генрихом, провела тонкими пальцами по его губам, словно дразня и крепко поцеловала.

Он притянул ее за руку к себе и обнял. Неожиданно Полина отстранилась и села на кровати.

Генрих знал эту ее привычку. Она была чем-то недовольна.

– Иди ко мне... – он снова нежно взял ее за руку и улыбнулся, глядя в ее бездонные, как море, голубые глаза. – Ты сегодня безумно красива. Иди ко мне... Ну же...

– Позже... – она вдруг стала совсем отстраненной.

– Что тебя тревожит? – участливо спросил Генрих, поцеловав ее руку.

– Я слышала, ты вчера дрался на дуэли?

– А я об этом уже забыл. Недоразумение, а не дуэль, – Генрих усмехнулся, вспомнив забавное приключение. – Неужели испугалась, что меня могли убить? Как приятно, что ты переживаешь за меня. Не ожидал. Очень мило с твоей стороны, – он снова поцеловал ей руку.

– Мне не нравится причина дуэли. Только об этом и разговоров в свете, – в ее тоне начало появляться недовольство, которое она пока еще сдерживала. – Судачит даже прислуга. Вызов на дуэль на улице, на глазах простолюдинов! Отвратительно и пошло!

Генрих вздохнул, в очередной раз вспоминая нелепую ситуацию:

– Молодой человек решил, что я домогаюсь его подруги детства. Страшно ревнует. Похож на глупого щенка-подростка – много тявкает и мечется без толку. Фехтует отвратительно...

– Я сказала, мне не нравится причина дуэли, – уже с раздражением повторила Полина и со злостью вырвала руку, которую все еще держал Генрих. – Эта ваша гувернанточка. Как ты мог опуститься до того, чтобы драться за прислугу?

– Она не прислуга. Госпожа Несвицкая из древнего, но обедневшего дворянского рода. Вынуждена работать. Тебе этого, к счастью, не понять, – раздражение Полины вызывало у него удивление.

– Даже я знаю, что нельзя участвовать в дуэли из-за женщины с сомнительной репутацией. Это пятно на чести дворянина, – не унималась Полина. – Все будут смеяться мне в лицо!

Генрих ушам своим не поверил:

– Кто бы говорил! Я дважды дрался из-за тебя на дуэли, а уж твоя более чем сомнительная репутация известна всем.

– Не сравнивай меня с ней! – зло и с ненавистью воскликнула графиня, изменившись в лице.

– Я не сравниваю. Вспомни, до твоего удачного замужества ты была всего лишь певичкой провинциального театра, даже не примой. Дочь мелкого чиновника. Если бы не вышла замуж за графа Рокотова, так и осталась бы простолюдинкой. Он как-то удачно скоропостижно умер, помнится... – слова Генриха вызвали очередной приступ ярости у его любовницы.

– Как ты смеешь говорить об этом!

– Просто тебе не стоит забывать о твоем происхождении... – Генрих продолжал недоумевать. Что так злит Полину?

– Мое происхождение осталось в прошлом. Я графиня Рокотова! – гордо сверкнула глазами Полина. – А не какая-то нищенка из захудалых дворян!

– Да ты ревнуешь! Что за глупости! Вчера ревновала к девице Розенфельд, сегодня

придумала это. Мы с тобой вместе уже давно, и мы неплохая пара. Так зачем все усложнять? Перестань и иди ко мне! – он не хотел ссоры и еще раз попытался обнять любовницу.

Но та злобно оттолкнула его:

– Я не ревную! Меня это просто бесит! У тебя даже голос меняется, когда ты говоришь о ней!

– Успокойся, эта девушка нам с тобой не чета. Она из другого мира, где нет лицемерия и распутства. Чистая и простая. И я ее не интересую, поверь. – Генрих понял, что Полина права. Он говорит о Екатерине если не с нежностью, то, по крайней мере, с теплотой.

– Зато она, похоже, интересуется тобой! – гнев графини нарастал с каждым мгновением.

– Что с тобой сегодня? Ты же знаешь, я не терплю сцен! – Генрих впервые видел свою любовницу в таком бешенстве.

– Эту никчемную пресную девицу ты ставишь выше меня?!

– Сейчас ты ведешь себя как мещанка. – Ее поведение уже начинало злить Генриха. – Посмотри, что ты из себя представляешь: немного вкуса и бездна лени, море тщеславия, эгоизма и злости. Ты бесишься от безделья и скуки. Поговорим, когда успокоишься.

– Эта дрянь только и ищет, как и кому продать себя подороже! Я насквозь вижу подобных мерзавок! – голос Полины дрожал от гнева и презрения. – Она мечтает нырнуть к тебе в постель, просто набивает себе цену!

– Не смей! – угрожающе проговорил фон Берг.

– Ударишь женщину?! – с вызовом спросила Полина глядя ему в глаза.

Это стало последней каплей. Генрих неожиданно успокоился. Для него отношения с Полиной закончились.

Он оделся и холодно бросил Полине:

– Такую, как ты, – да. Лучше не искушай меня.

Барон вышел, закрыв за собой дверь, и услышал, как через мгновение что-то с силой ударилось об нее и со звоном разлетелось во все стороны.

Глава 22

Наступил день, назначенный Магистром для представления ему Екатерины. Почти весь вечер накануне и все утро Генрих и Егор провели с ней. Они отвечали на ее вопросы и старались как можно подробнее разъяснить всю серьезность принимаемого ею решения. У Екатерины сложилось впечатление, что они волнуются о ее предстоящем визите к Магистру больше, чем она сама.

Барон давал ей последние наставления о правилах поведения и этикете в Братстве:

- Не говорите без позволения Магистра. Не задавайте вопросов, пока вам не разрешат. Отвечайте четко и громко.

- Генрих Александрович, вы мне это уже вчера говорили, - умоляюще сказала Екатерина. - Я все помню.

- Еще раз повторить не помешает. Никакие вопросы о вашей личной жизни не должны вас шокировать, это не праздный интерес. Отвечайте на них откровенно и не смущаясь.

- Ну что такого у меня могут спросить, на что я не отвечу откровенно? Есть ли у меня тайный любовник? - уже с некоторой тоской возмутилась девушка. - Я отвечу на все вопросы честно и без утайки.

Генрих замялся.

- По правде говоря, есть один вопрос... Как вы обрели дар?

- Все просто. Я вас укусила. - Екатерина не видела в этом чего-то особенного.

- А почему?

Теперь настала очередь задуматься Екатерине. Глупо объяснять все подробно: барон предложил аферу с помолвкой - я согласилась, он сказал, что я беременна - я разозлилась. Хотела его ударить, он сопротивлялся, и я его укусила. Водевиль какой-то. Они оба будут выглядеть как два умалишенных перед всем Братством.

- Я должен вам признаться, - Генрих посмотрел ей в глаза. - Я солгал Магистру. Не мог же я ему долго и путано рассказывать всю историю. Я сказал, что обнял вас и пытался поцеловать... А вам это не понравилось.

- Даже здесь вы не можете без вранья! - возмутилась девушка. - И я обязана вас покрывать, вы же этого хотите?

- Можете рассказать правду, - пожал плечами барон, стараясь казаться равнодушным.

- И чем это чревато? - поинтересовалась Екатерина.

- Для вас - ничем, - он безразлично посмотрел в окно.

- Об этом я как-то догадалась, - саркастически заметила Екатерина. - Вы же о себе печетесь. Или я не права?

- Магистр в очередной раз будет на меня гневаться. Возможно, отправит на Каменный остров, но только после того, как вы закончите обучение под моим руководством. Насчет этого не беспокойтесь.

- И надолго вас туда могут отправить? - ей не хотелось причинять неприятности барону, но и выгораживать его она тоже не собиралась.

- По правилам Братства за безобидную ложь Магистру на полгода. А этот случай, в принципе, вполне безобидный.

- Вы мне мало рассказывали об Острове.

- Да нечего рассказывать. Об этом вам все подробно объяснят на Совете. За провинности и проступки ссылают на Каменный остров переписывать старинные манускрипты и

переводить книги – что-то наподобие общественно-полезной работы. За предательство отправляют туда же в рудники.

– А вы, похоже, там уже побывали? – не смогла не съязвить Екатерина.

– Да, несколько лет назад, – кивнул Генрих.

– И за что же вас туда отправили? За очередное вранье?

– Нет, – он усмехнулся. – Глупо все получилось. Просто проспал. Опоздал на задание. К счастью, никто из Братства не пострадал, иначе сидел бы я там пожизненно.

– Долго вы там пробывали?

– Полгода. Это минимальный срок пребывания. Переводил старинные рукописи. Грустное место. Холодно, тоскливо. Еда скудная. Зато есть время подумать. Больше я своих товарищей не подводил.

– И как же вы объяснили свое отсутствие отцу?

– Мой дед запретил ему задавать вопросы на подобные темы. Он знает о моем Служении только в общих чертах.

– Как я понимаю, дар не всегда передается по наследству?

– Это, как любой талант, может передаться, может – нет. У отца и Андрея его нет.

– А что же делать с вашим талантом врать? – иронично поинтересовалась девушка.

– Все в ваших руках...

– Какой вы сегодня смиренный! – с издевкой заметила Екатерина. – Последний раз я пойду у вас на поводу и буду придерживаться вашей версии. И только потому, что история и в самом деле получается глупая. Ни вас, ни меня она не красит. Но больше – никогда, – категорично заявила девушка.

– Я вам бесконечно признателен, – с чувством ответил ей барон. – Я постараюсь в дальнейшем избегать подобных инцидентов.

– Да уж, постарайтесь. – Екатерина подумала, что это, скорее всего, пустые обещания. Даже если фон Берг приложит усилия, все равно что-то пойдет не так. Такая уж у него натура. И возможно, это не плохо, иначе будет слишком правильно и скучно.

Визит был назначен на три часа дня. Решили, что Екатерина поедет с Егором, а барон чуть позже, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Братство Трех Полумесяцев располагалось в здании Закрытого Министерства. Само здание не представляло собой ничего особенного – большое, современное, трехэтажное. Серый оштукатуренный фасад с легкой провинциальной претензией на имперскую архитектуру – высокие окна и множество символических скульптур: благоденствие, справедливость, мудрость и все в таком духе.

На первом этаже этого здания находился Губернский Поземельный банк, негласно принадлежавший Братству. Банком пользовались многие горожане. Поэтому через его помещения можно было, не вызывая подозрений и лишних вопросов у непосвященных, попасть в Братство.

Екатерина и барон ожидали приглашения в зал Совета в просторном холле. Егор состоял в Совете и уже был в зале.

В холле стояло несколько старинных дубовых стульев с высокими резными спинками. Девушка опустила на один из них. Она чувствовала себя неуверенно.

Постоянные наставления и поучения Генриха и Егора взвинтили нервы девушки до предела. Теперь она тоже была напряжена и взволнована.

Чтобы отвлечься, Екатерина начала рассматривать прихотливый рисунок на полу:

посреди мраморной мозаики красовался герб Братства – три серебряных полумесяца на лазурном фоне.

Стены тоже были облицованы цветным мрамором – роскошное, богато декорированное помещение давило нарочитой величественностью на девушку. Она чувствовала себя неуютно. Барон заметил это и взял ее за руку.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Похоже, мы с Егором вас совсем замучили.

Екатерина сжала руку Генриха в ответ.

– Наверное, это самый ответственный день в моей жизни... А если я им не понравлюсь? Что тогда со мной будет?

– Какой вы еще ребенок, – ободряюще улыбнулся барон. – Вы не должны никому нравиться... Просто будьте сама собой.

Вскоре их пригласили в зал.

Они вошли в высокое и просторное полутемное помещение, напоминающее готический собор. Стрельчатые окна, задернутые плотными шторами, почти не пропускали внутрь дневной свет.

Во главе длинного стола сидел пожилой седовласый господин с широкой золотой цепью на шее. Над ним на стене размещался герб Братства с девизом: «Равноправие и доверие». С обеих сторон стола расположились представители Совета – человек двадцать.

Екатерина узнала двух представителей высшей власти города, торговца из городской мясной лавки и какого-то чиновника, которого часто встречала на почте. Но больше всего ее удивило присутствие директрисы Института благородных девиц – Елены Михайловны Миргородской. Это была единственная женщина в Совете. Она тоже узнала Екатерину и приветливо ей улыбнулась.

Екатерина и Генрих остановились посреди зала.

– Разрешите представить вам Екатерину Павловну Несвицкую, – произнес Магистр. – Она недавно обрела Дар и готова приступить к Служению. Господин фон Берг объяснил ей азы Законов и Правил нашего Братства. Он дал ей блестящую характеристику и крайне высоко отозвался о ее способностях. Он будет ее наставником в случае принятия ее в Братство. Приобретенный дар – большая редкость и может быть чрезвычайно полезен для нашего общего Служения. Можете начинать задавать вопросы госпоже Несвицкой.

Екатерина отвечала на вопросы, не забывая наставлений Генриха, и постепенно перестала волноваться. Некоторые вопросы ее удивляли, некоторые казались незначительными и бессмысленными: чем интересуется, какими навыками владеет, как умерли родители, чего боится, какие предметы предпочитала в гимназии и все в таком же духе.

Иногда Магистр задавал дополнительные вопросы, в основном это касалось семьи Екатерины. Все проходило чинно и очень неспешно. Собеседование длилось долго. Наконец Екатерина ответила на последний вопрос, и Магистр объявил перерыв.

В соседнем зале были накрыты столы с легкими закусками, и все переместились туда, чтобы перекусить до продолжения заседания. Несколько человек курили у окна.

Магистр доверительно разговаривал с бароном. Екатерина отошла в сторону, чтобы не мешать им. К ней подошла ее бывшая директриса с горячей сигарой в руке. Сухопарая строгая дама неопределенного возраста – где-то около сорока лет, с идеально поставленной гордой осанкой, высокой прической и пенсне на носу – типичная учительница Института благородных девиц.

– Рада, что вы присоединились к нам, госпожа Несвицкая, – дружелюбно произнесла она и выпустила кольцо сизого дыма в воздух. – Не ожидала увидеть вас здесь.

– Я тоже рада вас видеть, – призналась Екатерина. – Елена Михайловна, вы курите? – девушка не могла скрыть изумления.

– Удивлены? В Институте это недопустимо. А здесь я иногда позволяю себе такую слабость, особенно после напряженного дня. Не привыкайте – очень дурная манера и бросить трудно, – она с видимым наслаждением вдохнула ароматный дым гаванской сигары.

– Вам очень повезло с наставником, – продолжала директриса. – Лучший охотник – опытный, решительный и смелый до безрассудства. С ним вы быстро освоите эффективные приемы охоты, а тонкости придут с опытом. Магистр готовит его на свое место. Фон Берг – выдающаяся личность, скажу без преувеличения, никто не может сравниться с ним в мастерстве. Барон будет нашим следующим Магистром, если доживет, конечно... – последнюю фразу Миргородская произнесла как что-то естественное.

– Как вы можете говорить так обыденно об этом? – не выдержала Екатерина.

– Вы о сигарах? – не поняла директриса.

– О фон Берге. Вы сказали «если доживет» так просто...

– Так и есть. Привыкайте. Здесь все ходят по лезвию, можно погибнуть в любой момент. Поэтому спешите перенять его бесценный опыт, он вам очень пригодится и поможет выжить.

К ним подошел Генрих.

– Дорогой Генрих Александрович, бесконечно благодарна вам за гаванские сигары! – Миргородская была довольна щедрым подарком. – Они поистине великолепны.

– Не за что, уважаемая Елена Михайловна, – любезно ответил фон Берг. – Я бросил курить. Осталось несколько коробок, решил, что вас они порадуют.

– Вы правильно сделали, что оставили эту пагубную привычку. Хвалю, хвалю. А я не могу... Женская слабость...

– Мне в этом невольно помогла Екатерина Павловна. Теперь я ее наставник, а, как мне известно, ей не нравится запах табака.

– Как всегда галантны и учтивы. А мы с госпожой Несвицкой давние знакомые, она окончила наш Институт, – пояснила Миргородская, продолжая дымить, как паровоз. – Она должна будет привыкнуть к нашему образу жизни. В институте я учила ее совсем другому. Вы скоро поймете, что невозможно нести Служение и не позволять себе иногда отдохнуть и расслабиться.

– В каком смысле «расслабиться»? Я и правда не понимаю...

– Кто-то после охоты любит спустить деньги на игру в карты или на скачках – говорят, помогает переключиться на обычную жизнь. Некоторые почтенные мужи напиваются до поросячьего состояния, и их тоже можно понять. Проще всего вам, дорогой барон, – Миргородская доверительно по-мужски ткнула его кулаком в плечо. – У вас есть графиня Рокотова. Правда, редкая шалава, простите за откровенность...

– Уже нет, пришлось расстаться, – улыбнулся барон, почему-то благодушно позволяя госпоже Миргородской так фривольно с собой разговаривать.

– Давно пора... Но у вас есть еще девочки мадам Лулу. А что остается мне, даме элегантного возраста, кроме сигар? Суфражистки ратуют за равноправие. Да плевать я хотела на избирательное право. На шуту оно мне сдалось, позвольте спросить? – Миргородская распалялась все больше. – Для мужчин есть публичные дома, а почему для дам не создано подобных заведений? Вот где настоящая дискриминация. Мне приходится для этих целей держать при институте красивого и совершенно бестолкового садовника... – Она с досадой выпустила изо рта кольцо сизого дыма и проследила за ним взглядом.

Екатерина не переставала удивляться тому, как просто говорит почтенная директриса Института благородных девиц о таких откровенных вещах. Она никогда не могла понять, для чего в Институте нужен атлетически сложенный, отлично причесанный садовник с холеными руками и, кроме всего, недурно одетый. Он всегда так криво подстригал кусты и частенько неловко вытапывал клумбы, пытаясь их полить. Теперь все встало на свои места.

– Вас не должны шокировать слова госпожи Миргородской. Здесь говорят, что думают, без церемоний. Так проще, – пояснил Генрих. – Вы сами найдете способ отдыха после охоты. Совсем не обязательно напиваться и заниматься непотребством...

– Не обязательно, – кивнула госпожа Миргородская. – Но, согласитесь, это самый эффективный способ.

Генрих не стал с ней спорить, а она переместилась к курившим у окна мужчинам и завязала с ними оживленный разговор.

Подошел Егор.

– Госпожа Миргородская, кажется, ошарашила Екатерину Павловну своими откровениями, – усмехнулся барон. – Опять говорила на свою больную тему – мужское и женское равноправие, ну и прочее в том же роде, ты понимаешь...

– Она может, – широко улыбнулся Егор. – Не слушайте ее, Екатерина Павловна. Она циничная, он очень славная. На нее всегда можно положиться. Не в том смысле, конечно, о котором она говорила, – Егор невольно рассмеялся своему каламбуру и Екатерина тоже.

Екатерина почувствовала себя лишенной всех предрассудков и условностей. Она стала свободной, и это ей понравилось.

– Вижу, вы начинаете осваиваться, – заметил Генрих.

– Да, – кивнула ему девушка. – Какие разные люди, и все вместе делают одно дело.

– Я говорил вам, здесь нет сословных предрассудков.

Девушка не смогла сдержать улыбку:

– Здесь, похоже, вообще нет предрассудков. – Слова госпожи Миргородской не давали ей покоя.

– Вы же всегда за это ратовали. Или нет?

– Вы меня не поняли, мне нравится. Непривычно, но мне нравится. Я чувствую себя свободной, впервые. Что-то во мне поменялось за несколько часов пребывания здесь.

– Искренне рад за вас, – он пристально посмотрел на нее.

– Даже если меня не примут, я рада, что смогла побывать в Братстве.

– Да примут вас, примут. Не переживайте, – барон снова взял ее за руку. – Какая же вы все-таки непосредственная!

Она улыбнулась в ответ, но мысли ее были далеко.

Удар гонга объявил об окончании перерыва, и все вернулись в зал заседаний. Барон сел по правую руку Магистра. Совет начал обсуждать какие-то дела, не связанные с Екатериной.

Девушке предложили подсесть к столу секретаря. С его помощью она заполняла бесконечные бумаги с личными данными и еще какие-то анкеты и бланки. Последней она подписала Клятву верности. Когда все было закончено и заверено печатями, документы передали Магистру. Он бегло просмотрел их.

– Очень хорошо, что вы сирота и не замужем, – заметил он как бы между прочим.

Екатерина промолчала, помня наставления барона.

– Все формальности соблюдены. Есть еще вопросы к госпоже Несвицкой? – спросил Магистр. – Нет. Кто-нибудь против вступления госпожи Несвицкой в Братство? Нет.

– Подойдите ко мне, – приказал он Екатерине.

Она приблизилась к Магистру и остановилась в нескольких шагах, как учил ее Генрих, склонив голову и не глядя ему в глаза.

– Поздравляю вас с вступлением в Братство Трех Полумесяцев. Будьте достойны доверия, оказанного вам. Выполняйте и чтите Законы Братства. Вы подписали Клятву и с этого мгновения несете полную ответственность за все свои действия. Теперь вы – ученик. Это большая честь и большая ответственность. Когда станете охотником, вы предстанете официально перед всем Братством. Все остальные формальности будут выполнены позже. Вас известят, когда вы должны будете явиться ко мне в следующий раз. Заседание закрыто. Все свободны.

Глава 23

– Вы отлично держались, – похвалил ее Генрих, когда они вышли на улицу. Он был очень доволен.

– Вы с Егором почти сутки учили меня этому, – улыбнулась девушка. – Почему хорошо, что я сирота и не замужем?

– Никому ничего не надо будет объяснять в случае вашей гибели.

– Это жестоко, – ее будто обдало холодом, и по рукам побежали мурашки.

– Жизнь вообще жестока. А Служение – особенно. Здесь нет ложного лицемерия. Никто не будет с вами миндальничать и подбирать подходящие слова, чтобы не обидеть и не ранить ваших чувств. Но за вас любой готов отдать свою жизнь. Вы поймете, что девиз Братства «Равноправие и доверие» не пустая фраза.

– А с чего это вы дали мне блестящую характеристику? – подозрительно спросила девушка.

– Я высказал свое мнение о вас. Магистр должен знать, кого он приглашает в Братство.

– А если в Братство попадет случайный человек? Может, и вы во мне ошиблись?

– Не думаю, что я в вас ошибся. Конечно, бывают и предатели. Но таких мало. Их отправляют на Остров пожизненно. В братстве никого не убивают. Только ведьм.

Она задумалась, и они некоторое время шли молча.

– За последние дни на меня свалилось столько всего. Я чувствую себя растерянной, – призналась Екатерина.

– Это нормально. Даже с врожденным даром не сразу привыкают к такому образу жизни. Садитесь в автомобиль. Теперь заедем к вашему учителю фехтования и договоримся о занятиях. Он будет учить вас основам владения ножом. Дальше совершенствовать эти навыки будете со мной. А потом к модистке – надо обновить ваш гардероб. Скоро новолуние, и мы идем на бал в Дворянское собрание по случаю основания Златогорска – там начнете учиться владеть собой при виде ведьм. Их там будет немного, и они пока не опасны.

– Там будут ведьмы? – искренне удивилась Екатерина.

– Вы не всегда внимательно меня слушаете, – упрекнул ее Генрих. – Я говорил уже вам, что ведьмы не признают сословных различий. Их достаточно много и среди аристократок. После Дворянского собрания в ближайшее полнолуние ходим по городу – это тоже довольно безопасно, хотя ведьм будет значительно больше. Ну а затем посетим городской театр – вот там их будет много. Но к тому времени, я надеюсь, вы научитесь владеть собой достаточно хорошо.

В фехтовальном зале они договорились о времени посещения тренера – каждый день несколько часов с утра. Учитель фехтования был охотником и знал, к чему должен готовить девушку.

– Надеюсь, вы сообразительная и достаточно ловкая, – внимательно оглядев ее, сказал тренер. – Сложены неплохо. Здесь главное хорошая реакция и решительность. Ну и сила не помешает. С собой принесите спортивную одежду – свободную и удобную.

Потом Генрих повез Екатерину к модистке. В городе было единственное ателье, где шили бальные наряды по последним моделям, которые присылали из столиц мировой моды. Фон Берг не мог допустить, чтобы его спутница выглядела, как обычная провинциальная простушка.

– Мне надо снять деньги со счета, – сказала Екатерина. – Вряд ли в ателье возьмут чек. Давайте вернемся в банк.

– Не стоит. Я хотя и положил на ваш счет обещанную сумму, но лучше оставьте ее про

запас. Неизвестно, что вас ждет завтра. Все расходы по вашему гардеробу я возьму на себя.

– Никогда! – гордо воскликнула девушка. – Я не принимаю подобные подарки! У меня есть деньги. И не только те, которые вы мне выделили за участие в вашей афере, – не удержалась от колкости Екатерина.

– Это не подарок. Вы хоть представляете, сколько стоит приличное бальное платье? – иронично поинтересовался барон.

Екатерина, конечно, предполагала, что это не дешево. Но у нее на счету теперь лежала очень приличная сумма.

– А вы-то откуда можете это знать? – с вызовом произнесла девушка.

– Какая вы все-таки наивная, – барон снисходительно смотрел на нее. – Неужели искренне думаете, что к Полине и ей подобным я приходил с коробкой шоколадных конфет? И поймите, вы не должны выделяться на фоне изысканно одетых дам на балу. Вы же не были раньше на таких светских раутах? Поэтому пока я буду выбирать, что вы наденете.

– Ну конечно! И все решат, что я ваша очередная любовница! Это недопустимо и для меня неприемлемо, – она была решительна.

– Вы правы, мы не продумали, в качестве кого вы будете меня сопровождать. А теперь мы часто будем появляться вместе. Роль моей любовницы вас точно не устраивает? Формально, естественно... Было бы очень убедительно и удобно...

– Вы что, издеваетесь? Что скажут мои друзья, знакомые?

– Они же все не вхожи в высшее общество. Откуда им узнать?

– Однозначно нет! А как я буду выглядеть в глазах окружающих, вас совсем не интересует? Из-за какой-то убедительности я не позволю запятнать в очередной раз мою честь! «Беременной» от вас я уже была. Еще не хватало стать вашей фальшивой любовницей! – Волна возмущения захлестнула ее, и она сердито посмотрела на Генриха.

– Предложите что-нибудь лучше, – миролюбиво попросил барон.

– Можно, например, представить меня как сотрудницу вашего завода... – эта идея показалась Екатерине вполне подходящей.

– Которую я от доброты сердечной вожу по балам, ресторанам и театрам, а также по всем злачным местам города.

– Почему по злачным местам? Что мы там забыли?

– То же, что и в светском обществе – ведьм. Но об этом поговорим позже. Мы будем отправляться туда, куда направит нас Братство.

– Так в качестве кого я все-таки буду везде появляться с вами?

– Может, вы опять станете моей невестой? Объявим официально о помолвке. Ее можно будет разорвать, когда в этом отпадет необходимость. И помолвка может длиться бесконечно долго.

– Ну, что ж, пожалуй, это не плохо... – согласилась девушка. – Лучше, чем если все будут думать, что я ваша любовница.

– Тогда надо будет в ближайшее время дать в газету объявление о помолвке. Других предложений у вас нет?

– Пусть будет так. Это меньшее из зол... Алексей расстроится... – она вздохнула.

– Полина тоже в восторг не придет... – проворчал Генрих.

– Вы же с ней вроде как расстались? – девушка опять начала подозревать барона во

лжи. – Хотя это меня не касается. Только врать мне не надо.

– Госпожа Миргородская очень метко назвала ее. Увы, это правда... Надеюсь, она скоро переберется... А Алексею скажите, что это временно... Хотя, глупо звучит, конечно... Ну, придумайте что-нибудь...

– Да уж, как помолвка может быть временной? И что тут можно придумать? Но я очень дорожу его дружбой... Я знаю его почти всю жизнь. И последняя наша встреча закончилась как-то нехорошо... Он, наверное, на меня обиделся...

– Он должен научиться вам верить, если вы и в правду друзья. Я ему уже об этом говорил. Возможно, к вам он все-таки прислушается.

Они подъехали к роскошному зданию. Огромные зеркальные витрины первого этажа были украшены легкими драпировками и китайскими фарфоровыми вазами с живыми цветами. Важный привратник в униформе глубоко поклонился и распахнул перед ними стеклянную дверь с ярко начищенными причудливыми латунными ручками.

Помещение ателье было живописно и богато декорировано – белая с золотом мебель в стиле Людовика XIV, по стенам – фламандские гобелены, натюрморты и знойные итальянские пейзажи в тяжелых резных рамах.

В помещении ателье пахло ванилью и флердоранжем. Генрих усадил Екатерину на диван, а сам привычно опустился в широкое кресло. Через мгновение в зал впорхнула маленькая изящная дама средних лет, безукоризненно одетая и источающая тонкий аромат французских духов.

– Дорогой Генрих Александрович! Какая честь! – она с некоторым изумлением стремительным взглядом окинула Екатерину, но тотчас справилась с неуместным любопытством. Модистка была знатоком своего дела и не задавала бестактных вопросов.

– Добрый день, мадемуазель Корде. Познакомьтесь – моя невеста, Екатерина Павловна, – не моргнув глазом представил ей девушку Генрих. Екатерина вспыхнула, но быстро овладела собой. – Нужна ваша помощь. Екатерине Павловне надо подобрать соответствующий гардероб. Нам в первую очередь требуется бальное платье для приема в Дворянском собрании. Времени осталось немного, но вы же постараетесь?

– Безусловно, все будет готово к сроку. Екатерина Павловна, пожалуйста за мной, – модистка пригласила девушку в соседнюю комнату, с достоинством, но любезно раскрыв перед ней дверь и пропуская вперед.

Примерочная была небольшой, но обставленной с не меньшим вкусом, чем главный зал ателье. Множество зеркал, пуфики, кресла, причудливые ширмы и бесконечные букеты в напольных вазах. Две молоденькие помощницы модистки помогли Екатерине раздеться и начали быстро и привычно снимать мерки.

– Вы сложены намного лучше графини Рокотовой, – не удержалась одна из помощниц.

– Занимайся своим делом и не болтай, – резко одернула девицу хозяйка. – Извините ее за бестактность, Екатерина Павловна, она еще слишком молода и глупа. Какое бальное платье вы предпочитаете? – поинтересовалась она и положила на столик несколько модных журналов. – Здесь последние модели – Париж, Вена, Рим... Мы шьем по их оригинальным выкройкам и из заграничных тканей. Ни один фасон не повторяется. Кроме того, высокое качество пошива – наш конек. Все только самое лучшее, не сомневайтесь...

Девушки закончили снимать мерки, одна из них накинула на плечи Екатерины легкий шелковый халат. Помощницы сделали глубокий реверанс и бесшумно исчезли из комнаты.

– Присаживайтесь, выбирайте. Что из напитков желаете? Могу предложить шампанское, вино, чай... – мадемуазель Корде была сама любезность.

– Чай, пожалуйста.

Екатерина никогда не видела ничего подобного. Великолепные и богато украшенные

платья, с обилием оборок, перьев и цветов. Эффектные и вызывающие, с глубоким декольте и невероятными шлейфами. Бархатные, шелковые, кружевные. У нее запестрило в глазах от такой роскоши и разнообразия.

Девушка почувствовала себя невеждой в вопросах последней моды и смутилась от этого. Но она точно знала, что не желает ничего экстравагантного и кричащего. Никаких перьев и оборок с пышными бантами. Никакого бархата и блестящей парчи.

Хозяйка модного ателье, кроме всего прочего, великолепно понимала душу любой клиентки. Она умела расположить ее к себе, разговаривать и понять, какой именно фасон ей идеально подходит – не только по фигуре, но и по характеру.

Модистка была тактична, предупредительна и окружила смущенную девушку неподдельным вниманием. Мадемуазель Корде непринужденно беседовала с ней на отвлеченные темы – погода, книги, последние театральные постановки. Екатерина разговорилась и почувствовала себя увереннее.

Она долго рассматривала журналы и наконец остановила выбор на простом и элегантном платье из светлого гладкого шелка и без излишеств.

Служанка принесла поднос, на котором стояла чашка с чаем, сахарница и вазочка с шоколадом. Маленький букетик ароматных гиацинтов дополнял чайную композицию – в модном ателье все должно быть утонченно и соответствовать высшему уровню. Екатерина взяла чашку и указала модистке на выбранное платье.

– У вас удивительно тонкий вкус, – без тени лести сказала дама. – Последняя модель. Очень популярна в Европе. Облегающее и изящное. Плотная вышивка шнуром на лифе и вдоль линии декольте, без корсета – для идеальной фигуры, как у вас. Требуется современного нижнего белья. Все это у нас есть. К этому платью я рекомендую палантин из соболя. Он оттенит его строгость и придаст шарма.

– Но сейчас лето, он не будет выглядеть неуместно? – поинтересовалась девушка.

– Меха всегда уместны, – заверила ее мадемуазель Корде.

– Мне бы хотелось узнать стоимость... – начала Екатерина.

Модистка мило и несколько снисходительно улыбнулась:

– Господин барон очень щедр...

– Я хочу сама оплатить заказ.

Дама с удивлением вскинула тонкие брови:

– Извините, но я не думаю, что это будет правильно. Вы же невеста Генриха Александровича. Он в курсе вашего желания?

– Нет. Ему не надо об этом пока знать.

– Позвольте заметить вам, что это очень дорого, – модистка написала карандашом цифру рядом с изображением платья.

Екатерина поняла – деньги на ее счету растают быстрее, чем первый снег. Дама заметила, как девушка расстроена, и доверительно произнесла:

– Господин барон не узнает о вашем желании... Это ему ни к чему. А теперь примерьте аналогичное платье. Ваше не будет полностью повторять этот фасон. Но общий облик похож – один стиль и фактура ткани. Пусть ваш жених оценит и выскажет свое мнение.

Екатерина вышла в зал и увидела, что фон Берг смотрит на нее с нескрываемым восхищением. Ей понравился его взгляд – никогда еще мужчины не смотрели на нее так.

– Вы невозможно красивы! – Генрих был искренен и очень доволен. Видимо, он не ожидал подобного преображения.

– Соболя накидка прекрасно дополнит этот туалет, – проворковала модистка и накинула

на плечи Екатерины меховой палантин. – Платье будет отличаться по цвету шелка и вырезу. Екатерина Павловна пожелала его несколько уменьшить.

– Оставьте как есть, – почти умоляюще попросил Генрих.

– Слишком вызывающе, – отрезала Екатерина.

Уже поздно вечером они вернулись в имение.

– Продолжим завтра? – предложил Генрих. – Вы, наверное, устали? Трудный был для вас день. Да и для меня тоже.

– Ничего, хочу побыстрее понять, что мне предстоит еще освоить, – девушка всегда была нетерпелива.

– Тогда пойдемте ко мне в кабинет.

Там Екатерина протянула Генриху ключи:

– Они мне больше не нужны.

– Нет, оставьте себе, еще пригодятся. Вам нужны будут книги и манускрипты. Можете приходить сюда в любое время и пользоваться, чем необходимо.

Их отношения постепенно начинали становиться более доверительными.

– Стреляли из револьвера? – поинтересовался Генрих.

– Только из ружья на охоте. Для чего надо стрелять из револьвера? Вы же говорили, что ведьму можно убить только ножом.

– Я вам уже говорил, будем отправляться туда, куда потребует Братство. Это не обсуждается. Иногда придется посещать темные закоулки, притоны и прочие злачные места. Там, кроме ведьм, хватает другого отребья. Вы уверенно держитесь в седле?

– Пожалуй, я неплохо езжу верхом.

– Это вряд ли часто понадобится. Но все же может потребоваться. Егор проверит, насколько хорошо вы это делаете. Он же вас научит ездить на автомобиле.

– Отлично! – У Екатерины загорелись глаза, и она с трудом сдержала свой восторг. – Только зачем мне это? – с напускным равнодушием продолжила она.

– Также может пригодиться. Будете подменять меня или Егора при необходимости.

Девушка задумалась:

– Пожалуй, в качестве невесты мне неприлично постоянно жить в поместье...

– Согласен. Я, помнится, обещал снять вам квартиру... – он лукаво улыбнулся. – Я выполняю свое обещание.

– Может быть, снять квартиру при заводе? – предложила Екатерина.

– Лучше в городе, так будет удобнее. У меня есть на примете подходящая – небольшая, но современная и вполне уютная. Завтра можем посмотреть. Ну что же, думаю, на сегодня достаточно. Мы многое сделали, и можно отправляться спать. – Барон заметил, что девушка явно устала и с трудом отгоняет от себя сон. – Вы сегодня были великолепны во всех отношениях, – не удержался от комплимента Генрих.

– Особенно в бальном платье... – улыбнулась девушка.

– Вообще-то я имел в виду заседание Совета... – в тон ей ответил барон и тоже улыбнулся.

Они начинали понимать друг друга.

Глава 24

Первое занятие с учителем фехтования началось ранним утром и прошло неплохо. Екатерина была старательной ученицей. Она обладала хорошей реакцией и схватывала на лету все сложные движения и выпады. Девушка впервые тренировалась с холодным оружием, и это ей нравилось.

Ни о чем подобном она раньше и подумать не могла. В Институте спортивные занятия проходили с обручами и лентами – все изящно и благопристойно. Зачем девице надо размахивать ножом? От кого ей себя защищать при наличии добропорядочного мужа. И вообще это вульгарно, по крайней мере. Да и просто грубо и неприлично. Дичь какая-то!

Тренер остался вполне доволен ее успехами. Занятие пролетело незаметно, и девушка почти не устала. В назначенное время за ней заехал барон.

– Для первого раза совсем недурно. Я доволен вашей протезе, – удовлетворенно сказал Генриху преподаватель. – Если так пойдет дальше, она быстро освоит начальные навыки владения ножом. Реакция у девушки неплохая, но она немного нервная и суетливая. Будем избавляться от этого постепенно. С опытом придут уравновешенность и спокойствие. Мне нравится сила ее удара – неожиданно для такой хрупкой девушки.

Замечание о нервности несколько задело Екатерину, но пришлось смириться – тренеру виднее. Однако она твердо решила, что приложит все усилия и добьется совершенства. Да и выбора у нее особого не было – или она ведьма, или ведьма ее.

– Теперь поедem смотреть вашу квартиру. Это недалеко. – Генрих решил, что пора определиться с жильем для Екатерины. – Если не понравится, есть другие варианты. Или сначала желаете немного перекусить?

Только теперь Екатерина поняла, что ужасно проголодалась после напряженных физических занятий.

– Можно и перекусить, но платить за себя я буду сама, – категорично заявила она.

– Как пожелаете, – не удержался от усмешки барон.

– И нечего так снисходительно улыбаться! – девушка нахмурила брови. – За бальное платье я с вами тоже обязательно рассчитаюсь.

– Непременно... – он продолжал улыбаться.

Они зашли в ближайшую кофейню. Запах утренней выпечки и корицы возбуждал аппетит. Завтрак прошел быстро. Официант принес счет, барон заплатил, а Екатерина начала отсчитывать мелочь из кошелька, чтобы отдать Генриху. Тот с нескрываемым интересом наблюдал за ее действиями.

– Может быть, уже хватит заниматься ерундой? – не выдержал он наконец. – Вы и в правду думаете, что это принципиально важно? Или после того, как отдадите мне мелочь, почувствуете себя уверенней? Могу я позволить себе иногда угощать собственную невесту, пусть и фальшивую?

Девушка поняла, что это действительно выглядит глупо. Она кивнула головой в знак согласия:

– Можете меня иногда угощать. Но и я тогда буду угощать вас. Это будет правильно.

– Вы невыносимы, – махнул на нее рукой барон. – Я согласен. Следующий раз платите вы. Довольны?

– Да.

Девушка была полностью удовлетворена. Она никогда и ничем не будет обязана Генриху. Даже в мелочах. Пусть смеется над ней, но для нее это важно.

Квартира, которую подобрал для Екатерины фон Берг, находилась в центре города, на тихой и фешенебельной улице. Доходные дома в три-четыре этажа, с эркерами и

причудливыми балконами давили на обывателя своей неприступностью и роскошными фасадами.

Квартира располагалась на втором этаже и состояла из холла, просторной гостиной, будуара, спальни, ванной и комнаты для прислуги с маленькой кухней. Обстановка была подобрана со вкусом и при этом богато: начищенный до блеска дубовый паркет, дорогая мебель, мягкие ковры на полу, хрустальные люстры, тяжелые шелковые портьеры на окнах – все как положено в приличной квартире.

В гостиной стоял белоснежный рояль. По бокам от него расположились напольные вазы. Светлые, почти белые портьеры придавали гостиной шарма и делали ее уютной.

В будуаре высокое венецианское зеркало в золоченой раме отражало сверкание хрустальной люстры и отбрасывало радужные блики на паркет. Туалетный столик с трюмо был больше обеденного стола в квартире Алексея. Екатерина не понимала, для чего он такой гигантский и что можно на нем расставить. На кушетке хаотично громоздились подушки различных форм и размеров. Рядом на тумбе расположился телефонный аппарат – современная и нужная вещь.

Но больше всего девушку поразила огромная кровать под балдахином из тонкого шелкового крепа. Она напоминала шатер сказочного султана и выглядела неприлично шикарно, вызываясь сверкая позолоченной резьбой на спинке.

– Как и обещал. – Барон показал Екатерине все комнаты. – Небольшая, но удобная. Это вам на четыре года, как договаривались. А там посмотрим.

Девушка была поражена такой роскошью:

– Это же безумно дорого!

– Моя невеста не должна жить в трущобах, – пошутил Генрих, с явным удовольствием наблюдая за реакцией девушки.

– Но это, по крайней мере, разорительно, – не удержалась Екатерина. Она вспомнила про Алексея, своих друзей и подумала, что не сможет объяснить им, почему живет в таких роскошных апартаментах. Даже для невесты барона это слишком. – И комнат мне столько не нужно... – продолжала девушка. – Я не собираюсь держать светский салон. Давайте найдем что-нибудь попроще и подешевле.

– Помнится, вы просили меня не заглядывать вам в карман? – продолжал подшучивать над ней фон Берг. – Однако ваша скромность вас украшает. А если честно, этот дом целиком принадлежит нашей семье. Так что для меня это бесплатно.

– Так и знала, что будет какой-нибудь подвох, – весело засмеялась девушка. – Вы без этого не можете!

Подойдя к роялю, Генрих нежно провел рукой по зеркально полированной поверхности и открыл крышку.

– «Беккер», – не мог не похвалиться он. – Великолепное звучание, привез из Берлина.

Перед роялем стоял длинный пуфик. Барон присел на него, привычно размял пальцы и легко пробежался по клавишам.

– Настройщик не обманул – инструмент в прекрасном состоянии.

Генрих заиграл «Вечернюю серенаду» Шуберта.

– Очень люблю эту вещь. Помните, вы ее мне играли? – он кивком предложил Екатерине занять место рядом с ним.

Она под села, и они продолжили в четыре руки. Музыка завораживала и увлекала куда-то далеко, обещая бесконечное счастье и тихую радость.

– У нас отлично получается, – заметил Генрих. – Надеюсь, работать мы будем так же слаженно.

– Надеюсь... – эхом ответила девушка.

– Должен вам признаться, именно когда вы играли «Серенаду» у меня зародился тот идиотский план с помолвкой...

– Надо было бы ударить вас этой вазой, – девушка шутливо кивком головы указала на тяжелую хрустальную вазу, стоящую на полу рядом с роялем. – Но происходящее мне нравится все больше и больше...

Музыка действовала на нее умиротворяюще, и она наслаждалась нежными звуками. Барон улыбнулся довольной улыбкой.

– Кстати, игра на рояле очень хорошо снимает напряжение после охоты. Рекомендую. Именно так я и делал это до встречи с Полиной... И никакого непотребства и пьянства, как советует госпожа Миргородская.

– А как же девочки мадам Лили? – съязвила Екатерина.

– Мадам Лулу, – поправил ее Генрих. Видимо, имя мадам было для него принципиально важно. – Вы, порой, бываете совершенным ребенком. Мужчине просто необходимо иногда такое общение. Правда, от воздержания тоже пока никто не умер. Знаю по личному опыту пребывания на Острове. Однако вы быстро научились у Елены Михайловны не стесняться в прямоте своих суждений.

Пьеса закончилась. Затих последний аккорд.

– Вы прекрасно играете, – без тени лести сказала девушка. – Мне до вас далеко...

– Учился в Вене почти год, спасибо отцу...

Барон подошел к окну и жестом подозвал Екатерину.

– Через дорогу по диагонали, в зеленом доме моя квартира. Тоже на втором этаже.

– Какие окна ваши? – поинтересовалась она, глядя на большой трехэтажный дом с затейливыми коваными решетками на балконах.

– Я же сказал, на втором этаже – то есть весь этаж.

– От скромности вы точно не умрете. Теперь понятно, почему эту квартиру вы считаете маленькой! – непринужденно рассмеялась девушка.

– Будем ходить друг к другу в гости на чай или играть в четыре руки. А если серьезно, это просто удобно – все в двух шагах: и Закрытое Министерство, и спортивный зал, и я, разумеется.

– Самое главное – это, конечно, вы! – поддержала его шутливый тон Екатерина.

– Можете перебираться сюда, когда пожелаете. Егор поможет с вещами, – Генрих протянул ей ключи. – Но и в поместье за вами останутся комнаты. Вам придется жить и здесь, и в усадьбе.

– Все-таки эта квартира для меня слишком помпезна. Я буду себя здесь чувствовать неуютно...

– Думаю, вы скоро освоитесь. Привыкайте к роскоши, раз вы моя «невеста».

Глава 25

Солнечное летнее утро началось для графини Рокотовой отвратительно. Вместе с утренним чаем ей принесли свежие городские сплетни.

Верная горничная была еще и осведомительницей своей госпожи и собирала для нее все последние слухи, исходившие от прислуги. Далеко не все можно узнать от поклонников или подруг. Слуги, порой, знают больше своих хозяев.

Сначала горничная доверительно доложила своей госпоже, что фон Берг повел Екатерину к модистке и заказал бальное платье, за которое заплатил просто шальные деньги.

Помощница модистки уверяла горничную графини, что у госпожи Несвицкой ужасная фигура – талии нет, грудь плоская, ноги с заметной кривизной.

Господин барон явно ослеп, променяв изысканную и утонченную графиню Рокотову на нищую гувернантку, которая даже вести себя как следует не умеет – напилась шампанского и покрикивала на девушек, пока те снимали мерки, как торговка на рынке. Невежда во всем, с полным отсутствием вкуса и без намека на приличные манеры.

Госпожа Несвицкая выбрала самое дорогое платье из жадности – оно ей совершенно не идет и уродует и без того плохую фигуру еще больше. Кроме того, потребовала соболиную накидку. Это летом то! Могла бы тогда еще и шубу пожелать.

И что в ней только нашел господин барон? Он ей во всем потакает, выполняет ее капризы. Даже заказал для нее заграничное шелковое белье с тонким кружевом. Цвет – слоновая кость – точно в тон платья. Стоит очень дорого. Только оно ее вряд ли украсит.

Не иначе, она просто опытная профурсетка, которая прикидывается порядочной и невинной девицей... Наверняка так оно и есть. Недаром говорят, что в тихом омуте...

Замечание о белье окончательно убедило Полину, что Генрих нашел себе новую любовницу в лице гувернантки. И это доводило ее до исступления.

Ее, графиню Рокотову, светскую львицу и роскошную красавицу отвергли ради серой мыши и нищенки с жалкой родословной. Ради девицы, на которую до сих пор никто не позарился. Ради маленькой дряни, способной только возиться с сопливым отпрыском знатного рода.

Но, похоже, эта мерзавка не только занималась воспитанием мальчишки, но и не теряла времени даром. Она сумела ловко предложить себя его старшему брату.

На что клюнул этот блестящий ловелас, сменивший череду любовниц? На глупую показную наивность и скромный взгляд, за которым скрывалась хитрая и жадная тварь? На новизну в отношениях?

Захотелось попробовать на вкус невинную, целомудренную и пресную девицу? Ну, хорошо, попробовал. Так зачем же после этого тратить на нее деньги и одевать, как приличную светскую даму? Вполне хватило бы небольшой суммы наличными.

Позже Полина прочитала в газете в разделе светской хроники объявление о помолвке барона фон Берга Генриха Александровича и госпожи Несвицкой Екатерины Павловны. Это вызвало у графини приступ неопишуемой ярости. Она с рычанием разорвала газету в мелкие клочки, и они валялись по всей комнате, как хлопья снега.

Неужели скоро эта жалкая гувернантка станет баронессой фон Берг? Будет несметно богата, примет титул, делается хозяйкой великолепного поместья и женой будущего оружейного магната?

Об этом бредили многие знатные и состоятельные девицы, но у них не было ни малейшего шанса. Даже графине это не удалось, а уж она-то понимает толк в любовных утехах и может доставить мужчине ни с чем несравнимое удовольствие. Наверняка эта убогая девица ничего такого не умеет.

Фон Берг всегда давал понять, что не намерен жениться в ближайшие годы. И она ему верила, и не изменяла. Надеялась, что он не сможет жить без ее ласк. Она отдала ему лучшие свои годы! Целых три!

А ведь могла бы найти себе отличную партию и снова удачно выйти замуж. Так нет, она была верна этому негодяю! И что же? Он изменил ей и так подло и жестоко бросил ее! И ради кого?! Ради блеклой дурочки!

Полина была в бешенстве и напоминала разгневанную фурию. Никогда еще она не чувствовала себя такой униженной и оскорбленной.

Она металась по комнате, как разъяренная львица по клетке. Перебив все вазы и зеркала в будуаре, графиня немного успокоилась.

Она обессилено рухнула в глубокое кресло и перевела дыхание. Роскошные золотистые волосы растрепались и падали на глаза. Она со злостью откинула их назад. Нет, она никому не позволит так с собой обращаться! Ее сильно недооценивают, очень сильно! Барон будет ползать у ее ног, а гувернантка закончит свои дни в дешевом борделе! Она сумеет это организовать!

Полина позвала горничную. Та мгновенно оценила нанесенный будуару ущерб и смиренно обратилась к хозяйке:

– Полина Аркадьевна, если пожелаете, могу порекомендовать опытную ворожею. Насылает проклятье – через месяц ваши враги умрут в страшных мучениях. Правда, берет очень дорого.

– Дура! – прикрикнула на нее графиня. – Не хватало мне только связаться с грязной колдуньей. – Перед глазами Полины встала мерзкая лачуга, пропахшая плесенью, с сушеными травами и мышами, развешанными под потолком. – Еще бы посоветовала в табор к цыганкам съездить! Обойдусь без твоей ворожеи! Слушай внимательно...

Графиня потребовала от горничной узнать все подробности из жизни этой Несвицкой. Собрать все слухи и сплетни, и немедленно. Главное, ей необходимо знать, где живет и как зовут друга мерзавки-гувернантки, с которым дрался на дуэли барон.

Полину продолжали терзать сотни вопросов, и они снова и снова возникали в ее воспаленном мозгу.

Почему Генрих решил жениться на обнищавшей дворяночке, зачем она ему вообще сдалась? Как этой простушке удалось окрутить барона? Неужели он клюнул на бесцветную девицу из-за ее показной чистоты и невинности? Или он делает это назло Полине? Ведь они только что расстались...

Нет, они не расстались, он ее бросил! Бросил, как истеричную надоевшую любовницу. Это особенно злило графиню – никто не смеет игнорировать ее! До этого случая она сама бросала своих любовников, меняя их на более знатных и богатых. Это позволено только ей!

Так или иначе, но их разрыва и этой помолвки она ему никогда не простит и страшно отомстит. Страшно и жестоко... И ему, и его скромнице-невесте... Эта девица особенно раздражала графиню. Будь ее воля, она немедленно стерла бы несчастную в порошок и развеяла его по ветру.

Умелая интриганка, Полина без труда составила коварный план мести.

Преданная горничная быстро нашла адрес друга Несвицкой и Полина немедленно написала ему трогательное и жалобное письмо, назначив встречу на завтра. Она знала, что в субботу Городская управа не работает, и была уверена, что молодой человек не сможет отказать ей в ее «смиренной» просьбе. Она брызнула несколько капель дорогих духов на бумагу, дополнив этим образ несчастной обманутой женщины.

Полина немного успокоилась и позвонила своему давнему воздыхателю. Князь Юрьевич был приятно удивлен, услышав бархатный голос Полины Аркадьевны.

В их коротком разговоре прекрасная графиня дала понять, что она рассталась с бароном

фон Бергом, потому что тот утомил ее своей постоянной необоснованной ревностью, дурными манерам и недопустимой грубостью. Теперь она пребывает в некотором замешательстве, так как не знает, кто сможет сопровождать ее на бал в Дворянское собрание.

Безусловно, она может появиться там и одна, но опасается, что барон продолжит свое навязчивое ухаживание и будет ее преследовать. Фон Берг назло ей объявил о помолвке с безродной гувернанткой своего младшего брата. Хочет унижить ее своим жалким мезальянсом с прислугой и это отвратительно. Просто неприлично так себя вести из ревности. Неизвестно, на что он еще решится, чтобы оскорбить беззащитную женщину.

Князь любезно предложил прекрасной графине свою кандидатуру для визита на бал и покровительство абсолютно во всем. Он никому не позволит обидеть или оскорбить благородную вдову. Он будет оберегать ее от любых неприятностей, и графиня может во всем на него положиться.

Немного подумав, Полина Аркадьевна согласилась. Потребовав, впрочем, чтобы князь Юрьевич непременно посетил ее на следующей неделе. Без церемоний, просто как старый добрый друг. Они так давно не виделись, и она хочет исправить эту недопустимую оплошность.

Конечно, князь Юрьевич был не так богат и не так молод, как фон Берг. Но нищим его тоже назвать было нельзя. Да и внешность у него приятная и солидная – настоящий покровитель благородной вдовы.

Замену Генриху графиня Рокотова нашла очень быстро.

Глава 26

Алексей был невероятно обижен и сердит на Екатерину. После неудачной дуэли он получил от нее всего лишь коротенькое письмо, где она выражала радость, что все обошлось, пеняла ему на неразумное поведение и обещала выбрать время для встречи.

И все. А ведь он пошел на это, чтобы защитить ее честь и достоинство. Барон мог его убить.

Алексей ожидал другой реакции. Екатерина должна была если не упасть в его объятия, то, по крайней мере, пожалеть и приласкать как пострадавшего за правое дело. Он злился и досадовал, что девушка все не могла выбрать времени поговорить с ним по душам, как обещала.

Чем она может быть так занята? Она же еще не начала работать. И не может же она все время читать книги и готовиться к поступлению в свой Университет? Возможно, любезничает с этим бароном или гуляет с ним по парку и слушает его приторные комплименты? Он соблазняет ее, а она и не против. Конечно, внимание блестящего аристократа хоть кому вскружит голову.

А как фон Берг потащил ее в лес! Эта картина до сих пор стояла у Алексея перед глазами. Екатерину, похоже, совсем не смущает, как это отвратительно выглядело со стороны.

Вернувшись со службы, он нашел записку от Екатерины, в которой подруга извещала его о своем скором визите. Пожалуй, он даже не особо обрадовался – обида была слишком велика.

Девушка появилась примерно через час. Алексей холодно поздоровался с ней и предложил пройти в гостиную.

– Будешь чай? – больше из приличия поинтересовался он, не скрывая отчуждения.

– Пожалуй, если только ты составишь мне компанию, – она натянуто улыбнулась.

Очевидно, Екатерина чувствовала неловкость, возникшую между ними, и старалась сгладить ее.

– Хорошо, – коротко ответил он и замолчал, наливая чай и протягивая чашку девушке.

Повисла напряженная тишина. Алексей не хотел делать первый шаг и ничего не говорил. Екатерине пришлось самой нарушить затянувшееся тягостное молчание. Молодой человек не без злорадства наблюдал за ее попыткой преодолеть замешательство.

– Я обещала поговорить с тобой, но у меня совсем не было времени, правда... – примирительно начала она.

– Ты не посчитала нужным найти полчаса для меня, – Алексей говорил раздраженно. Он не притронулся к чаю. – Даже письмо написала короткое и только ради приличия.

– У меня не было времени, – повторила девушка и тоже насупилась, со звоном помешивая сахар в чашке. – Ты пытаешься внушить мне, что я перед тобой в чем-то виновата. Это не так, и мне это не по душе. Хочешь поговорить – я готова. Я дорожу нашей дружбой, но не все могу тебе объяснить. Просто верь мне.

– Повторяешь слова барона, – насмешливо проговорил Алексей, презрительно улыбаясь. – Легко же ты променяла меня на него...

– Никого я не меняла! Ты умеешь слушать или нет?! Ты – мой друг. Если бы мне было все равно – не пришла бы сегодня, – она тщетно пыталась достучаться до Алексея.

– Просто хочешь очистить совесть. – Молодой человек сердито смотрел в сторону.

– Мне не от чего очищать совесть. А ты ведешь себя глупо. Хочешь, чтобы я ушла? – Его поведение начинало злить Екатерину. Она резко отодвинула чашку и встала из-за стола.

- Поступай как знаешь! – буркнул он.

От такого ответа у девушки навернулись слезы на глаза. Алексей заметил, что она расстроена, и смягчился:

- Ну ладно, давай поговорим...

- Леша, я, правда, не все могу тебе рассказывать. Я буду работать с бароном у него на заводе. Это решение я приняла окончательно – работа интересная и платят хорошо. Завод производит оружие, и я не имею права никому ничего рассказывать и объяснять. Я часто буду появляться с фон Бергом на людях. Чтобы меня не считали его любовницей, мы решили объявить о помолвке – фиктивной, конечно. Сколько это продлится, я не знаю. Замуж за него я не собираюсь, – она вывалила все это на своего друга на одном дыхании.

Алексей лишился дара речи. Он не сразу овладел собой.

- Я тебе не верю... – только и смог произнести молодой человек. Он был раздавлен.

- А в то что я его любовница, поверить можешь, да?! – с возмущением воскликнула девушка. – Как же легко ты веришь в свои измышления! И чем они пошлее, тем легче ты в них себя убеждаешь! Что же это за дружба – без доверия?!

- Пожалуй, я верю, что барон тебя не соблазнил, и ты не его любовница... – милостиво произнес Алексей. Он решил, что может позволить себе быть великодушным с подругой детства. Все-таки они так давно знают друг друга. Целую вечность. Нельзя все так просто забыть.

- Какое облегчение! Пожалуй, ты веришь! Пожалуй! – саркастически произнесла Екатерина и тут ее понесло: – Ты веришь, что я не опустилась до уровня содержанки! Ты веришь, что я не отдаюсь барону за деньги! Ты веришь, что фон Берг не лишил меня девственности по моему похотливому желанию! Какое облегчение, что мой давний друг столь высокого обо мне мнения! – ее более чем откровенные слова поразили Алексея.

- Ничего такого я не говорил... – пролепетал он растерянно.

- Но думал! И думал именно в таких выражениях, если еще не хуже!

- Катя, я не ожидал, что ты можешь говорить так грубо... Это так на тебя непохоже... – Алексей был ошарашен.

- Лучше сказать прямо и грубо, чем оскорбить вежливыми недомолвками! Скажешь, грубости я тоже у барона научилась?! В чем еще он виноват?! А я что не так сделала?! Отвечай! Ну! – зло прикрикнула она.

- Прости меня, Катя. Я не ожидал, что это тебя так обидит...

- Что «это»?! Что конкретно меня должно было обидеть? Как, по-твоему? – Екатерина продолжала наступать.

- Мое недоверие... – Алексей все-таки признал свою вину.

- Ну наконец-то понял... – девушка облегченно вздохнула.

- Ты права, но мне очень трудно разобраться в твоих отношениях с бароном. Это меня беспокоит, вдруг он тебя оскорбит или обманет...

- Тебе не надо в этом разбираться. Я давно уже взрослая и сама могу принимать решения. У меня с моей работой будет много новых знакомых. Но это не друзья – просто знакомые и все, ничего более. А нас с тобой столько всего связывает, у нас столько общих воспоминаний. Мы с тобой старые друзья, и это очень хорошо. А друзья должны доверять друг другу, ведь правда?

- Хорошо, я буду тебе доверять! – Алексей улыбнулся и взял ее за руку.

- Ну вот и славно, – девушка тоже улыбнулась, обняла его и поцеловала в щеку.

Они оба успокоились и наконец начали пить чай. У Алексея отлегло от сердца. Они еще немного поговорили на отвлеченные темы, стараясь сгладить неприятное впечатление от ссоры. Алексей пообещал, что не будет больше обижать девушку недоверием, а она в свою очередь постарается почаще навещать его. Они расстались, как старые добрые друзья.

Несмотря на теплое расставание, Алексея не покидало неприятное чувство. Он до конца и сам не понимал, что его гнетет. Видимо, это была неразделенная любовь с примесью ревности.

Говорят, что истинная любовь все преодолевает... Глупость. Он любит Екатерину, сколько себя помнит. А удостоился только поцелуя в щеку и заверения в искренней дружбе. Он даже ни разу с интересом не посмотрел на других девиц. И какова благодарность за этот подвиг? Ей все равно, влюблен он в нее или в другую.

Его ровесники уже имеют семьи. А он все еще безответно любит Катю. И это, похоже, будет длиться вечно.

Правда, еще говорят, что насильно мил не будешь... Но об этом думать не стоит – он же ее силой ни к чему не принуждает, только влюбленно смотрит и преданно ждет. Он снова тяжело вздохнул.

Молодой человек никак не мог смириться с тем, что Екатерина не отвечает на его чувства взаимностью.

Алексей заметил, как изменилась его подруга за последнее время. Что-то с ней произошло, но она не хотела говорить об этом. Просто верь! Легко сказать...

Неожиданно в комнату зашла квартирная хозяйка и прервала его безрадостные мысли. Она сказала, что Алексея спрашивают.

– Кто? – Алексей никого сегодня больше не ожидал. К нему вообще, кроме Екатерины, почти никто не приходил.

– Очень важный господин. Сказал, что будет говорить только с вами.

Алексей удивился и поспешил за хозяйкой.

В прихожей его ждал напыщенный лакей, одетый в нарядную ливрею.

– Вы Алексей Михайлович Вишняков? – почтительно и вместе с тем высокомерно поинтересовался он.

– Да... – Алексей был в полном недоумении.

Лакей важно протянул ему письмо.

– От графини Рокотовой, лично в руки. Мне приказано ждать ответ.

Алексей не знал, кто такая эта графиня. Он взял письмо и прошел к себе в комнату. Ему понадобилась пара минут, чтобы прийти в себя и прочитать письмо.

Конверт был запечатан красной сургучовой печатью с гербом графов Рокотовых. Алексей осторожно вскрыл конверт, чтобы не повредить печать. Зачем он это сделал, молодой человек и сам не знал. Видимо, его поразили изысканный вид послания. Письмо было написано на бумаге с водяными знаками и золотым вензелем и пахло дорогими духами.

«Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Мы не знакомы, но я наслышана о Вашем благородстве и доброте.

Крайняя нужда и горе заставили меня обратиться за Вашей помощью. Возможно, Вы слышали о моих предосудительных отношениях с бароном фон Бергом.

Молю Вас, не отвергайте моей нижайшей просьбы о встрече.

Я нахожусь в полном отчаянии, куда вверх меня этот вероломный искушитель. Если Вы откажете мне, я пойму Вас и смиренно приму Ваше презрение. Но мне не останется ничего иного, как покончить с моей несчастной жизнью. Вы моя последняя надежда, мне не к кому больше обратиться.

Если Вы сможете почтить меня своим визитом в субботу в одиннадцать часов утра, я буду бесконечно Вам признательна. Я не отниму у Вас много времени, а Вы своим разумным советом можете спасти меня от окончательной гибели.

Кроме того, я надеюсь предостеречь Вашу знакомую, госпожу Несвицкую, от опрометчивого поступка. Только Вы сможете спасти ее от пропасти позора и всеобщего презрения, куда влечет ее светский развратник и негодяй фон Берг.

Прошу Вас дать ответ моему лакею.

Бесконечно признательная Вам, графиня Рокотова, Полина Аркадьевна».

Алексей был изумлен и польщен. Он вдруг вспомнил, что слышал о Рокотовой как о любовнице фон Берга. Конечно, лично Алексей и графиня никогда не встречались – их планеты вращались на разных орбитах.

Что может быть ей нужно? Из письма понятно, что несчастная женщина страдает. И виной этому барон.

Алексей подумал о фальшивой помолвке между бароном и Катей. А может, она и не фальшивая вовсе?

Конечно, он посетит графиню и поможет ей по мере сил. Он не может покинуть женщину в беде, особенно если она сама просит о помощи.

Алексей вернулся в прихожую и важно сказал лакею:

– Передайте Полине Аркадьевне, что я буду у нее завтра, как она и просила.

Глава 27

Ровно в одиннадцать часов утра Алексей стоял у роскошного дома, где проживала графиня Рокотова. Швейцар с почтением распахнул дверь и пропустил визитера в просторный и прохладный полутемный холл. На лифте молодой человек поднялся на третий этаж и позвонил в дверь.

Отлично вышколенная горничная присела в глубоком реверансе, сказала, что его ждут, и проводила в будуар графини через казавшуюся бесконечной анфиладу величественных покоев.

Богато украшенные апартаменты поразили Алексея. Они напоминали дворец – обилие хрусталя и бронзы, ковры и золоченая мебель, живописные плафоны на потолке, изящные драпировки и бессчетные зеркала, многократно отражавшие все это великолепие.

В будуаре пахло духами, лилиями и чем-то неуловимым и приятным. Но еще больше, чем великолепные апартаменты, молодого человека поразила хозяйка этого дворца.

Необыкновенно красивая молодая женщина с золотистыми волосами возлежала на кушетке, облокотившись на шелковые подушки, подобно величественной королеве. На графине был шелковый халат цвета вечернего неба, расшитый нежными лотосами. Он оттенял ее бледное грустное лицо. Она грациозно приподнялась на своем ложе и указала молодому человеку на кресло, стоявшее рядом с кушеткой.

– Добрый день, Алексей Михайлович! Прошу вас, присаживайтесь, – тихим бархатным голосом печально произнесла она. – Простите меня, что принимаю вас в своем будуаре, но я ужасно себя чувствую. Я очень слаба и несчастна... – На ее голубые глаза навернулись слезы, и она изящно промокнула их тонким батистовым платком, который достала из-за глубокого выреза халата. Халат при этом распахнулся несколько глубже дозволенного приличиями.

– Я так рада, что вы пришли. Я не смела надеяться... – Она потупилась. – Желаете что-нибудь выпить? Не стесняйтесь... Чувствуйте себя как дома.

– Нет, благодарю... – скромно ответил Алексей.

– Прошу вас, налейте себе немного вина. – Она указала на небольшой столик, уставленный графинами с вином, коньяком и ликерами. – И мне тоже глоток лафита не помешает.

Молодой человек растерялся. В родном имении Алексея пили домашнее вино или купленное в ближайшей лавке – семья была состоятельна, но не богата. Алексей знал, что лафит – дорогое вино, которое пьют аристократы в романах. Но какого оно цвета? Графиня увидела замешательство на лице гостя и ободряюще улыбнулась.

– Вот это, красное.

Он налил две хрустальных рюмки и подал одну графине. Она немного пригубила и поставила рюмку на пол, рядом с кушеткой.

– Пейте, пейте, прошу вас, – снова радушно попросила она.

Алексей отпил глоток и был поражен необычным тонким терпким вкусом. Он редко пил вино, и такого вообще никогда не пробовал. Аристократы умели порадовать себя изысканными напитками.

– Приятное вино, не правда ли? – Было заметно, что Полина Аркадьевна не знает, как начать разговор, и это ее смущает.

– Да. – Алексей тоже чувствовал себя неловко. Он поставил рюмку на край столика и посмотрел на графиню с нескрываемым восхищением.

– Вас должно быть удивило мое письмо, – продолжила графиня слабым голосом. – Ужасные обстоятельства заставили меня обратиться к вам с просьбой о помощи. Я в

замешательстве и не знаю, что мне делать...

Она тяжело вздохнула и поникла головой.

– Можете рассчитывать на меня. Чем я могу вам помочь? – участливо спросил Алексей, стараясь справиться с неловкостью от блистательного вида графини.

– Думаю, вы наслышаны о моей загубленной репутации, – молодая женщина снова смахнула слезу. – Люди так злы и несправедливы... И так жестоки... Шесть лет назад я потеряла своего горячо любимого мужа. Я с трудом пережила его смерть и до сих пор не могу без слез вспоминать этого благородного и доброго человека. – Она прикрыла глаза рукой и несколько мгновений молчала, собираясь с силами. – Три года я непрестанно оплакивала его безвременный уход. Я нуждалась в поддержке и утешении. Я была молода, чиста и наивна. Очень наивна... И на свою беду я встретила барона фон Берга. Этого негодяя и распутника. – Графиня порывисто села на кушетке, и халат красиво соскользнул с ее плеча, еще больше обнажая грудь. Но Полина Аркадьевна была слишком безутешна и не заметила этого.

– Позже я узнала, что наша встреча была коварно спланирована им, – с горечью продолжала она. – Барон проявил ложное участие к моему горю, завоевал мое доверие лицемерными уверениями в дружбе. Он клялся в любви, обещал жениться на мне. И однажды я поверила ему и совершила роковую ошибку... Мне безмерно стыдно вспоминать об этом.

Она вспыхнула, снова закрыла лицо руками и судорожно вздохнула:

– Я стала... Я стала его любовницей! Нет, наложницей, рабыней! Какой позор! Я с омерзением вспоминаю это... И ненавижу себя... Простите мне эти откровенные признания, но мне необходимо выговориться...

Она уронила голову на руки и замерла, напоминая своим горестным видом скорбящего ангела.

Алексей понял, что ему надо утешить прекрасную и страдающую графиню. Если бы на ее месте была Катя, он дотронулся бы до ее плеча. Но мраморное плечо графини было обнажено, и он не посмел прикоснуться к нему. Поэтому он осторожно взял ее за руку и участливо спросил:

– Что я могу сделать для вас?

– Благодарю вас за сочувствие, но для меня уже ничего. Слишком поздно... Моя жизнь кончена. Я безвозвратно погибла в бездне собственного греха и поруганной чести. У меня хватило смелости порвать с этим подлецом. Не сомневаюсь, он будет мне мстить. И страшно мстить, как умеет только он. Но не это меня пугает. Теперь я хочу хотя бы частично восстановить свое достоинство и спасти невинную и чистую девушку – вашу подругу Екатерину Несвицкую. Барон надругается над ней так же, как и надо мной. Он погубит ее репутацию, втопчет ее в грязь. А потом безжалостно бросит. Ведь вы любите эту милую девушку, не правда ли? – Она пылко и доверчиво заглянула в глаза Алексея. – Вы же дрались за нее с этим негодяем на дуэли. Я восхищена вашей смелостью! Вы многим рисковали и не побоялись поставить на кон свою жизнь! Как мало осталось бескорыстных и благородных мужчин! Вы отважный и безрассудный рыцарь!

Графиня стремительно встала, и халат сполз с ее второго плеча.

– Предупредите эту девушку! – страстно заговорила графиня, опускаясь на колени перед Алексеем, схватив его за руку и в волнении прижимая ее к своей груди. – Спасите ее от этого чудовища! Раз вы любите, найдите слова, чтобы убедить ее не связывать свою юную жизнь с этим жестоким животным. Только вы можете удержать невинную девушку от опрометчивого поступка. Один шаг отделяет бедняжку от падения в пропасть, куда толкает ее вероломный барон...

Алексей поспешно помог взволнованной женщине подняться. Она не отпускала его руку и все крепче прижимала к своей груди. Очевидно, никак не могла справиться с нахлынувшими эмоциями.

– Я пытался предупредить ее, но она не слушает... Видимо, она очарована фон Бергом. И она совсем не любит меня... – Алексею стало жалко не только несчастную графиню, но и себя.

– Вы ошибаетесь! – с жаром воскликнула Полина Аркадьевна. – Она же не слепая. Как она может не любить такого прекрасного человека, как вы? Вы были готовы отдать за нее жизнь! Это так трогательно! Она не может не видеть вашего благородства и самоотверженности.

– Нет, она не любит меня... Мы только друзья...

– Бедная, бедная обманутая девушка! – с горечью произнесла красавица графиня. – Она променяла свое счастье на ложные клятвы ничтожества. Если бы вы встретились мне три года назад... Вы бы смогли понять и поддержать меня... Вы бы удержали меня от опрометчивого поступка. Какое бы это было счастье! Но нет, я не заслужила этого...

Она опустила в кресло и склонила прекрасную голову на руку, предавшись бесконечной печали.

– Какая вы благородная, красивая и измученная... Как мне вас жаль... – теперь Алексей опустился перед ней на колени, бережно взял ее руку и благоговейно поцеловал. Полина Аркадьевна сжала его ладонь в порыве благодарности. Алексей поцеловал руку у локтя, потом поцеловал плечо, шею...

– Ах, я несчастная! – воскликнула графиня в отчаянии, запрокидывая голову. Золотистые волосы тяжелой волной рассыпались по ее великолепным мраморным плечам. – Где мне искать утешение? На кого мне опереться в моем одиночестве? Кто может понять меня, оболганную и оклеветанную?

– Я понимаю вас... Я готов за вас жизнь отдать... – Алексей не мог отвести глаз от беззащитной женщины.

– Как же вы честны и благородны! Я теперь так нуждаюсь в поддержке и понимании... – Она умоляюще смотрела на него. – Прошу, не оставляйте меня... Помогите мне!

От волнения и отчаяния она учащенно дышала, и ее полная грудь бурно поднималась и опускалась в такт дыханию.

Алексей нежно взял графиню за руки.

Она отняла их, порывисто встала, и халат с тихим шорохом упал к ее ногам. К неописуемому удивлению молодого человека, под халатом у нее были только ажурные белые чулки и шелковые домашние туфельки на каблуке.

Алексей оторопел от вызывающей красоты ее тела. Графиня обвила его шею руками и крепко поцеловала в губы, прижимаясь к нему.

Подчиняясь какому-то неведомому ранее чувству, Алексей жарко обнял ее. Ее обнаженное тело затрепетало в его руках, как пойманная птица. Он понял, что такое любовь с первого взгляда – только что она молнией пронзила все его существо.

Графиня призывно и нежно взглянула на него. Ее голубые глаза обещали блаженство и нескончаемое счастье, они манили и завораживали. Молодой человек тонул в их бездонной глубине. Его голова шла кругом. Красавица еще раз страстно поцеловала его.

Полина Аркадьевна увлекла Алексея в широко распахнутые двери спальни. Она резко и уверенно толкнула молодого человека на королевское ложе и хищной кошкой вскочила на него. Не переставая осыпать Алексея поцелуями, она быстро и темпераментно начала стаскивать с него одежду.

Молодой человек понял, что зря был такого предвзятого мнения о плотских утехх, и не стоило так долго воздерживаться он них.

Глава 28

Алексей очнулся от любовного угара и увидел над собой парящих на потолке пухлых амуров, сжимающих в руках луки. Стрела одного из них была направлена прямо на Алексея.

Прекрасная графиня сидела рядом и с нескрываемым восхищением смотрела на него. Он неуверенно натянул на себя скомканную шелковую простыню.

– Мой прекрасный рыцарь! Ты был великолепен! – она поцеловала его и нежно провела рукой по волосам, любуясь им и играя его светлыми кудрями.

– Полина Аркадьевна, простите, я не хотел вас оскорбить... – начал он, не зная, как себя вести в этой пикантной ситуации.

– Нет, нет... Просто Полина... И на «ты». Ты спас меня от верной гибели, мой непревзойденный и страстный воин! Ты возвратил меня к жизни. Заставил поверить, что для меня еще не все кончено. Никогда, никогда в жизни я не испытывала подобного блаженства. Мой покойный супруг был добр и благороден, но в амурных делах не отличался доблестью. Про барона и говорить нечего – грубый и неумелый мужлан. Но ты, Алексей, ты бесподобен!

– Простите, графиня, но я никогда раньше не был... Не пробовал... – Алексей пытался подобрать слова. – Не был с женщиной! – выдохнул наконец он, густо покраснев. – Вот так, как сейчас...

– Не может быть! Откуда же такая страсть, такой пыл? Такой опыт, наконец? – изумлению Полины не было границ.

Она грациозно поднялась с кровати и накинула на плечи халат.

– Прикажу горничной подать нам обед. Уверена, ты проголодался.

Графиня вскоре вернулась и легко вспорхнула на любовное ложе. Она страстно поцеловала Алексея, и через несколько минут ей без особого труда удалось убедить его утешить ее еще раз.

Вся обстановка спальни располагала к амурным утехам: огромная удобная кровать, купидоны на потолке и откровенные античные сюжеты картин, в обилии висевших по стенам, странный приятный аромат, витавший в воздухе, и мягкий обволакивающий полумрак.

Алексей никогда раньше не бывал в таких великолепных покоях, не разговаривал с царственными женщинами и вообще не занимался ничем подобным.

О Екатерине он совсем забыл и вспомнил лишь на короткое мгновение, чтобы понять – его чувства к девушке не имеют ничего общего с любовной лихорадкой. Похоже, Катя права, и они только друзья. Больше он о ней не думал.

Графиня подала молодому человеку халат и позвала горничную с обедом. Как только та ушла, необходимость в халатах отпала и Полина со страстью дикого зверя сорвала его с молодого человека. Они ели, лежа в постели. Полина кормила Алексея с руки. Он целовал и покусывал ее изящные длинные пальцы с перламутровыми ноготками, а она смеялась серебристым смехом. Шампанское лилось рекой. Графиня положила себе на грудь черную икру, и Алексей не без удовольствия закусывал этим деликатесом.

После обеда они продолжали свои любовные игры. Полина была ненасытна и страстна.

В дверь постучала горничная, и графиня вспомнила, что должна прийти модистка. Она набросила халат и вышла, пообещав скоро вернуться и принести чай. Алексей широко улыбнулся ей счастливой улыбкой, удобно расположился на кровати и накинул на себя шелковую простыню, представляя себя римским патрицием на пиру у Клеопатры где-нибудь в Риме или в Александрии.

Через несколько минут дверь с шумом распахнулась и в спальню вбежала, почти упав,

Полина, уронив при этом чашку с чаем, которая со звоном разбилась. Алексею показалось, что женщину грубо втолкнули в комнату. Он перевел взгляд с графини на дверь и увидел в ее проеме фон Берга. Алексей от неожиданности потерял дар речи.

– Этот мерзавец убьет меня! – закричала Полина в ужасе, бросилась на кровать и прижалась к Алексею, дрожа всем телом.

– Так вот зачем я тебе понадобился, – холодно произнес барон. – А я, идиот, поверил твоей горничной.

– Уйди, негодяй! – продолжала кричать Полина, по-прежнему крепко прижимаясь к Алексею. – Теперь есть, кому меня защитить, похотливое чудовище!

– В тебе умерла трагическая актриса, – презрению Генриха не было границ. – Что ж, молодой человек, вы сделали свой выбор, – ледяным голосом бросил он Алексею. – И мне вас искренне жаль.

Барон вышел.

Полина вскочила с кровати и метнулась к туалетному столику. Она достала из верхнего ящика револьвер с розовой перламутровой рукояткой.

– Милый Алексей, – патетически начала она, – тебе лучше уйти. Ты подвергаешь себя смертельной опасности, оставаясь рядом со мной. Барон в бешенстве. И он, несомненно, убьет меня. Он безумен! Безумен и жесток!

– Не бойся, я смогу защитить тебя! Я вызову его на дуэль, теперь на пистолетах! Я неплохо стреляю... – последнюю фразу Алексей произнес несколько неуверенно.

– Увы, ему нет равных в стрельбе, так же как и в фехтовании. Он убьет тебя, и твоя гибель будет на моей совести. Я не переживу твоей смерти! – графиня смахнула очередную слезу и нервно заходила по комнате, держа в руках револьвер. – Но я не позволю ему погубить еще чьи-то жизни! Я остановлю его! Я убью его, как бешеного пса, из-за угла. Пусть это подло, зато справедливо! Он заслужил такой смерти!

– Нет, тебя схватит полиция! – Алексей не мог позволить этого.

– Пусть! Я с высоко поднятой головой пойду под суд и расскажу о его животной похотливости и всех бесчинствах, которые он творил. Развратник заплатит за все своей смертью! Скольких невинных девушек он погубил! Сколько юных жизней смешал с грязью! Мои страдания положат конец череде его преступлений.

– Я не могу допустить, что бы ты страдала! – с жаром воскликнул Алексей.

– Я ценю твое благородство, но с бесчестными людьми надо поступать так же бесчестно. Не пытайся остановить меня, мой дорогой! Я подкараулю и убью его, как дикого зверя! Я так решила и я это сделаю! И тебе меня не остановить! Я с гордостью надену кандалы, зная, что отправляюсь на каторгу, очистив землю от мерзкой гадины! – Она бесстрашно посмотрела на револьвер и снова смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы, глубоко и печально вздохнув.

– Я не позволю тебе погибнуть! Я сам убью фон Берга. Я просто пристрелю его, – мужественно произнес Алексей. – И меня не поймают, поверь!

– О, мой славный рыцарь, король моего сердца! – Ее глаза светились восторгом. – Как ты смел и благороден! Иди ко мне и согрей меня в своих объятиях!

Молодой человек в очередной раз согрел графиню в объятиях, и это продолжалось до позднего вечера.

Перед их расставанием Полина торжественно вручила своему рыцарю револьвер и призвала быть смелым и решительным.

– Не стоит задумываться об этике, когда надо избавить мир от похотливого мерзавца, – в который раз напутствовала она своего верного паладина, сопровождая слова страстным поцелуем. – Наконец я нашла своего прекрасного рыцаря и надежного защитника! Будь

осторожен и отважен. Я жду тебя с победой!

Алексей покинул графиню счастливым и окрыленным. Он готов был свернуть горы ради своей дамы сердца. Суббота прошла великолепно во всех отношениях.

Глава 29

Фон Берг понимал, что спектакль, разыгранный Полиной, предназначался не ему, а, скорее всего, Алексею. Вряд ли она таким образом хотела вызвать ревность Генриха.

Как же ловко его провели! Поверил, как последний дурак, горничной графини, которая рыдала в телефонную трубку: «Полина Аркадьевна проглотила крысиный яд, врач сказал – надежды нет! Она умоляет вас прийти! Быстрее!» И ведь очень натурально рыдала!

Что задумала коварная аферистка? Зачем ей понадобился этот наивный олух? Хочет навредить Генриху или Екатерине? Скорее всего, им обоим. Как далеко готова зайти графиня? Все вопросы были риторическими, и ответ на них получить немедленно было невозможно.

Генриха происходящее сильно беспокоило – что-то должно было случиться, и очень скоро. Полина всегда была порывиста и не любила ждать. Он на всякий случай позвонил в поместье и предупредил Егора, чтобы он был начеку и приглядывал за Екатериной.

На следующее утро барон собрался в поместье. В воскресенье он никогда рано не выходил из дома – позволял себе как следует отоспаться после напряженной недели.

Он пил утренний кофе, сидя на балконе. Настроение было отвратительное. Он не знал, что предпринять, и это его злило. Полина будет мстить. Это однозначно. Насколько же глубока ее ненависть? Похоже, бездонна. Местью только Генриху она не ограничится.

Екатерина тоже попадет под удар. Он должен, нет, он обязан защитить девушку. Ведь это все происходит из-за него... Но как? Что можно сделать, пока ничего не произошло?

Барон задумчиво посмотрел на окна квартиры Екатерины. Через дорогу, совсем рядом. Скоро она переберется сюда, и вечерами он будет видеть, как эти окна горят в темноте теплым светом.

Последнее время мысли о Екатерине не покидали его. Похоже, она начинает доверять ему. А он, что он чувствует к ней? Его неодолимо влечет к доверчивой и наивной девушке. Влечет против его воли. Это наваждение... И ни к чему хорошему оно не приведет.

Надо остановиться, пока еще не поздно. Иначе он может по-настоящему погубить ее.

Барон еще раз бросил взгляд на окна соседнего дома. Он принесет ей только горе... Теперь он отвечает за судьбу Екатерины и должен контролировать свои чувства. Они всегда останутся только наставником и ученицей.

Генрих вышел из парадного подъезда ближе к полудню и направился к автомобилю, стоявшему рядом с домом под большим каштаном. Раскидистая тень от дерева неровно ложилась на брусчатку мостовой. Контраст света и тени резал глаза.

Как только Генрих подошел к автомобилю, от дерева отделилась какая-то тень. Это был Алексей. Он держал руки в карманах и решительно шел прямо на барона, не сводя с него горящего взгляда, бледный и взволнованный. Их разделяло всего несколько шагов. Фон Берг почувствовал угрозу и пожалел, что оставил трость дома.

Алексей суетливо вынул правую руку из кармана, судорожно сжимая в ней револьвер, и начал медленно и неумолимо поднимать ее... Фон Берг смотрел в глаза своему противнику, и тысячи мыслей со страшной скоростью проносились в его голове. Не стоило пытаться выбить оружие – любое неверное слово или движение могло спровоцировать Алексея. Тот подошел почти вплотную, их разделяла пара шагов.

Не попасть в цель с такого расстояния было просто невозможно. В любое мгновение он мог нажать на курок, и все было бы кончено.

Но убить человека вот так, в упор, не просто. Генрих знал это и все еще верил, что удача и на этот раз будет с ним.

Фон Бергу не оставалось ничего другого, как смотреть в глаза молодого человека и

надеяться, что тот одумается. Беспомощность раздражала.

В какое-то мгновение барон уловил нерешительность, мелькнувшую на лице противника, и с молниеносной быстротой и профессиональной ловкостью выбил оружие из руки Алексея. После этого фон Берг без труда скрутил его, повалил на капот автомобиля и сдавил горло железной хваткой.

– Безмозглый идиот! – прорычал Генрих в лицо Алексея.

С досадой отшвырнул молодого человека в сторону, как котенка.

– Когда вы уже начнете хоть немного соображать?! Нашли кому поверить – Полине!

Алексей тер горло и смотрел на барона со злостью и с испугом, как загнанный в угол зверь.

– Я мог бы сдать вас полиции. Но я этого делать не буду... – презрительно бросил ему барон.

– Играете в благородство? – Алексей кашлял и говорил с трудом. – Доложите все Екатерине?

– Я не занимаюсь подобными вещами. Но советую вам объясниться с ней. Впрочем, это ваше дело... И не вставляйте больше на моем пути – иначе очень пожалеете! – в голосе фон Берга звучала реальная угроза.

Алексей, пошатываясь, пошел прочь по улице, Генрих проводил его уничтожающим взглядом, наклонился и подобрал револьвер с розовой перламутровой рукояткой.

Барон сразу узнал оружие – когда-то он подарил его Полине. Генрих сунул револьвер в карман и поехал в поместье. Беспокойные и тяжелые мысли одолевали барона.

В поместье фон Берг рассказал о случившемся Егору.

– Полина перешла черту. Не знаю, на что она может еще решиться... – барон был обеспокоен. – Опасная и злопамятная змея.

К ним подошла Екатерина. Девушка окончательно еще не перебралась на квартиру в городе и пока жила в поместье.

– Я вам помешала? – она заметила неловко повисшую в разговоре паузу.

– Нет, – слишком резко ответил Генрих, и она поняла, что прервала важный разговор, который ее не касался.

– Хотела, чтобы Егор или вы объяснили мне некоторые пункты в Законе. Я подойду позже.

– Не стоит откладывать, – барон был по-прежнему напряжен. – Пойдемте, я постараюсь вам помочь.

Они прошли в кабинет, и Генрих долго и подробно отвечал на вопросы Екатерины. Но она видела, что фон Берг мысленно находится где-то очень далеко.

– Я вижу, что-то случилось, – начала она. – Вы постоянно говорите, что мы должны доверять друг другу.

– Вы правы, – кивнул Генрих. – Наверное, вам надо знать... Полина пыталась убить меня.

Он вынул револьвер, достал один патрон из барабана и задумчиво на него посмотрел.

– Этот кусочек металла мог сегодня утром снести мне полчерепа...

Екатерина побледнела.

– Надо обратиться в полицию.

Она с ужасом смотрела на барона.

- Это ничего не даст – свидетелей нет. Думаю, она на некоторое время затаится. Но вам тоже надо быть начеку. Без меня или Егора никуда не ходите.

- Хорошо... Но как, где она пыталась это сделать? – девушка, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Она была растеряна от неожиданного и страшного известия.

- Не важно... – ему не хотелось об этом говорить. – Теперь уже не важно...

Екатерина не настаивала. Она видела, что Генрих не расположен давать подробные объяснения.

Фон Берг вернул патрон на место в барабан.

- Я подарил его когда-то Полине. Куда его теперь девать? – Он задумчиво покрутил оружие в руке.

- Отдайте мне. Вы же обещали учить меня стрелять.

- Можем купить вам другой...

- Зачем? Этот меня вполне устроит.

- Извольте... Вас не смущает, что он принадлежал моей бывшей любовнице?

- Ничуть... С какой стати меня это должно смущать? Красивый, – Екатерина взяла в руки оружие. Розовая перламутровая рукоять смотрелась, как ни странно, вполне уместно, и девушка провела пальцами по ее глянцевой поверхности.

- Тогда, может быть, начнете учиться стрелять сейчас? – предложил Генрих. – Хочется заняться чем-нибудь, чтобы отвлечься. Еще ни разу на меня никто не покушался. Отвратительное ощущение, уж поверьте. Пойдемте?

- Да, конечно, – она продолжала с тревогой смотреть на барона. – Все так серьезно, а вы не придаете этому должного значения. Как можно быть таким легкомысленным!

- Что толку думать об этом?

- Но вы будете осторожны? – Она снова пытливым взглядом заглянула ему в глаза. – Обещайте мне? Я боюсь за вас, – призналась девушка.

- Хорошо, – Генрих снова вспомнил о том, что не надо давать волю чувствам, но это так сложно сделать. – Обещаю, что буду внимательно смотреть по сторонам.

Они отправились на задний двор. Рядом с конюшней были навалены тюки сена. Егор прикрепил к ним бумажные мишени – он и барон частенько тренировались там в стрельбе.

Генрих встал рядом с Екатериной и вручил ей оружие.

- Револьвер держите плотно, двумя руками. Вес тела перенесите на обе ноги и немного наклонитесь вперед. Правую ногу слегка назад... – барон обнял девушку за плечи, предавая ей нужное положение. Она гневно блеснула на него глазами.

- Я вас не лапаю, если вы так решили, – засмеялся он. – Просто пытаюсь поставить вас в правильную стойку.

- Ладно, продолжим, – примирительно сказала Екатерина.

- Руки держите жестко... Локти выпрямите. Поднимите руки и совместите мушку и прицельную прорезь. – Он положил голову девушке на плечо, продолжая держать ее за талию, и старательно объяснял, как правильно целиться: – Наведите револьвер на мишень, смотрите на мушку. Мишень должна быть видна не четко.

- Совместила...

- Спускайте курок плавно, но быстро и решительно. Двигайте только указательным пальцем и не сбивайте наводку.

- Курок тугой...

- Нормальный. Не ждите выстрела – это приведет к напряжению. И не зажимайтесь! Давайте!

Отдача была сильнее, чем ожидала Екатерина. Они подошли к мишени. Пуля попала в самый край.

- Для начала очень неплохо – в мишень попали, – похвалил ученицу Генрих.

- Это сложнее, чем я думала, – призналась девушка, разглядывая мишень. – До совершенства мне еще очень, очень далеко. Только краешек задела.

- Для многих будет достаточно просто видеть, что у вас в руках оружие. Уже одно это действует отвлекающе. Не стремитесь кого-нибудь пристрелить, потом будете мучиться всю жизнь.

- А как же вы с этим живете? – не удержалась от острого вопроса Екатерина.

- Я убиваю только ведьм. Людей не смогу, – признался барон и вспомнил утренний инцидент. – Трудно убить человека. Для меня, по крайней мере.

- А ваши многочисленные дуэли? – не унималась девушка. – Неужели ни разу никого не убили?

- Ни разу... Мне приписывают много того, что я не совершал. Настоящее мастерство не в том, чтобы убить противника.

Они стреляли еще долго, и у девушки стало получаться значительно лучше. Барон каждый раз не забывал заботливо поправлять ее стойку, и это ему, похоже, нравилось. Наконец у Екатерины начали болеть мышцы, а спина перестала гнуться от напряжения.

- На сегодня достаточно. Завтра не сможете поднять руки. – Барон заметил, что девушка устала. – В настойчивости вам не откажешь, и в азарте тоже...

- Кажется, есть прогресс... – Екатерина была довольна и видела, что наставник тоже рад ее успехам.

Они не спеша пошли к особняку. В траве громко стрекотали кузнечики, обещая завтра хорошую погоду.

Генрих украдкой наблюдал за девушкой. Она так искренне испугалась за него. Если бы она знала правду...

Глава 30

После неудачного покушения на фон Берга Алексей чувствовал себя отвратительно. Он понял, что убить безоружного человека не может. Даже такого негодяя, как барон.

Он ощущал себя мальчишкой, который не способен на решительные действия, и пребывал в смятении. Он не оправдал надежд прекрасной графини, оказался слабым. Позволил себя обезоружить. А Полина так ему доверяла.

И хотя Алексей понимал, что Рокотова просто использовала его как наемного убийцу, но не винил ее. Как можно винить слабую и беззащитную женщину, попавшую в безвыходное положение и пытавшуюся защитить свою поруганную честь?

Алексей отправился к Полине с повинной. Та приняла его как старого друга, но без жарких объятий и поцелуев. Они выпили по бокалу вина, графиня была любезна и непосредственна. Полина дала понять, что не сердится на него за неудачное покушение. Однако сегодня она очень занята. И в ближайшие дни тоже. Но она обязательно встретится с ним, как только появится свободное время.

На прощание Полина все-таки страстно поцеловала Алексея и уверила в своей искренней и преданной дружбе.

Молодой человек гнал от себя мысли, что графиня Рокотова вертит им как хочет. Полина заверила его, что они теперь друзья. А он так надеялся повторить сегодня любовные безумия с прекрасной аристократкой. Возможно, это все-таки когда-нибудь произойдет снова...

Алексей вспомнил о Кате. Теперь он думал о ней совсем по-другому. Его чувства к подруге детства изменились. Он не мог представить ее на месте графини. Это казалось ему кощунственным, ведь Катю он любил как-то иначе. Обнаженной и в постели рядом с собой он ее не представлял. Рядом с бароном тем более... Екатерина казалась ему каким-то неземным существом, которое никто не смеет желать и любить плотской любовью. Она ему дорога, как сестра. В конце концов он совсем запутался в своих чувствах и прекратил все попытки понять, как и кого он любит.

Алексей подумал, что совет барона объясниться с Екатериной вовсе не так плох. Возможно, негодяй уже рассказал ей о покушении. Как это восприняла Катя? Что она о нем теперь думает?

Ехать в поместье невозможно – там вероятно встретить барона. Нелепо будет явиться в дом человека, которого пытался преднамеренно убить. Алексей написал девушке письмо с настоящей просьбой о встрече.

В понедельник ближе к вечеру пришла Екатерина. Ее сопровождал Егор, и это вызвало у Алексея тревожные подозрения. Он по-прежнему не сомневался в коварстве барона.

– Почему тебя провожает кучер? – не удержался от вопроса Алексей.

– Так надо, – Екатерина была спокойна, но не хотела говорить об этом.

Алексей чувствовал себя неловко рядом с ней. Они сели в беседке, и молодой человек долго молчал. Девушка терпеливо ждала и не торопила его.

– Что тебе рассказал барон? – наконец спросил он.

– О чем? – не поняла Екатерина.

– О том, что произошло вчера утром.

– А ты откуда знаешь? – было заметно, что девушку удивил и взволновал этот вопрос.

– Так что он тебе все-таки сказал?

– Извини, но это тебя не касается...

– Тогда что он говорил обо мне? – Алексей пытливо смотрел в ее глаза.

- Ничего. Что он мог о тебе говорить? - ее недоумение было неподдельным.

Алексей растерялся. Видимо, барон сдержал слово и ничего не рассказал Екатерине.

- Так о чем ты хотел поговорить со мной? - спросила девушка, очевидно считая, что беседа не клеится и уходит куда-то в сторону.

Молодой человек решил, что между ними не должно быть сомнительных тайн и недопонимания. Если Екатерина узнает правду от кого-то другого, она его не простит.

- Вчера утром я пытался убить фон Берга, - признался Алексей.

Екатерина изменилась в лице и побледнела.

- Ты? За что?! За что?! - только и смогла выдохнуть она.

- Я защищал честь женщины...

- Графини Рокотовой... - сразу догадалась Екатерина. - Теперь мне все понятно!

- Понятно? Что? Значит, он все-таки рассказал...

- Про тебя - нет! Ты... Ты... Ты глупец и негодяй! Как ты мог?! Я не ожидала от тебя такого! - Она вскочила и начала кричать на Алексея с дикой яростью: - Защищал честь женщины?! Графиня использовала тебя, и ты ей поверил! Что плохого тебе сделал барон?! Нельзя убить человека, исполняя чью-то дурную прихоть! Это преступление!

- Ты права, я знаю. Я совершил глупость... - попытался оправдаться Алексей.

- Глупость?! Вот как ты это называешь?! Это подлость! Ты мог его убить! Так просто - убить!

- Я не смог выстелить в него... Тебя провожает его слуга. Ты заложница барона? - Алексей попытался этим смягчить ее гнев и найти себе оправдание.

- Нет, не заложница. Ты стал неожиданно глуп, - злость Екатерины все нарастала. - Какой же ты наивный и недалекий! Как тобой легко манипулировать! Ты живешь одними чувствами. Тебе пора повзрослеть!

- Прости, прошу тебя... Я понимаю, что кругом неправ...

- Что мне твои сожаления?! - продолжала бушевать Екатерина. - Где ты нашел эту проклятую графиню? Отвечай!

- Она обратилась ко мне сама... И попросила о помощи... - Алексей решил не рассказывать девушке подробностей общения с Полиной. - Барон бессовестно обманул ее, оболгал и бросил.

- Ну конечно! Оболгал и бросил. И ты поверил! Ты же благородный и бескорыстный. Особенно когда надо убить барона! Не получилось на дуэли, решил из-за угла? Твоя глупая ревность беспочвенна и нелепа! - она сердито ходила по комнате.

- А почему ты так безоглядно веришь фон Бергу?! - Алексей решил перейти в атаку. - Чем он тебя так прельщает?

- Еще раз повторяю, мы вместе работаем. Я верю ему в работе. Меня не интересует его личная жизнь. И он не лезет в мою! Я не его любовница, и не его невеста.

- Да неужели? А объявление о вашей помолвке? - все-таки Алексей продолжал ревновать ее к барону.

- С тобой в последнее время невозможно говорить. - Екатерина немного успокоилась и стала отстраненной. - Я не прощу тебе, что ты чуть не убил человека. Просто так, ни за что. Может быть, позже мы сможем стать прежними друзьями, но не теперь... Ты перестал мне верить. Я перестала тебя понимать.

Она совершенно права. И Алексею тоже было что скрывать. Его приключение с

графиней Рокотовой Катя вряд ли бы одобрила и поняла. Она же не мужчина, где ей понять?

Где прежняя искренность их дружбы? Куда ушли доверие и понимание? Он едва не стал убийцей. Зато стал любовником графини, пусть и всего на один день. А отношения Кати и барона, возможно, тоже уже далеко зашли.

Как все запуталось. Это уже не любовный треугольник, а квадрат – он, Катя, барон, Полина...

– Да, многое изменилось за последнее время, – голос Алексея тоже звучал холодно и отчужденно.

Они отдалялись друг от друга. Пропасть между ними росла. Они начинали жить в разных мирах.

Екатерина собралась уходить. Она стала совсем чужой и непонятной.

– Барон не ангел, но он неплохой человек. И он мне по-своему дорог. Думаю, на сегодня мы закончим наш разговор. Не делай больше глупостей хотя бы ради нашей дружбы, – попросила на прощанье девушка.

Они расстались холодно, но у Алексея полегчало на душе – ему надо было выговориться.

Хорошо, что Катя все узнала от него, а не от барона. Все-таки фон Берг сдержал слово, ничего ей не рассказал. Кто бы мог подумать, что какое-то благородство в нем еще осталось?

Молодой человек радовался, что все обошлось – он не запятнал свои руки кровью и не стал убийцей.

Глава 31

Вечером Генрих разбирал документы у себя в кабинете. Он привез их с завода, чтобы поработать дома. Работа не клеилась, и документы одерживали над ним убедительную победу. Барон в очередной раз безуспешно попытался сосредоточиться на бумагах, но другие мысли обуревали его.

Вчера утром его чуть не убили. Он мог умереть от руки восторженного юнца, которому лично ничего плохого не сделал. Не от опасной и безжалостной ведьмы, не в сражении, а так банально и глупо.

Пуля в лоб за «поруганную» честь дорогой содержанки. Ладно бы из-за Екатерины. Тут он и правда виноват – оболгал невинную девушку. Хотя бы есть за что...

И какая ирония судьбы, они оба любовники графини Рокотовой. К счастью, он уже бывший. Да и Алексей в ее постели тоже долго не задержится. Он был нужен ей только для одной цели. На Екатерину он руку никогда и ни за что не поднимет. Это должно быть очевидно даже Полине.

Давно надо было расстаться с этой змеей. Он же всегда знал, что из себя представляет графиня Рокотова. Если бы не его пустое тщеславие... Ну как же, все на них смотрят, все мужчины ему завидуют! Какая божественная женщина, какая великолепная пара!

А этого дурачка графиня использовала очень ловко. В постели она неподражаема. Алексей наверняка потерял голову от такой роскошной женщины.

Вряд ли Полина на этом остановится. Что делать? Пригрозить ей? Запугать? Пообещать убить или изуродовать? Блеф, конечно... Но стоит попробовать.

Неожиданно в дверь постучали и, не успев ответить, как в комнату порывисто вошла Екатерина.

– Почему вы не сказали мне правду? – с порога начала она. Ее голос срывался. Было заметно, что она сильно взволнована.

– Что с вами? – Генрих был удивлен. – О чем вы говорите?

– Почему не сказали, что вас хотел убить Алексей? – В ее глазах стояли слезы.

– Он был просто оружием, которое направляла Полина. Наивный и восторженный борец за правду. Не судите его строго, будьте к нему снисходительны. – Барон продолжил перекладывать бумаги на столе, не понимая волнения девушки. – Не стоит так переживать по пустякам!

– Этот наивный и восторженный борец едва не вышиб вам мозги! – закричала девушка. – Как можно так спокойно говорить об этом?!

Она безвольно опустилась в кресло, закрыла руками лицо и расплакалась, как ребенок.

– Но не вышиб же... – попытался успокоить девушку барон, оторопев от ее реакции и растерявшись от слез Екатерины. – Вы сами намеренно мечтали ударить меня напольной вазой... – он по-доброму улыбнулся, надеясь отвлечь ее от грустных мыслей.

– Прекратите валять дурака... – она продолжала тихо и безутешно плакать.

– Не переживайте за него, он не способен убивать. Это не так легко... Ваш Алексей не станет душегубом, поверьте. – Генрих протянул ей платок.

Она резко вырвала его из рук барона и со злостью начала вытирать слезы:

– А вы не думали, что я переживаю из-за вас?

Она была сердита и походила на нахохлившуюся птичку.

Генрих опустился на колени перед ее креслом и внимательно посмотрел ей в глаза.

- По правде говоря - нет. Вы же не можете простить мне мою аферу... - он был искренне удивлен ее заявлением.

- Не могу и не прощу... Но это не значит, что вы должны выгораживать моего друга и шадить мои чувства. И это не значит, что мне все равно, живы вы или нет.

- Приятно и неожиданно слышать это из ваших уст... - фон Берг был растерян и тронут.

Слезы Екатерины не были похожи на истеричные и капризные слезы его любовниц. Они его не раздражали, а вызвали искреннее сочувствие. Даже холодному сердцу хочется немного тепла. Милая и наивная девочка. Нашла кого пожалеть...

Что-то теплое, легкое и незнакомое шевельнулось в его холодной душе. Ему захотелось сохранить это трепетное чувство вдали от посторонних глаз.

- Не воображайте себе ничего лишнего, - сквозь слезы проговорила девушка. - Но я правда не хочу, чтобы с вами что-то случилось...

- Все будет хорошо. Не плачьте... Похоже, мы начинаем становиться друзьями. Я бы этого, во всяком случае, непременно хотел. Вы мне очень симпатичны - просто, без всяких подоплек и двойного смысла. - Он бережно взял ее руку и от всего сердца попросил: - Не расстраивайтесь так...

- Если хотите, чтобы мы стали друзьями, не скрывайте от меня правду. Никакую. Вы сами все время повторяете, что надо доверять друг другу.

- Ну как я мог сказать вам, что ваш друг детства едва не убил меня? Вы бы мне поверили? - его голос звучал мягко и доверительно.

- Думаю, что да... Хотя не знаю... - она задумалась.

- Вот видите...

Девушка улыбнулась сквозь слезы:

- Я веду себя глупо и непоследовательно, как дурочка...

- Вовсе нет. Вы ведете себя естественно, и это прекрасно, - он говорил искренне.

- Не можете без комплиментов? - она потупилась и слабо улыбнулась.

- Это не комплимент, это правда, - фон Берг смотрел на нее с нескрываемой теплотой.

Девушка почти успокоилась и попросила:

- Обещайте, что будете осторожны.

- Обещаю, - Генрих улыбался, глядя на нее. - Вы чудо! Невозможно вам ни в чем отказать.

Екатерина улыбнулась ему в ответ:

- Вы мне тоже симпатичны, несмотря на то, что вы часто врете и склонны к аферам.

- А я сказал Магистру, что вы склонны к авантюризму...

Она невольно рассмеялась:

- Похоже, это правда! Наставник и его ученица стоят друг друга...

Генриху надо было дать некоторые указания Егору. Он предложил Екатерине немного пройтись. Егор что-то разбирал в автомобиле. Это удивило Екатерину. Кучер, который что-то понимает в сложных механизмах?

- Все готово. Можем хоть сейчас ехать, куда вам угодно, - отчитался он барону, вытирая руки, перепачканные маслом. - Неплохо было бы еще проверить колесо, оно меня немного беспокоит...

- Егор, ты умеешь чинить автомобили? – поинтересовалась Екатерина.

- Генрих Александрович не имеет времени обращаться в мастерскую. Пришлось окончить курсы механиков и дальше разобраться самому. А другим совсем не обязательно знать о моих навыках. – Егор гордо улыбнулся. Было заметно, что он доволен собой и ему льстит недоумение девушки.

- Какой ты молодец! – Екатерина не скрывала своего восхищения его талантом механика.

Она решила, что ей не стоит отставать от Егора.

- Вы обещали, что я научусь ездить на автомобиле, – напомнила Екатерина Генриху.

- Зачем откладывать? Но мне надо закончить дела. Егор, ты можешь поучить Екатерину Павловну?

- С удовольствием.

- Прямо сейчас? – обрадовалась девушка.

- Садитесь за руль. – Егор распахнул перед ней дверцу.

- Постарайтесь не разбить автомобиль, – пошутил барон. – Он мне бесконечно дорог, и я его трепетно люблю.

- Я буду первой дамой в городе, которая умеет ездить на этой штуковине, – радостно и гордо произнесла Екатерина.

- Вы будете первой дамой в городе, которая сможет эту штуковину починить, – в тон ей ответил Егор. – Я вас и этому научу.

- Отлично!

Через пару часов фон Берг вернулся на задний двор. Он нашел Екатерину, одетую в перепачканный мазутом бесформенный комбинезон Егора и огромные рабочие перчатки. Машинное масло на лице ее не смущало. Она была совершенно довольна и счастлива.

- У меня появился новый механик, – похвалился Егор, кивая в сторону Екатерины. – Мы совместными усилиями поменяли колесо. От вас, Генрих Александрович, я этого никогда не мог дожидаться.

- Зато я хорошо умею вытаскивать автомобиль из грязи, если ты это не забыл. Вряд ли у твоего нового механика хватит на это сил.

Егор засмеялся, вспомнив забавный случай.

- Вы тогда здорово перепачкались и напоминали болотное чудовище!

- Зато мы не ночевали в автомобиле, сидя посреди лужи в глухом лесу, – барон тоже рассмеялся, представляя, на кого он был похож со стороны.

- Вы не брезгуете тяжелой и грязной работой, – заметила девушка, снимая перчатки и вытирая чумазое лицо платком.

- Вижу, вы очень довольны. – Генрих с улыбкой смотрел на то, как Екатерина старательно размазывает машинное масло по всему лицу.

- Да, представьте, у меня получается! Я ездила, и у меня все получилось! – радостно сообщила девушка Генриху о своих успехах. – Это так захватывающе! И я ни во что не врезалась!

- Только потому, что я вовремя отнял у нее руль, – наябедничал Егор. – Иначе лишились бы не только вашего автомобиля, но и чугунных ворот в имении.

- Нет-нет! Это не считается, это было в начале! – бурно запротестовала девушка. – А

потом все получилось! Ведь правда? Егор меня хвалил! – Она рассмеялась и попросила: – А завтра можно будет повторить?

– Безусловно. Вы меня не перестаете радовать и не перестаете удивлять! – Генрих смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

Лед отчуждения между ними таял медленно, но верно.

Глава 32

Приближалось новолуние, а вместе с ним и бал в Дворянском собрании. Екатерина кроме занятий с учителем фехтования теперь осваивала владение ножом с Генрихом. Времени оставалось мало, а ей надо было совершенствовать полученные навыки.

Обучение проходило в поместье в большом зале для фехтования. На первое занятие с бароном она пришла в спортивном костюме, как и к своему тренеру. Барон не без удовольствия смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Это возмутило девушку.

- Не надо меня так откровенно рассматривать! – резко бросила она.

- Вы прекрасно сложены, и трудно это не заметить. Не требуйте от меня невозможного, – то ли серьезно, то ли в шутку произнес Генрих. – Но в следующий раз приходите в платье – ведьма не будет ждать, пока вы переоденетесь. Пора привыкать владеть ножом в реальных условиях, а не в спортивном зале.

Фон Берг вручил ей несколько ножей в кожаных ножнах.

- Подумайте, куда вы будете их прятать, чтобы в случае необходимости легко и быстро доставать. Это вы должны делать автоматически и молниеносно. Кроме того, в указанные дни и ночи вы даже спать должны с оружием. И не забывайте содержать ножи в порядке и проверять остроту лезвий – их надо периодически затачивать. Лезвия окисляются от долгого соприкосновения с воздухом.

- А куда обычно прячут ножи женщины? – поинтересовалась Екатерина.

- Ну, точно не знаю... Зависит от фасона платья, наверное, – в складках юбки, на предплечье. Самое эффективное – за корсаж, как я понимаю. Близко и легко достать. Вам лучше посоветоваться с госпожой Миргородской – она в этих делах опытна и сведуща. Я не очень разбираюсь в таких тонкостях. У меня ножи на запястье и на поясе. Но вам это, возможно, не подойдет, или придется надевать удобное бесформенное платье, как у суфражисток, чтобы скрыть оружие. А мне бы этого так не хотелось, – он улыбнулся.

- Вы всегда успеваете думать о женских формах, или это касается только меня? – саркастически поинтересовалась девушка.

- Простите, не хотел вас задеть... Просто невозможно не любоваться вами. Я говорю искренне. Вы наверняка замечали, как на вас смотрят мужчины.

- Мне некогда замечать такие глупости. Мы сегодня будем тренироваться или я буду слушать ваши льстивые речи? – девушка насупилась.

- Конечно, вы, как всегда, правы и очень благоразумны, – он вздохнул. – Начнем!

После первого занятия барон заметил, что Екатерина очень быстро осваивает приемы. Кроме того, ее сила удара ножом почти не уступает мужской.

- Вы заметили, что ваш удар очень мощный? – спросил он девушку.

- Да, меня это тоже удивляет, – призналась она. – Я не думаю, что настолько сильная. Во всяком случае, я этого раньше никогда не замечала. Это зависит от ножа? Или это что-то другое, как считаете?

Генрих взял ее руку и ощутил сильное тепло ладони.

- Ну вот, похоже, и обнаружился ваш редкий приобретенный дар. Возможно, вы даже сможете лечить руками. Это очень хорошо. Хотя бы частично реализуете вашу мечту стать лекарем. Главное – направляйте вашу способность в нужное русло силой мысли и силой воли. Вы этому научитесь сами – здесь вам никто не поможет. Пробуйте и добивайтесь автоматизма, как и во владении ножом. Помните, нож должен быть продолжением вашей руки. Вы должны его чувствовать, как свою часть тела. А когда к этому прибавите вашу силу – перед вами не устоит ни одна ведьма.

Они занимались много, по несколько часов в день, и сильно выматывали друг друга.

Барон требовал от своей ученицы совершенства – ему важно было знать, что она сумеет постоять за себя в любой ситуации. Екатерина не жаловалась, было заметно, что она прикладывала все свое усердие.

Фон Берг старался лишней раз без необходимости не обнимать девушку и не злить ее – это могло сильно вредить занятиям. А если такое и происходило, то только потому, что того требовали упражнения.

Но его неодолимо влекло к ней, хотя он и старался гнать от себя такие мысли. Он и так уже многое невольно изменил в ее жизни. Кто знает, как сложилась бы ее судьба, не приобрети она этот дар? Училась бы в Университете, работала бы помощником врача или провизором. И никаких ножей, ведьм... И его бы рядом не было.

Фон Берг заметил, что девушка начала наконец ему доверять и перестала возмущаться от каждого его вольного или невольного прикосновения.

Барон был очень доволен успехами Екатерины. Он уже почти не сомневался, что она сумеет противостоять ведьме, даже если его не будет рядом. Хотя в глубине души Генрих все-таки надеялся, что свою первую охоту она проведет под его руководством – беспокойство и ответственность за ее судьбу не оставляли фон Берга.

Екатерине требовалось еще научиться владеть собой при виде ведьм и не выдавать свое волнение. При ее эмоциональности это было непросто.

Барон рассчитывал, что на балу он сумеет научить ее и этим навыкам. Он знал, какие из дам высшего общества являлись ведьмами – они были не очень опасны и пока не причиняли никому серьезного вреда.

Генрих не забывал и о Полине – он не сомневался, что графиня не успокоится просто так. Она всегда была на редкость мстительна и зла. Никому не прощала даже незначительной обиды.

Генрих вспомнил, с какой ненавистью Полина каждый раз отзывалась о директоре городского театра – он всего-то не сделал ее примой. А ведь столько лет прошло... Она успела выйти замуж за графа Рокотова и овдоветь. Стала богатой и знатной. А нанесенную ей обиду так и не простила.

Хотя вряд ли графиня решится на еще одно покушение. Но она оставалась опасна в своей непредсказуемости и коварстве.

Фон Берг понимал, что Полина обязательно пойдет на бал. Как она будет себя вести? Опустился до банального скандала? Вряд ли... Графиня будет наносить удары из-за угла – подло и жестоко.

Приближающееся новолуние вызывало сильные опасения у барона, хотя он сам не знал почему. Возможно, это было просто предчувствие угрозы. А возможно, он тревожился за судьбу Екатерины, которая становилась ему все более и более дорога.

Глава 33

В день бала мадемуазель Корде вместе с помощницей и парикмахером приехали на квартиру Екатерины. Они занялись приготовлениями девушки к ее первому серьезному выходу в свет.

Платье сидело на фигуре великолепно. Модистка была очень довольна.

– Прекрасный фасон. Сидит безукоризненно. Вышивка на лифе ненавязчива, похожа на плотный гипюр. Правда, не каждая дама может себе его позволить – корсет не нужен. Злые языки называют такие платья «полуголыми».

– Что же вы мне раньше не сказали? – Екатерина пришла в ужас. – Как я появлюсь в нем на людях, если в свете это считается непристойным? Что обо мне подумают?

– Вам нечего опасаться. В свете это модно. Ни грамма вульгарности. Ваша фигура идеальна. Дамы будут завидовать, мужчины будут без ума. Кроме того, для этого бала еще несколько дам заказали подобные платья. Фасон, естественно, не повторяется, но идея одна. И главное, вашему жениху оно очень понравилось... Если бы это выглядело непристойно, он бы сказал непременно.

Волосы Екатерины убрали живыми цветами, как и положено для молодой девушки. Екатерина сначала выбрала орхидеи, но мадемуазель Корде посоветовала отказаться от них, так как эти цветы считались недопустимо экзотичными и порочными – в свете они вызвали бы недоумение и осуждение. Остальные варианты не нравились Екатерине – розы, лилии, жасмин были, по ее мнению, слишком приторны и банальны. Наверняка большинство девиц будут украшены именно этими цветами.

В конце концов модистка предложила эдельвейсы – цветок на гербе фон Бергов, – в высшей степени благородно и изысканно. Скромно, неброско, но как необычно! И лишний раз подчеркивает, чья она невеста. Нежные и пушистые серо-голубые цветы с золотистой серединкой разбросали по всей прическе, и они прекрасно оттенили темные волосы девушки.

К тому же барон прислал фамильное ожерелье, которое должно было дополнить строгое платье – эдельвейсы из бриллиантов в серебряной оправе.

– Это слишком дорого, и я его не надену, – заявила девушка, глядя на роскошное украшение и решительно отодвигая бархатный футляр, в котором оно лежало.

– Мне передано пожелание господина барона, и я должна его выполнить. – Мадемуазель Корде мягко, но настойчиво протянула девушке кольцо. – Прошу вас, не отказывайтесь... Господин фон Берг хочет, чтобы вы блистали на балу. Это его законное право как вашего жениха. Вы согласны?

– Я буду чувствовать себя в нем неловко... Оно такое громоздкое и ослепительно блестящее...

– Это бриллианты, они и должны быть ослепительными, – снова снисходительно улыбнулась мадемуазель Корде. – Вашему жениху будет приятно видеть на вас эту семейную драгоценность.

Модистка надела на шею девушки ожерелье, и оно почти полностью закрыло декольте.

– Бесценное произведение искусства – аристократичное и утонченное. Оно просто создано для вас.

Екатерина посмотрела на себя в зеркало и не узнала – изящная светская красавица в безумно дорогом колье и прекрасном шелковом платье цвета слоновой кости. Тонкая ткань струилась по ее фигуре. Нежные скромные серебристые цветы в темных волосах перекликались с их бриллиантовым подобием на груди. Екатерина себе очень понравилась. Палантин из соболей мягко лег на ее плечи.

– Вы безупречны и элегантны, – не удержалась от восторженного комплимента модистка.

Она была довольна своей работой:

– Богиня, просто богиня!

Наконец, Екатерина осталась одна и начала прятать ножи согласно советам госпожи Миргородской. Один она пристроила за подвязку чулка. Еще один – за корсаж. Девушка уже много раз пробовала быстро доставать их. С корсажем все получалось ловко и быстро. И слава богу, что благодаря плотной вышивке нож не был замечен. С подвязкой было сложнее, но это всего лишь запасной вариант. К тому же в случае опасности о приличиях не думают.

Кроме того, Екатерина надеялась, что сегодня ей не придется их применять. Даже если она совершит промашку, не накинется же на нее ведьма прямо на балу... И фон Берг будет рядом. Он всегда ее защитит.

Она начала безоговорочно доверять Генриху. Но, конечно, только в Служении... Здесь он не позволяет себе вольностей и безответственных решений.

В восемь часов вечера приехал барон. Он поднялся в квартиру и был поражен видом своей «невесты».

– Вы прекрасны! – только и мог произнести он, с восхищением внимательно разглядывая девушку. Сейчас даже гнев Екатерины его бы не остановил.

– Благодаря вашим бриллиантам, соболям и платью, – улыбнулась девушка.

– Нет, великолепны вы, а это только дополнение к вашему очарованию и шарму.

– Как всегда, не можете без лести. – Ей не удалось скрыть довольную улыбку.

– А вы не можете без колкостей, – в тон ей ответил Генрих. – Ножи с вами?

– Да.

– Помните – не смотрите ни на кого в упор. Особенно когда выйдем из дома. На улице ведьмы тоже могут нам попасться. Скользите взглядом, не останавливайте его ни на ком. Возможно, вы будете сначала выглядеть несколько рассеянной, зато сможете не встретиться глазами с ведьмой. Когда заметите ее, старайтесь дышать глубоко и ровно...

– Вы мне это уже тысячи раз повторяли... – она вздохнула. – У меня все получится, не сомневайтесь во мне.

– Просто хочу быть уверен, что вы готовы к встрече с этими особями. Это намного опаснее, чем может показаться.

– Но вы же будете рядом...

– И не только я. На балу будет несколько человек из Братства. Они знают про вас и помогут при необходимости. Ну что же, нам пора...

Он предложил ей руку, она приняла ее, и они начали не спеша и степенно спускаться по лестнице. Будто и правда были женихом и невестой.

– Почему вы не во фраке? – поинтересовалась Екатерина, глядя на строгий серый костюм барона.

– Фрак мне не нравится. Делает мужчину похожим на кузнечика или похоронного агента.

– Но ведь этикет требует...

– Этикет много чего требует. Вы тоже не в корсете...

– Откуда вы знаете, – вспыхнула девушка.

– Это заметно. Вы выбрали платье, которое не нуждается в подобных ухищрениях.

- Я неприлично выгляжу? - смутилась Екатерина, невольно заливаясь краской.

- Вы великолепны, как я уже говорил. Перестаньте смущаться. Научитесь гордиться своей внешностью. Вы очень красивы. И не только сегодня...

Глава 34

Бал начинался, как всегда, в половине девятого вечера. Парадную мраморную лестницу освещали многочисленные хрустальные светильники, переливавшиеся всеми оттенками радуги. Гирлянды живых цветов обвивали перила и колонны.

Бесконечное количество экзотических растений в огромных кадках украшало несколько залов Дворянского собрания, и делало их похожими на райский сад. Лакеи разносили напитки и мороженое. В буфете царил оживление. Высокие окна, распахнутые настежь, готовились пропускать в бальные залы ночную прохладу.

Когда Генрих и Екатерина вошли в зал, он был уже заполнен многочисленными приглашенными. У замужних дам в волосах сверкали драгоценные диадемы. Головки девиц украшали цветы: в основном розы, маргаритки, фиалки – нежно и невинно. Екатерина поняла, что выбор эдельвейсов был безошибочен.

Девушка была несколько смущена обращенными на нее взглядами, однако скоро справилась с этим. Дамы откровенно и с неподдельной завистью рассматривали ее туалет и великолепное кольцо.

Мужчины просто восхищались прекрасной незнакомкой, которая раньше не появлялась в свете, и невольно завидовали барону. Он нашел достойную замену графине Рокотовой.

Екатерина держала Генриха под руку. Они были красивой парой. Фон Берг не без гордости вел свою прекрасную «невесту» по залу. Екатерина чувствовала себя уверенной и защищенной рядом с благородным аристократом. Как же все это отличалось от ее двух первых балов.

Фамильные бриллиантовые эдельвейсы фон Бергов вызывающе сияли, являясь залогом счастливого будущего барона и его прелестной избранницы.

– Вы произвели фурор, – удовлетворенно заметил Генрих.

– Я заметила, – не без удовольствия ответила Екатерина, гордо улыбаясь.

– Похоже, и вам не чуждо тщеславие, – не удержался от сарказма фон Берг.

– У вас учусь, – коротко парировала она.

– Пока нет ни одной из ведьм... Зато вон там, в синем кружевном платье с алыми блестками – Полина, – вполголоса сказал Генрих, наклоняясь к уху девушки недопустимо близко.

Екатерина впервые увидела бывшую любовницу своего наставника. Графиня была необыкновенно красива и эффектна. Она гордо сидела в кресле в окружении своих многочисленных кавалеров. Алые блестки сверкали и вспыхивали на ее платье, как языки пламени. Золотистые волосы украшала высокая диадема с сапфирами. Красавица графиня тоже заметила бывшего любовника со спутницей, и недобрая улыбка искривила полные чувственные губы Полины. Было видно – она ожидала фон Берга и его невесту.

– Похоже, графиня готовит заговор, судя по тому, как на нас смотрит ее окружение, – заметил Генрих. – Надо это немедленно прекратить.

– Будет скандал... – девушка снова ощутила беспомощность и неуверенность. – Это мой третий бал, и опять все будет плохо...

– Нет. Обойдемся без этого. Пойдемте. – Он повел Екатерину к важному господину в богато украшенном мундире, стоявшему недалеко от них. – Это вице-губернатор.

Екатерина видела его в составе Совета. Тогда она не могла вспомнить, кто это такой.

– Викентий Леонидович, добрый вечер! – Генрих подвел Екатерину к вице-губернатору.

– А я ждал вас! – вице-губернатор улыбался, глядя на Екатерину. – Госпожа Несвицкая, вас не узнать. Какое преображение! Сочувствую, что эта очаровательная девушка не ваша настоящая невеста. Не волнуйтесь, мадемуазель, мы все будем наблюдать за вами

и поможем в случае необходимости.

– Благодарю, вы очень добры, – Екатерина была искренне ему признательна.

– Меня сейчас больше волнует графиня Рокотова, – заметил Генрих.

– Вижу, она собирает своих сторонников. Похоже, ей не дает покоя ваша «помолвка». Госпожа Несвицкая, пойдемте, я представлю вас губернатору. Это сразу пресечет все упования оскорбить вас или вашего «жениха».

Он подал Екатерине руку и повел ее к стоящей посреди зала группе высокопоставленных лиц. Генрих шел рядом.

– Ваше Превосходительство, позвольте представить вам госпожу Несвицкую, невесту барона фон Берга.

Екатерина присела в глубоком реверансе. Пожалуй, такой реверанс больше подходил для выражения почтения Государю Императору, но губернатор остался весьма доволен. Он одобрительно посмотрел на нее:

– Как имя госпожи Несвицкой?

– Екатерина Павловна.

– Екатерина Павловна, искренне рад видеть вас и вашего жениха на балу. Господин барон, не могу не восхищаться вашей невестой. Надеюсь, вы оба будете чаще появляться в свете. Недопустимо держать взаперти такую дивную красавицу. Екатерина Павловна, вы, безусловно, сегодня будете украшением нашего вечера. Я опережу всех кавалеров и приглашаю вас на мазурку. Надеюсь, господин фон Берг не против? – губернатор был необычайно добр, любезен и благодушен.

Он уделил довольно много времени барону и его «невесте». Простые светские любезности губернатора перемежались с искренним интересом и участием к судьбе госпожи Несвицкой. С молодым бароном губернатор был знаком давно, но не очень близко, зато его отца очень ценил и уважал.

Когда Екатерина и Генрих отошли от Его Превосходительства, окружение графини Рокотовой испарилось, и рядом с ней остался один князь Юрьевич. Но князя это, похоже, только радовало – внимание других мужчин к Полине его заметно раздражало.

Бал начался с традиционного полонеза. Барон легко вел Екатерину через зал и внимательно смотрел за вновь прибывающими гостями. Девушка танцевала грациозно и непринужденно. Присутствие Генриха придавало ей уверенности. Она совсем перестала смущаться.

В зал вошло семейство Розенфельдов. Они вели себя, как коронованные особы – надменно и величественно. Эвелина, как всегда, сияла бесчисленными бриллиантами и лошадиной улыбкой. Водянистые глаза девицы Розенфельд игриво косили.

Госпожа Розенфельд выделялась претенциозным лиловым бархатным платьем в оборках и дорогих кружевах. Банкир был строг и высокомерен.

Увидев Генриха и Екатерину, он демонстративно отвернулся и что-то сказал своим дамам. Те возмущенно взмахнули огромными страусовыми веерами и тоже стали смотреть в другую сторону.

Долгий танец закончился. Барон и Екатерина отошли к высокому окну. Генрих повернул девушку спиной к залу, взял ее за запястье и тихо сказал:

– У входа княгиня Гедеонова. Это она, осторожно...

– Она же старая. Это отвратительно, – поморщилась Екатерина, вспомнив очень пожилую княгиню, которая пару раз посещала Институт благородных девиц с благотворительными целями.

– Вы снова невнимательно слушали меня, – упрекнул девушку барон. – Сейчас она

выглядит лет на тридцать. В этом одна из причин, почему женщины становятся ведьмами.... Они все выглядят молодо... Правда, их почти никто не видит в таком облике, но это им все равно льстит. У вас учащенный и неровный пульс, а у ведьм прекрасный слух – помните об этом. Сначала успокойтесь, потом смотрите, как я вас учил...

Екатерина скользнула взглядом по залу. Она мельком увидела молодую и красивую женщину с роскошными черными волосами, спадавшим почти до пояса.

– Очень хорошо, – Генрих был доволен. – Продолжайте в том же духе... Скоро должны появиться еще две... А возможно, будут и новые...

– Отпустите уже мою руку. Я думаю, что теперь справлюсь.

– Я проверяю ваш пульс.

– Я сказала, что справлюсь, – она попыталась освободить руку. Но барон не отпускал ее, хотя держал очень осторожно.

– Отпустите, это странно выглядит со стороны. Не можете же вы все время держать меня за руку...

– Могу. Я ваш «жених» и имею на это право, – Генрих улыбнулся. – Просто, мне так спокойней. Я ваш наставник и я за вас в ответе.

– Вы слишком за меня волнуетесь...

– А разве это плохо?

Екатерина взглянула ему в глаза. Он смотрел на нее внимательно и с теплотой. И это ее смутило. К ним подошел губернатор. Екатерина совсем забыла о мазурке.

– Вы мне обещали танец, – он приветливо улыбался. То что губернатор пригласил Екатерину лично, а не через представителя, как принято, была огромная честь.

Девушка протянула Его Превосходительству руку, и он уверенно увлек ее в вихрь танца. Губернатор, несмотря на возраст, был прекрасный танцор. Екатерина легко порхала рядом с именитым кавалером. Она рассеяно скользила взглядом по залу, но новых ведьм не видела.

Княгиня Гедеонова сидела рядом с пожилыми дамами, и ее молодость и нагота странно выглядели на фоне престарелых ровесниц.

Екатерина увидела, как Генрих подошел к Полине и взял ее за локоть. Лицо графини сначала выражало презрение, потом ненависть и страх. Она резко вырвала руку и быстрыми шагами вышла из зала.

Мазурка закончилась, и губернатор подвел Екатерину к барону:

– Ваша невеста прелестна и непосредственна. Вам очень повезло.

– Совершенно с вами согласен, Ваше Превосходительство, – Генрих легко поклонился.

– Я представлю вас обоим своей супруге. Она ищет серьезных девушек для организации благотворительного базара. А мадемуазель Несвицкая именно такая, я не сомневаюсь.

Губернатор подвел их к величественной и приятной женщине лет сорока пяти, сидевшей в окружении знатных дам, как императрица среди фрейлин. Она была рада знакомству и сразу же начала рассказывать Екатерине, что она задумала и какая помощь ей потребуется:

– Мы организуем аукцион в пользу городской больницы – она давно нуждается в новом оборудовании и ремонте. День пока не назначен, идет подготовка. Вы непременно должны принять в нем участие. Генрих Александрович, вы же не будете возражать? – обратилась она к барону.

– Конечно нет. Можете рассчитывать и на меня. Я тоже желаю внести лепту в это благое дело. Но, за неимением времени, могу только пожертвовать деньги.

– Мы принимаем любую помощь, – милостиво произнесла супруга губернатора. – Горожане будут вам очень благодарны. Современная больница жизненно необходима нашему Златогорску.

Когда Генрих и Екатерина отошли от губернатора и его жены, взгляды многих присутствующих стали гораздо теплее и приветливее. Посыпались приглашения Екатерины на следующие танцы. Кавалеров было немало. Барон снисходительно терпел такое внимание к его «невесте». Видимо, он убедился, что девушка неплохо владеет собой и можно позволить ей немного потанцевать.

Наконец объявили вальс, и фон Берг повернулся к Екатерине.

– Вальс, надеюсь, вы будете танцевать со мной как моя «невеста»? – он протянул ей руку, приглашая на танец.

– Не могу отказать «жениху», – она мило улыбнулась. – Я люблю вальсы.

– И я тоже.

Девушка наслаждалась музыкой и с удовольствием кружилась по залу. Она почувствовала, что барон опять взял ее за запястье.

– Еще одна?

Он кивнул.

– У окна, около пальмы.

– Вижу. Блондинка.

– Да, вы хорошо держитесь...

– Это оказалось проще, чем я думала.

– Не обольщайтесь. Повторю, все не так просто, как кажется с первого взгляда. У этих тварей идеальный слух и зрение. Они могут почувствовать ваше волнение раньше, чем вы с ним справитесь. И тогда я вам не позавидую.

– А эта ведьма тоже старуха в обычной жизни? – поинтересовалась девушка.

– Нет, молодая и глупая, жаль таких... Это девица Соловьева, последняя представительница древнего рода. Кажется, стала такой от несчастной любви. Возможно, так и ограничится ощущением своего превосходства над окружающими. А возможно, захочет большего и тогда станет опасной. Тщеславие губит многих женщин...

– Кстати, о тщеславии... Не вижу вашей графини, – слегка усмехнулась Екатерина.

– Она уже не моя, к счастью, – в тон ей ответил барон. – Ушла в бешенстве.

– Что же вы ей такого сказали? Или секрет?

– Нет, не секрет. Пообещал свернуть ей шею... Буквально и в ближайшее время, если она не уберется из города.

– Что? – не поверила своим ушам Екатерина. – Вы же говорили, что не можете убивать людей...

– Я и не могу. Но ей об этом знать не обязательно, – барон очаровательно улыбнулся.

Ближе к ужину появился князь Апухтин. Он подошел к Генриху и Екатерине, девушке вручил букетик фиалок.

– Позвольте поздравить вас с помолвкой. Генрих, я тебе этого не прощу. Я уже потерял голову и почти влюбился в Екатерину Павловну... Еще немного, и я бы решился расстаться со своей холостой жизнью. Вы разбили мое несчастное сердце, и рана на нем никогда не затянется! Придется остаться одиноким и печальным на всю жизнь... – он театрально вздохнул. – Генрих, ты меня опередил, и я тебе по-хорошему завидую...

- Ты слишком долго думал, - ответил ему барон, пожимая руку. - Но Екатерина Павловна может еще и передумать... Я все-таки не подарок, как ты знаешь...

- Тогда не буду терять надежду. Однако я искренне рад за вас обоих. Генрих, конечно, повеса, но славный малый. Екатерина Павловна, вы сделали правильный выбор, приняв его предложение. А тебе, Генрих, несказанно повезло с такой очаровательной невестой. Ты невероятный счастливец!

- Знаю, - улыбка барона носила легкий налет непонятной грусти.

Глава 35

Вскоре гостей пригласили на ужин. Столы на шесть персон были традиционно сервированы белым фарфором и серебряными приборами. Прозрачные хрустальные фужеры и рюмки сверкали холодными ледяными искрами. Около каждого стола стоял дополнительный стул для губернатора, на случай, если тот пожелает присесть и побеседовать с гостями приватно.

Шампанское игриво пенилось в высоких фужерах – первый тост традиционно был поднят за здоровье Государя Императора. Присутствующие выпили стоя.

После этого зал наполнился оживленными голосами и звоном посуды. Тихая музыка служила приятным фоном для поглощения пищи и вина.

Губернатор степенно обходил всех присутствующих, к некоторым столам он подсаживался, демонстрируя особое расположение.

Он надолго задержался за столом фон Берга и Екатерины. Его Превосходительство не скрывал своего восхищения госпожой Несвицкой. Когда губернатор ушел, барон наклонился к девушке:

– Теперь у вас появится много преданных «друзей». Внимание к вам губернатора не прошло незамеченным. Пользуйтесь моментом – заводите новые знакомства. Они пригодятся не только вам, но и Братству.

– Догадываюсь, что будет представлять собой такая «дружба»...

– Это свет. Привыкайте к лицемерию и двуличию.

– Это же гадко...

– Да, но что делать... Высшее общество, куда многие так стремятся попасть любой ценой, напоминает мне серпентарий.

– Пожалуй, – она невольно улыбнулась, заметив, как на нее стали смотреть те, кто еще недавно ее просто ни во что не ставил. Семейство Розенфельдов мило закивали головами и расплылись в лучезарных улыбках, перехватив ее взгляд. – Надо же, Розенфельды вдруг меня признали...

– Заметил. Они со мной тоже раскланялись. Просто сама любезность и обходительность.

После ужина продолжились танцы. В залах становилось душно. Холодное шампанское и мороженое уже не спасали от жары. Окна были распахнуты настежь, но духота все равно стучалась.

Барон часто бывал в Дворянском собрании и знал здесь все ходы и выходы. Он повел Екатерину к одному из арочных проемов. За ним открывалась темная анфилада комнат.

– Хотите немного отдохнуть от шума и суеты? – Генрих показал головой в сторону чернеющей арки.

Девушка кивнула.

– Тогда приглашаю вас в другой мир! Не бойтесь?

– С вами – нет. – Она доверчиво смотрела на него снизу вверх.

Генрих взял ее под руку и повел по пустым и едва освещенным залам. Отблески уличных фонарей через высокие окна без штор проникали в помещения и наполняли их фантастическими и жутковатыми призраками.

Шум бала остался где-то далеко, жара отступила. Воздух был свеж, пахло влажной штукатуркой – в залах недавно закончили ремонт. Мебели не было, люстры еще не повесили. Но мраморный пол сверкал своей новизной и прихотливым рисунком.

– Похоже на странную сказку, – чуть слышное эхо повторило тихий голос девушки. –

Люди где-то рядом, а мы одни и никто не знает, что мы здесь.

Музыка была едва слышна. Екатерина раскинула руки, запрокинула голову и легко закружилась по залу, ощущая себя свободной птицей, парящей в небе.

Сегодня волшебная ночь – можно позволить себе то, о чем давно мечтала и пусть это выглядит как ребячество. Резкая тень девушки взметнулась по стене и закачалась в такт музыке. Бриллиантовые эдельвейсы на шее искрились и переливались в таинственном полумраке.

Екатерина невесомыми шагами подбежала к Генриху и протянула ему руку. Он понял ее без слов, подхватил девушку, и они продолжили легко скользить по полу в вальсе. Им никто не мешал – весь зал был в их распоряжении.

Никогда Екатерина не получала такого удовольствия от танца. Ей было просто очень хорошо. Она ни о чем не думала, а наслаждалась происходящим с ней волшебством.

Они существовали одни в огромном фантастическом мире, вдали от всего, от посторонних глаз и мелких проблем. Некому было укоризненно и осуждающе смотреть на них. Не надо было следовать этикету, и они позволили себе недопустимо приблизиться друг к другу в вихре непонятного и странного танца.

Девушка положила голову на плечо барона и закрыла глаза. Она хотела, чтобы танец продолжался вечно. Екатерина была счастлива и свободна как никогда. На душе у нее было легко.

Вальс закончился. Генрих продолжал держать Екатерину за талию и не отпускал ее руку. Она чувствовала тепло его ладони через тонкий шелк платья. Он бережно привлек девушку к себе:

– Катрин... – тихо и нежно позвал он.

Так он назвал ее впервые.

Она посмотрела ему в глаза, голова ее закружилась, и Екатерину охватило неведомое ранее чувство. Его взгляд завораживал – был нежным и бесконечно добрым.

Девушка положила руки на плечи Генриха и доверчиво потянулась к нему. Она была готова пойти за ним на край света. Если бы он только позвал...

Они молчали, но между ними словно шел безмолвный диалог. Сколько это продолжалось, девушка не знала. Ей казалось, они так много сказали друг другу, ничего при этом не произнеся вслух.

Неожиданно барон отстранился и отпустил ее.

– Простите, я забылся и позволил себе вольность... – он отошел к окну и сел на подоконник, глядя куда-то в темноту.

Она села на другой конец подоконника и вся как-то поникла.

– Ищите замену Полине? – тихо спросила она.

– Нет. Конечно нет... Я никогда не посмею предложить вам ничего подобного. Даже в мыслях. Я отношусь к вам совсем по-другому. – Он продолжал смотреть в окно. Какая-то недоговоренность была в его словах.

– Как же вы ко мне относитесь? – нерешительно спросила девушка.

– Не знаю, не спрашивайте.

– Тогда что это было?

– Наваждение... Я не хотел вас обидеть.

– Не на что обижаться... – она невольно тихонько вздохнула.

- Тогда забудьте...

- Не получится...

Барон встал и подал девушке руку.

- Вы правда не сердитесь на меня?

- Нет. На меня тоже нашло наваждение... - ей стало грустно.

Барон держал девушку за руку, она не отнимала ее. Словно тонкая незримая нить протянулась между ними, и они оба боялись порвать ее.

Вдруг фон Берг насторожился. И наваждение исчезло окончательно.

- А вот и наша третья ведьма... - он снова взял девушку за запястье. - У вас сейчас сердце выскочит... Похоже, это не из-за нее.

- Нет, не из-за нее. И вы это знаете не хуже меня, - Екатерина рассердилась. Что говорить глупости, когда все и так очевидно? И он это прекрасно понимает.

- Знаю. Вам придется научиться владеть своими чувствами, - он старался говорить спокойно, но голос выдавал его волнение.

Девушка сердито вырвала руку и сама взяла за запястье барона.

- У вас тоже с пульсом не все в порядке!

- А я и не спору. Если угодно - нам обоим надо будет научиться владеть эмоциями.

Девушке этого совсем не хотелось. Не хочет она быть бессердечной и черствой. Не хочет скрывать своих чувств. Но для дела надо...

Екатерина долго не могла унять сердцебиение. Наконец она успокоилась и мельком взглянула в окно. В парке у фонтана одиноко стояла совсем молодая темноволосая ведьма.

- Почти девочка, - заметила Екатерина.

- А в жизни ей уже за сорок... Жена генерала Попова. Муж погряз в изменах, и она не справилась... Теперь озлоблена на весь мир. Думаю, со временем станет очень опасной.

Ведьма растворилась в темноте между деревьями.

Они нехотя вернулись в зал. Было почти три часа утра.

Бал завершался бесконечно длинным котильоном. Барон и его «невеста» в очередной раз привлекли к себе внимание - красивая пара легко и уверенно двигалась в сложном танце. Фамильные эдельвейсы фон Бергов гордо сияли на груди девушки вызывающим холодным светом.

- У меня нехорошее предчувствие, - признался Генрих. - Не хочу сегодня оставлять вас одну. Поедем в поместье... Думаю, нам лучше провести ночь под одной крышей.

- Почему не на мою квартиру? Это ближе...

- Нет. Это вас скомпрометирует.

- Да, я не подумала... Вы сегодня очень благоразумны, - в ее последней фразе прозвучал оттенок упрека и сожаления. Барон посмотрел в сторону и отвернулся.

На улице наконец похолодало. Восток еще не тронула заря. Екатерина куталась в меховой палантин.

Всю дорогу до поместья она была задумчива и пыталась разобраться в своих чувствах. Играет ли с ней барон, как кот с мышью? Или это что-то другое... Он мог воспользоваться моментом, ведь Екатерина тогда просто потеряла голову. Но он

поступил благородно. Или безразлично? Возможно, это его очередная лицемерная игра... Но нет, он не лицемер. В этом девушка уже убедилась.

А что она сама думает о фон Берге? Пожалуй, она ему верит. И не только верит... Он ей нравится. Только как человек и возможный друг? А может, это что-то совсем другое? На все эти вопросы она ответить не могла... Или просто боялась чего-то нового и непонятного?

Екатерина постоянно вспоминала их странный танец в сумрачном таинственном зале. Что она тогда почувствовала? Никогда и ничего подобного с ней не происходило. Что-то теплое упало на сердце, да так там и осталось ...

Как странно он смотрел на нее. Этот взгляд завораживал и увлекал куда-то в неведомое и прекрасное. Но даже тогда она ему доверяла. Доверяет и сейчас. Возможно, зря, но с этим ничего не поделаешь...

Глава 36

Екатерина вошла в свою комнату и начала неспешно раздеваться. Она положила роскошное кольцо в футляр и на несколько мгновений задержала свои тонкие пальцы на холодных бриллиантовых цветах.

Она не переставая думала о Генрихе. Пожалуй, он похож на эти цветы – холодный, благородный и независимый. Или она слишком хорошо думает об этом человеке? Ведь он еще честлюбив, эгоистичен и вообще авантюрист и светский щеголь. Редкостный негодяй и просто безответственный ловелас. Но все это его почему-то не портит... Она отогнала от себя мысли о бароне и продолжила раздеваться.

Рассвет только-только окрасил восток бледным светом. Девушка достала из-за корсажа нож и сунула его под подушку – ночь еще не кончилась, а она обещала себе, что доведет все правила поведения охотника до автоматизма.

Барон сказал, что со временем она научится чувствовать близкое присутствие ведьмы даже во сне. Хорошо бы это случилось поскорее – она кажется себе незащищенной, когда наставника нет рядом.

Екатерина надела ночную рубашку и накинула пеньюар. Потом вынула из волос эдельвейсы и поставила их в маленькую вазочку рядом с букетом фиалок, которые подарил ей князь Апухтин. Девушка опять и опять вспоминала бал. Чувства ее были запутаны и противоречивы.

Екатерина стояла около зеркала, расчесывала волосы и задумчиво смотрела на свое отражение. Мысли о бароне не оставляли ее. Но пора было спать.

Ей осталось снять чулки и лечь в постель. Она наклонилась, чтобы достать нож из-за подвязки, и что-то странно насторожило ее, будто холодок пробежал по спине и затылку. Через несколько мгновений она ощутила легкое дуновение ветра.

Боковым зрением девушка увидела, что окно бесшумно распахнулось, и в комнате появилась ведьма. Сердце Екатерины бешено забилося, кровь застучала в висках, и в памяти мгновенно возникли все пройденные уроки.

Ведьма молча бросилась к ней, протягивая вперед руки с острыми когтями. Она видела перед собой только беззащитную жертву и не ожидала отпора. Девушка молниеносно выхватила нож и, не задумываясь, со всей силы вонзила его в налетевшую на нее тварь. Все как учили.

Та рухнула к ногам девушки, заливая пол темной кровью. Ее брызги расплывались зловеющими пятнами на светлом шелковом пеньюаре Екатерины. Девушка замерла над лохматой тушей, в которую превратилась ведьма.

Через мгновение Екатерина со всех ног бросилась к комнатам Генриха. По сумрачным коридорам она почти на ощупь добралась до них. Из-под двери его кабинета через щель пробивался свет – барон тоже еще не спал.

Она заколотила в дверь, не заботясь о том, что кто-то еще может услышать ее:

– Это я! Откройте! Откройте скорее!

– Вообще-то не заперто, – услышала Екатерина и широко распахнула дверь.

В руке девушка продолжала сжимать окровавленный нож. Волосы рассыпались по ее плечам, легкий пеньюар был запачкан кровью.

Екатерина не обращала внимания на то, что в таком виде стоит перед бароном. Она была возбуждена, и глаза ее сверкали странным блеском.

– Я убила ее! Убила! Сама! – не то с гордостью, не то с удивлением проговорила она.

– Она вас не задела? Вы не ранены? – Он обеспокоенно и пытливо смотрел на нее.

– Нет, со мной все в порядке. Ведьма не ожидала, что я готова к такой встрече.

- Где она напала на вас? – Генрих был очень встревожен.

- В моей спальне. Влетела через незапертое окно.

Они быстро вернулись в комнаты Екатерины, и Генрих начал осматривать лохматую тушу, лежащую посреди спальни. Вокруг уже растеклось большое пятно почти черной крови.

- Это была одна из тех, что вы видели сегодня на балу? – спросил он с надеждой в голосе.

- Нет. Точно нет. Я ее никогда раньше не видела.

- Тогда почему она напала на вас? – Беспокойство барона нарастало. – Как она выглядела?

- Лет двадцать, светлые прямые волосы.

- Сильно испугались? – Барон внимательно посмотрел на девушку.

- Нет. Со мной все хорошо. – Она подробно рассказала, что с ней произошло.

- Вряд ли теперь можно будет узнать, кем она была... Хотя это уже и не важно.

Генрих отрезал прядь волос на загривке зверя и протянул девушке.

- Сохраните. Надо будет предъявить это в Братстве. По длине и толщине волос можно примерно определить возраст и опасность ведьмы. Кажется, эта была молодой... Ваш первый трофей.

Она завернула прядь в писчую бумагу и положила на туалетный столик.

- Вообще-то второй, – с некоторой задумчивостью произнесла девушка.

- Не понял?

- Первый – платок с вашей кровью.

- Вы бываете просто невыносимы. По умению говорить колкости вам нет равных, – он вздохнул.

- Но это же правда, а не колкость.

- Хорошо. Это правда, если вам так угодно. Не буду спорить. Я пойду за Егором. Надо побыстрее убрать ее отсюда. Не побойтесь остаться одна?

- Нет. Ножи со мной, и я сумею за себя постоять, – не без гордости произнесла Екатерина.

- Хорошо, что вы уверены в себе. Но не переоценивайте своих сил и мастерства. Вам еще учиться и учиться. Но вы – молодец и я горжусь вами!

Екатерине была приятна эта похвала, тем более что она ее честно заслужила.

Барон вернулся с Егором, который нес два ведра и тряпки. Он пошел в ванную и наполнил ведра водой. Потом Генрих и Егор завернули тушу зверя в брезент, который принесли с собой. Они собирались вынести ее через потайной ход из гостиной.

- А вы пока займитесь полом – надо его отмыть. – Барон кивнул на ведра и тряпки. – Вернемся – поможем.

Они пришли довольно быстро.

- Отвезли ее в лес, – сказал Егор.

Генрих посмотрел на пол, по которому ползала Екатерина и усердно растирала уже свернувшуюся кровь. Толку от этих стараний было немного.

- Надо не размазывать, а собирать. – Он взял еще одну тряпку и присоединился к

девушке.

- Я не уборщица, - сердито заметила она, тыльной стороной ладони вытирая со лба пот.

- Предлагаете позвать прислугу? - иронично поинтересовался Генрих. - Вам иногда придется самой делать грязную работу.

- У вас, кстати, это получается профессионально, - парировала она. Фон Берг благоразумно промолчал.

Егор тоже взял тряпку и втроем они быстро оттерли паркет.

- Меня беспокоит, почему она напала на вас, - признался Генрих. - Надо было мне все-таки остаться с вами.

- Тогда надо было ехать ко мне на квартиру, как я и предлагала. - Она бросила тряпку в ведро и перевела дух.

- Почему?

- Там кровать больше. Здесь мы вдвоем не уместились бы, - ее сарказму не было предела.

- Вы сегодня очень сердиты на меня, - заметил Генрих.

- Просто вы говорите ерунду. Как вы могли меня защитить? Она же влетела в спальню. Ваша защита была бы эффективна только в одном случае. Разве я не права?

- Да, в логике вам не откажешь, - согласился Генрих с некоторым сожалением. - И кто сказал, что у женщин ее нет?

Глава 37

Через неделю после новолуния в Златогорске начали происходить страшные по жестокости убийства. Ничего подобного здесь никогда раньше не случалось.

Мужчины и женщины, молодые и старые, бедные, богатые, прислуга, проститутки – разных возрастов и сословий. Деньги и ценности оставались на месте. Убийства были бессмысленными и кровавыми.

Первыми жертвами стали директор городского театра и его супруга – оперная прима. Потом погибла молочница. Затем две девочки мадам Лулу. Отставной полковник с женой. Горничная и дворник купчихи Спиридоновой. Помощница мадемуазель Корде. Торговка с рынка. Пожилая княгиня Соболева и ее служанка.

Полиция сбилась с ног, пытаясь найти преступника, который, скорее всего, был безумцем. Погибшие не были знакомы между собой, но зверские методы, которыми их убивали, говорили о том, что это дело рук одного душегуба или монстра, взявшегося невесть откуда.

У всех погибших было либо растерзано горло, либо вырвано сердце, а иногда и то и другое. Поползли слухи об оборотне или диком бешеном звере, который забрел из леса и прячется где-то в городе.

Волна ужаса за несколько дней полностью накрыла некогда спокойный и беззаботный город. Люди со страхом оглядывались по сторонам даже днем, детей не выпускали на улицу. В городе начинала нарастать паника.

Свидетелей преступлений не было. А возможно, они тоже становились невольными жертвами чудовища. Кто-то говорил, что видел рядом с местом убийства огромную хищную птицу. Это еще больше вселяло мистический ужас в сердца обывателей.

Вспомнились старинные легенды о страшных ведьмах. Но откуда такая агрессивная тварь могла появиться в городе, где все ведьмы занимались в основном любовными приворотами, заговорами, избавляли от бородавок и прочих мелких неприятностей. Иногда, конечно, могли наслать проклятье, потом за дополнительную плату могли его снять. Все довольно обыденно и достаточно невинно.

Редко кто из ведьм брался наслать проклятие на смерть, и только за очень большие деньги. Да и найти способную сделать это было весьма непросто. Местные ведьмы не желали портить свою репутацию такими сомнительными услугами. Тем более что закон карал подобные деяния пожизненной каторгой.

Власти оказались бессильны, не давали толковых объяснений происходящему и не могли прекратить кровавые убийства. Все это наводило еще больше страха на горожан.

Внеочередное собрание Братства Трех Полумесяцев было вызвано кровавыми событиями, происходящими в Златогорске.

Магистр решил, что Екатерину стоит официально представить Братству на этом же собрании – она убила свою первую ведьму и должна стать равноправным охотником в эти трудные времена.

Девушка с нетерпением ждала едва ли не самого важного дня в ее жизни. Она поняла, что сделала правильный выбор, присоединившись к Братству, и никогда не пожалеет об этом.

Барон и Екатерина поехали вместе, но автомобиль Генрих решил оставить на соседней улице около большого доходного дома, чтобы не привлекать ненужного внимания к месту их пребывания.

И вот наконец Екатерина предстала перед всем Братством. В Большом зале рядами стояли массивные бархатные кресла. От этого просторное помещение походило на театр. Собралось человек сто пятьдесят или даже больше. Екатерину уже не удивляло, что она видит знакомые лица.

Просторный двусветный зал с беломраморными колоннами был заполнен до отказа. В дальнем конце на возвышении в высоком кресле, похожем на трон, сидел Магистр, одетый в темно-синюю бархатную мантию. Рядом с ним за небольшим столом расположился секретарь.

– У нас сегодня всего два вопроса. С первым мы разберемся быстро, – начал собрание Магистр. – Представляю вам нашего нового охотника – госпожу Невсицкую Екатерину Павловну. Ее первая победа приятно удивила и порадовала меня. Надеюсь, вы все окажете ей поддержку и при необходимости поможете не только советом, но и делом.

Затем он обратился к Екатерине:

– Всегда знал, что приобретенный дар – большая ценность для Братства. Ваша первая ведьма была молода и не очень опасна. Но вы справились с ней в одиночку, и это делает вам честь. Ваш наставник доложил мне о вашей способности усиливать удар ножом. Уверен, с помощью этого дара вы сможете также лечить и заживлять раны. Секретарь позже передаст вам соответствующую литературу – вам следует ее внимательно изучить и научиться применять дар на деле. Вам еще долго предстоит совершенствовать свои способности и мастерство. А теперь подойдите ко мне.

Магистр поднялся и взял со стола секретаря гладкий серебристый медальон на длинной цепочке. Девушка, как того требовал Этикет, подошла и опустила на одно колено перед Магистром. Он торжественно надел ей на шею медальон.

– Носите его с честью и никогда не снимайте. Еще раз поздравляю вас, теперь уже перед лицом всего Братства Трех Полумесяцев. Рад, что вы в наших рядах. – Магистр подал Екатерине руку и помог подняться.

Он вернулся в кресло, а Екатерина подошла к своему наставнику. Было заметно, что барон гордится ею и не скрывает этого.

– Поздравляю вас с официальным вступлением в Братство.

– Благодарю. Вижу, что вы довольны.

– Да, очень.

– У вас тоже есть медальон? – поинтересовалась она.

– У всех в Братстве есть.

– Это серебро? Как-то не похоже. – Девушка с интересом разглядывала его и попыталась открыть. Но у нее ничего не получилось.

– Нержавеющая сталь. Внутри гравировка вашего имени, даты вашего рождения, обретения дара, и дня, когда вы стали охотником. Открыть его не просто – позже покажу секрет.

– Это знак отличия?

– Да, и не только. По нему можно опознать охотника в случае гибели. Ведьмы часто сильно уродуют свои жертвы.

– Я помню, вы говорили...

– Мрачно, но это правда. – Барону не хотелось лишний раз пугать девушку.

– Думаю, я уже научилась принимать неприятные вещи спокойно. Это жизнь...

– Ваше благоразумие весьма похвально.

Магистр призвал всех к вниманию.

– Второй вопрос сложный и очень неприятный. Жестокие убийства, происходящие в нашем городе. Я пообщался с начальником городской полиции. Очень похоже, что все это дело рук ведьмы. Люди говорят о большой птице, которую видели рядом с местом преступления. И почерк всех убийств похож. Меня очень беспокоит, что они происходят

в обычные ночи. Это говорит о том, что в нашем городе завелась не просто опасная, а обладающая редкими способностями особь. С такими ведьмами мы еще никогда напрямую не сталкивались. О них известно только из старинных рукописей. Нам всем придется приложить максимум усилий, чтобы разобраться в происходящем. Необходимо понять, кто эта ведьма в жизни, и найти место ее обитания.

Магистр был озабочен. Он ненадолго замолчал, а затем продолжил:

– Мы будем каждую ночь патрулировать город и искать эту тварь. Список дежурств у секретаря, ознакомьтесь. Надо понять, откуда она появилась. Гибнут люди и нам необходимо это прекратить как можно быстрее. Секретарь раздаст каждому бумаги с указанием, что кому поручается. Будем изучать старинные рукописи и любую литературу на это тему. Кроме того, все получают подробные отчеты обо всех преступлениях – анализируйте, думайте, ищите, что их связывает. Возможно, это не случайные убийства и что-то их все-таки объединяет. Найдем связь – найдем ведьму.

Глава 38

Была уже ночь, когда собрание закончилось. Расходились долго, небольшими группами, чтобы не привлекать лишнего внимания. Хотя в этом сейчас не было необходимости – на улицах было пустынно и безлюдно. Город словно вымирал с заходом солнца.

Барон решил отвезти Екатерину в поместье и остаться там на ночь.

Автомобиль стоял на соседней улице, и Генрих попросил Егора подогнать его к зданию банка. Но потом предложил Екатерине немного пройтись навстречу – ночь была тихая и звездная, идти недалеко. Им не мешает слегка развеяться после мрачно закончившегося собрания. Она согласилась.

– Что вы думаете о происходящих убийствах? – встревоженно поинтересовалась Екатерина у своего наставника.

– Не знаю. Как сказал Магистр, мы с таким еще не сталкивались... Все непонятно, и это плохо. Завтра с утра нам надо будет просмотреть старые книги и рукописи – начнем искать хоть какие-то сведения о подобных особях.

– Мне до сих пор непонятно, почему на меня напала та ведьма. Я же ее не видела, значит, не могла привлечь ее внимания.

– Я предполагал, что ведьма, напавшая на вас, могла быть послана Полиной. Но вообще-то это на нее не похоже... Она, скорее, может нанять убийцу, но ведьму вряд ли... Графиня слишком высокомерна, а знахарок и ворожей считает темными и грязными простолюдинками. К таким она не стала бы обращаться. Хотя кто ее знает...

– Вы сегодня очень озабочены, – заметила девушка.

– У меня опять нехорошие предчувствия... Давайте сменим тему разговора – не хочется в такую дивную ночь думать и говорить о жестоких преступлениях. Мы уделили им достаточно внимания на собрании... Сегодня вы в очередной раз порадовали меня. Приятно, что Магистр похвалил вас за первую охоту. Я горжусь вами.

– Не перехвалите. – Однако Екатерина не могла скрыть, что ей приятна высокая оценка и Магистра, и наставника. – В этом ваша заслуга. Вы много времени уделяете моему обучению, и я вам очень признательна. И вам, и Егору.

– Так и будем говорить друг другу комплименты всю дорогу до поместья? – иронично спросил барон и взял ее под руку.

– Зато это не так мрачно, – улыбнулась в ответ девушка.

– Согласен.

Фон Берг и Екатерина вышли к темному бульвару, где едва разгоняли мрак газовые фонари, и не спеша продолжили путь, тихо беседуя. Из-за угла показался автомобиль барона. Его фары светились в ночи, как две желтые луны.

Что-то бледное метнулось в слабом сиянии фонарей, и фон Берг с силой отшвырнул Екатерину к дереву. Она больно ударилась спиной о ствол, замерла от неожиданности и словно окаменела. Все остальное она видела будто со стороны. Ей казалось, что события происходили медленно, но неотвратимо. Мимо пронеслась ведьма. Она целилась в девушку, но фон Берг успел оттолкнуть ее. Ведьма резко развернулась и стремительно бросилась на Генриха.

– Полина! Что же ты наделала! – услышала его изумленный возглас Екатерина.

Он даже не пытался достать нож – просто стоял и смотрел на свою бывшую любовницу. В его взгляде читалось неподдельное сожаление и боль. Графиня стала еще прекраснее, это было заметно даже в тусклом мертвенном свете газового фонаря.

– Я вырву твое холодное сердце! – взвизгнула Полина и с силой ударила фон Берга в грудь когтистой рукой.

- Твою ж мать! - Екатерина не узнала изменившийся голос Егора.

Он глубоко вонзил нож в бедро Полины и распорол его - черная кровь фонтаном хлынула во все стороны. Рука ведьмы соскользнула с ее жертвы. Тварь пронзительно взвыла, взметнулась в темное небо и исчезла в ночном сумраке.

Екатерина видела, как на груди барона расплзается кровавое пятно. Он как подкошенный упал на блестящую брусчатку мостовой, прижимая руку к груди.

- Чего стоишь! - со злостью хрипло закричал Егор девушке. - Помоги остановить кровь!

От его грубого окрика она очнулась, и мысли замелькали в ее голове с бешеной скоростью. Екатерина зубами и руками судорожно разорвала нижнюю юбку.

Егор встал на колени рядом с фон Бергом и влил ему в рот что-то из фляжки. Остатки зелья он выплеснул на рану Генриха. Девушка прижала к груди барона скомканный батист, и он мгновенно стал красным.

Фон Берг с трудом добрался до автомобиля с помощью Егора и Екатерины. У девушки подкашивались ноги, она и не предполагала, что так нелегко вести раненого - он тяжело опирался на нее и почти терял сознание. Однако барон собрал последние силы и приказал голосом, не терпящим возражений:

- Едем на мою квартиру. - И уже почти беззвучно прошептал: - Это Полина... Она связывает все убийства... Директор театра, полковник, молочница, Эстер и Элен... Она рассказывала, злилась...

Егор кивнул:

- Молчите, я понял.

До квартиры фон Берга доехали быстро, благо она располагалась рядом, да и Егор гнал как сумасшедший. Екатерина продолжала крепко прижимать ткань, которая на глазах пропитывалась кровью. Девушка чувствовала, как теплеет ее ладонь - она пыталась передать свою силу Генриху. Но ему становилось все хуже и хуже. Барон навалился на плечо Екатерины. Капли холодного пота выступили у него на лбу, он дышал тяжело и с усилием. Девушку накрыла паника, она растерялась и не знала, как помочь своему наставнику.

Наконец кровь остановилась - то ли помогло зелье Егора, то ли Екатерине удалось применить свою силу нужным образом. Она проклинала себя, что не успела освоить этот навык - как бы он мог помочь теперь! Бессилие и беспомощность усиливали ее отчаяние.

Привратник не удивился, увидев господина фон Берга в таком ужасном виде. Очевидно, решил, что тот ранен на очередной дуэли. Спутники барона выглядели не намного лучше - оба перепачканы в его крови. Привратник был обучен не задавать лишних вопросов. Он помог довести фон Берга до квартиры и положить на кровать.

- Звони врачу, телефон в кабинете. - Егор кивнул Екатерине на дверь. - Живее! Ну же!

Она бросилась к телефонному аппарату.

Врач Братства, господин Никитин, приехал очень быстро и долго оставался у фон Берга. Екатерина нетерпеливо ждала в гостиной и мерила комнату нервными шагами. Наконец врач и Егор вышли из спальни. Оба молчали.

- Ну что?! - она смотрела на них с ужасом и с надеждой.

- Я сделал все, что мог. - Врач с безразличием перехватил ее тревожный взгляд и холодно блеснул стеклами пенсне. - Положение очень серьезное. Рана глубокая. Шансов мало.

- Сделайте же что-нибудь!

- Вы не слышали? Я уже сказал - сделал все, что мог. Приду завтра. - Он был циничен и равнодушен.

– Нет, вы никуда не уйдете! Вы останетесь здесь! – Она обеими руками со злостью схватила врача за лацканы пиджака.

Тот брезгливо и недовольно отцепил ее руки.

– Зачем?

– Помогите ему! Прощу вас! Умоляю!

– Прекратите истерику. Этим вы никому не поможете. Пройдет кризис – будет видно. До завтра. – Врач холодно поклонился, взял свой кожаный саквояж и вышел с сердитым видом.

– Что же делать? – беспомощно обратилась девушка к Егору срывающимся голосом.

– Ждать... Только ждать. Это очень хороший врач. Генрих Александрович хотел вас видеть, зайдите к нему. – Егор был мрачен.

Он распахнул перед ней дверь и пропустил девушку в полутемную спальню. На столе тускло горел ночник. Резко пахло лекарствами и спиртом.

Она стремительно вошла и остановилась у широкой кровати. Смертельная бледность покрывала лицо Генриха. Он лежал на высоких подушках, тяжело и прерывисто дышал.

Девушка присела на край кровати и взяла фон Берга за руку. Она была холодная и безжизненная. Барон открыл глаза и попытался улыбнуться.

– Катрин, сегодня все сложилось для меня неудачно. Я прошу у вас прощения за все, чем мог невольно обидеть или оскорбить вас... Поверьте, я всегда относился к вам с глубоким почтением и уважением... – Он с трудом перевел дыхание.

– Вы меня ничем не оскорбляли и не обижали... – она старалась говорить спокойно, но ее голос дрожал.

– А моя афера с помолвкой? Глупо все получилось с вашей «беременностью»... Простите, если можете...

– Я давно уже простила вашу выходку. – Она была готова заплакать и держалась из последних сил. – Я тоже была виновата... Вы же меня силой не принуждали...

– Благодарю... Для меня это очень важно. Не расстраивайтесь... У вас все будет хорошо...

– Не будет... – Девушка наклонилась к Генриху и поцеловала его в холодные губы. У него не было сил ответить на поцелуй, и он только слабо улыбнулся:

– Поцелуй воскрешает только в сказках, к сожалению... Но все равно спасибо, что попытались. Мне было очень приятно... Вы так уже однажды целовали меня... Правда, это было во сне... А теперь идите, мне еще надо кое-что сказать Егору... Выше голову и не грустите... – Он бессильно закрыл глаза.

Екатерина медленно вышла из комнаты. На душе у нее стало пусто и холодно.

– Егор, он тебя зовет. – У девушки комок стоял в горле. Она забралась на диван с ногами, обхватила руками колени и замерла.

Егор был у барона совсем недолго. Он подошел к Екатерине и протянул ей нож.

– Велел передать вам.

Девушка вынула нож из кожаных ножен. На лезвии она увидела гравировку герба фон Бергов – три горные вершины и над ними цветок эдельвейса. Она положила лезвие на свою раскрытую ладонь, и лезвие покрылось росой. Екатерина вспомнила, как барон спас ее в лесу от рыжей ведьмы, и ей стало совсем плохо. Слез не было, и от этого становилось еще больнее и тяжелее.

– Вам надо поспать, – мягко сказал ей Егор. – Врач оставил настойку, она поможет вам заснуть.

- Нет. - Екатерина решительно встала. - Я останусь с ним.

Она вернулась в спальню, забралась на кровать и села рядом с бароном. Он был в забытьи и не видел ее. Девушка положила обе ладони на рану и с отчаяньем подумала, что готова отдать все, лишь бы он поправился. Ее ладони начали теплеть. Это была последняя надежда.

Екатерина не знала, как долго она сидела рядом с фон Бергом - может быть час, может быть три, а может и дольше. Ее руки затекли и начала болеть. Наконец она почувствовала, что тепло ушло из ладоней, и она больше не может вернуть его. Силы тоже оставили девушку. Она беспомощно прислонилась к изголовью кровати и забылась сном против своей воли.

Глава 39

После того как врач вколол в вену Генриха не то морфий, не то еще какую-то дрянь, боль не прошла полностью, но стала тупой и менее резкой.

Фон Берг погрузился в тяжелый бред. Дышать было трудно. Он увидел, как на грудь ему уселась нагая Полина и снова и снова с жестоким удовольствием вонзала в него свои острые когти. То ли это был страшный сон, то ли явь... Она терзала его и смеялась в лицо своим чистым серебристым смехом. Он не мог пошевелиться и сбросить ее. Генрих понял, что все кончено и он умирает.

Теперь он явственно видел, что за всеми убийствами стояла его бывшая любовница. Как же он сразу не догадался?

Когда-то все погибшие вольно или невольно обидели или оскорбили Полину – директор театра, который не сделал ее примой. Его жена, занявшая заветное место. Блестящий полковник, удачно женившийся после того, как Полина сама же его и бросила. Молочница, которая радостно напомнила графине, увидев ее в городе, как та бегала к ней за молоком, когда была еще девочкой-подростком. Торговка, сказавшая ее горничной, что госпожа графиня ничем не лучше проститутки. Эти случаи вызывали у Полины приступы дикой злости, и она всегда долго и возмущенно рассказывала о них Генриху. Как он об этом не вспомнил, о чем вообще думал? И все остальные погибшие, видимо, тоже чем-то задели чрезмерное самолюбие графини.

Но Егор услышал его и должен понять.

Почему Полина стала ведьмой, да еще такой? Неужели из-за него? Как ей это удалось? Он уже не узнает...

Фон Берг снова провалился в темную бездну. Полина исчезла, растворившись в кровавой пелене. Что-то теплое легло на грудь, и боль постепенно стала отступать.

Генрих проснулся от того, что болела каждая клеточка его тела. Он с трудом открыл глаза. Окна были плотно задернуты шторами, и свет почти не проникал внутрь. Сумрак окутывал просторное помещение спальни. В комнате удручающе пахло лекарствами. Фон Берг попытался сесть, но резкая боль в груди остановила его. Генрих повернул голову в сторону окна, стараясь понять, какое теперь время суток.

К своему неописуемому удивлению на расстоянии вытянутой руки он увидел Екатерину. Она свернулась калачиком на краю кровати и мирно спала, положив обе руки себе под голову. Ее светло-серое шелковое платье было сильно помято и перемазано кровью. По-видимому, его кровью... Однако вид ее был безмятежен, и она счастливо улыбалась во сне. Барон не верил своим глазам.

– Катрин... – тихо прошептал он, не то позвав ее, не то просто подтверждая неожиданный факт ее присутствия на кровати рядом с ним.

Ему непреодолимо захотелось дотронуться до нее, чтобы убедиться, что это не видение и не сон. Но он остановил себя – пусть спит. А если это бред, он готов находиться в таком берду как можно дольше.

Дышать было тоже больно, и Генриху не хватало воздуха. Он тяжело перевел дыхание и судорожно глубоко вздохнул. Екатерина спала очень чутко и, видимо, даже во сне прислушивалась к каждому шороху. Она мгновенно открыла глаза, широко и лучезарно улыбнулась барону и порывисто села на кровати. Девушка машинально пригладила свои взлохмаченные волосы.

– Вчера вы нас сильно напугали.

Он слабо улыбнулся в ответ:

– Вчера я и сам себя сильно напугал.

– Как вы себя чувствуете?

- Отвратительно. Словно по мне пробежался табун тяжеловозов. И не один раз... Болит все... Вообще все...

Екатерина легко встала с кровати.

- Сейчас принесу лекарство. Оно уменьшит боль, и вам станет легче.

- Позже. Пожалуйста, вернитесь назад. - Он взглядом указал на место рядом с собой. - Мне тяжело двигаться, а так удобнее с вами разговаривать.

Она продолжала улыбаться:

- И не надейтесь. Чтобы говорить со мной, достаточно слышать. Совсем не обязательно на меня смотреть.

- Вы невероятно жестоки... - Он вздохнул и прикрыл глаза.

Девушка вышла и вернулась с лекарствами. С ней вошел Егор.

- Как я рад, что все обошлось! - он довольно улыбался во весь рот.

- Спасибо, Егор. Если бы не ты, Полина меня бы прикончила. Я тебе обязан жизнью... - Барон был счастлив видеть своего верного товарища и спасителя.

- Жаль, не удалось убить ее. - Егор вздохнул. - Но ранил сильно.

- Надеюсь, она долго будет зализывать свою рану. Доложили Магистру о ней?

- Да, господин Никитин сразу же отсюда направился к Магистру. Генрих Александрович, вы вчера подарили мне свои часы на память. - Егор положил на тумбу у кровати золотые карманные часы на массивной цепочке. - Надеюсь, мы еще не скоро обменяемся прощальными подарками.

- Я их тебе подарил и назад не возьму. Теперь это лишь жалкая благодарность за мою жизнь. Забери их, прошу... А я постараюсь отплатить тебе чем-нибудь более ценным.

- Ваша дружба - самое ценное для меня.

- Мне осталось только прослезиться, - засмеялся Генрих, но тот час же снова поморщился от боли. - Ты знаешь, что для меня это тоже очень важно...

- И я не отдам вам нож. - Екатерина откровенно светилась от счастья. - Я просто принимаю ваш подарок. Он очень красивый.

- Это фамильный нож нашей семьи. Надеюсь, он будет верно служить вам и никогда не подведет...

Екатерина подошла к фон Бергу, присела на край кровати и протянула какую-то микстуру в стакане.

- Пейте... Это лекарство.

Он покорно выпил.

- А теперь пейте это. - Она поднесла к его губам мутный теплый напиток в большой фарфоровой кружке.

- А это что за пойло? - подозрительно поинтересовался барон.

- Крепкий куриный бульон. Его прописал вам врач.

- Я его не буду... Ненавижу бульоны. - Фон Берг брезгливо отвернулся от кружки.

- Вы ведете себя как капризный ребенок.

- Мне можно, я вчера чуть не умер...

- К счастью, вы выжили, и вам надо набираться сил. - Она была настойчива и

заботлива. – Будете есть, спать и выполнять все, что положено, пока не поправитесь окончательно.

– Хотите сделать из меня толстого жертвенного барана?

– Вы невыносимы, но я от вас не отстану... Пейте. – Девушка осторожно поднесла к его губам кружку.

– Тогда пододвиньтесь ко мне поближе и помогите сесть. – Превозмогая боль, он обнял ее за талию.

– Вы пользуетесь тем, что больны, и ведете себя, как мальчишка. – Девушка мягко, но твердо сняла его руку со своей талии. – В другой ситуации я вылила бы этот бульон вам на голову, но теперь я просто заставляю его выпить. И не сопротивляйтесь – не получится. Сегодня я сильнее вас. – Она засмеялась, и барон все-таки выпил бульон залпом, как водку. Поморщился:

– Теперь довольны?

– Почти. Осталось принять снотворное, и на сегодня все.

Фон Берг обреченно выпил и его.

– Вы напичкали меня лекарствами по самое горло.

– Для вашего же блага.

– Так говорят все тираны. Чтобы смягчить мои мучения, просто прилягте рядом. Даже на расстоянии вы меня согреете своим присутствием. Ну же, пожалуйста...

– Когда вы поправитесь, я припомню вам все. – Девушка шутливо погрозила барону пальцем. – И месть моя будет страшна. А теперь не капризничайте и спите. Иначе в следующий раз рядом с собой на кровати вы увидите Егора – будет его очередь дежурить около вас.

– Вы хотите моей смерти? Этого я не переживу... Вы сегодня совершенно бессердечны к моим душевным и физическим страданиям. Будьте же милосердны и пожалейте меня хоть немного!

– Не можете не дурачиться! Ну, хорошо, я посижу рядом, пока вы не заснете. – Екатерина смягчилась и опустила на стул, стоявший возле кровати. Генрих взял девушку за руку.

Ее присутствие успокаивало и волновало его одновременно. Сегодня он позволил себе валять дурака и говорить Катрин вольности. Потом можно будет списать это на болезнь.

Ему так многое хотелось ей сказать. Но он этого никогда не сделает – она не будет с ним счастлива, и он не посмеет тревожить ее своими признаниями. Они слишком разные... Холодный законченный эгоист и чистая невинная девушка. Даже если он изменится, что ожидает их в будущем?

При его любви к риску и азарту в охоте, он вряд ли проживет долго... Спокойная жизнь тихого обывателя не для него. И это поменять он не в силах, даже ради Катрин, как цвет глаз или волос. А она будет переживать все его падения, как свои собственные. Как она осунулась за последние дни... Катрин так близко принимает все к сердцу.

Фон Берг наслаждался последними мгновеньями мимолетного счастья от близкого присутствия девушки. Когда он поправится, она уже не будет сидеть рядом с ним и он не будет держать ее за руку...

Крепкий сон начал окутывать Генриха, он закрыл глаза, и дыхание его становилось ровным и глубоким.

– Катрин, не уходите... – попросил он.

– Как же я от вас уйду? Я буду рядом...

Глава 40

Минут через десять в дверь постучали, и не успела девушка ответить, как в комнату уверенно и шумно вошел врач. Его каблуки громко затопали по паркету.

– Тише, он спит, – недовольно прошептала Екатерина и замахала на него рукой. – Приходите позже...

– У меня полно больных. Я не могу ходить к вам по несколько раз на дню. – Врач подошел к кровати, недовольно сверкая пенсне и напоминая очковую кобру. Он осуждающе смотрел на девушку, не видя никакого смысла в ее присутствии около спящего фон Берга.

– Так нельзя. Генрих Александрович только что выпил снотворное. Ему надо отдохнуть.

– А мне надо работать. – Доктор был сердит. – Ничего, уснет еще раз. Выйдите из комнаты и не мешайте. Ему надо сменить повязку, и я не хочу откачивать вас, когда вы свалитесь в обморок при виде крови. Идите, идите отсюда...

Он уселся на стул, с которого бесцеремонно согнал девушку, и довольно энергично потряс Генриха за плечо:

– Проснитесь! Ну же!

Девушке не осталось ничего другого, как выполнить приказ. Она покорно вышла из спальни и закрыла за собой дверь.

– Вам надо переодеться, – заметил ей Егор. – Поищу что-нибудь для вас.

Только теперь Екатерина поняла, что ее внешний вид ужасен. У платья отсутствовала большая часть нижней юбки, отчего оно сидело криво и смотрелось, мягко говоря, странно. Серая шелковая ткань была измята, словно ее долго жевала лошадь. На плече и груди виднелись следы засохшей крови. Пока барон был при смерти, ни она, ни Егор не обращали внимания на такие мелочи.

Скоро Егор принес роскошный шелковый халат с меховой оторочкой.

– Пока можете надеть... Уверен, Генрих Александрович возражать не будет – это его.

– А поменьше не было? – спросила девушка, накинув халат на плечи и утонув в нем.

– Хотите надеть что-нибудь из гардероба графини Рокотовой? Кое-что из ее туалетов тут еще осталось, – живо заинтересовался Егор, озорно сверкнул глазами.

– Ну уж нет, ни за что! – Екатерина взяла халат и пошла в ванную комнату.

Там она сбросила с себя платье, надела халат и придирчиво посмотрела на себя в зеркало – рукава были длинны, а подол волочился за ней, как шлейф. Но в целом все вполне прилично.

Перед ней на полу лежало ее растерзанное и перепачканное платье. Екатерина вспомнила, как с отчаянием разрывала свою нижнюю юбку. Страшные события снова отчетливо пронеслись перед глазами и заставили бешено забиться сердце. Девушка сгребла платье и без сожаления засунула в мусорную корзину – вместе с ним ушли волнения и мрачные воспоминания.

Екатерина вернулась в гостиную, обеими руками придерживая подол халата и стараясь не наступить на него и не упасть. Теперь она выглядела более прилично, но несколько экзотично и причудливо. Егор критично посмотрел на нее.

– Лучше, чем было, но в таком виде можно ходить только по дому. Я позвоню мадемуазель Корде, она подберет для вас что-нибудь соответствующее и пришлет с посыльным.

– Лучше привези мое платье из имения.

- Нет, я не хочу оставлять вас одних. Генрих Александрович все еще болен, а у вас пока недостает опыта. И неизвестно, куда делась графиня. Надеюсь, я ее серьезно ранил и она не скоро оправится. Но рисковать не стоит.

Екатерина не возражала. Она все еще была растеряна от последних событий и решила во всем полагаться на опыт Егора. Он пообещал скоро вернуться и вышел из комнаты.

Вскоре появился доктор. Он одобрительно осмотрел девушку с ног до головы и удовлетворенно хмыкнул:

- Вам давно следовало переодеться. До этого вы напоминали дешевую проститутку с глубокого похмелья. Теперь похоже, что вы вернулись с карнавала. Но, по крайней мере, одеты чисто и не перемазаны кровью.

Екатерина вспыхнула, но промолчала. По виду врача она поняла, что с бароном все хорошо. Остальное ее не волновало. Мнение язвительного доктора о ее внешнем виде было ей абсолютно безразлично.

Врач и правда был очень доволен.

- Ну что ж, дело идет на поправку. Кризис миновал, и все прекрасно!

Он пружинистым шагом подошел к Екатерине.

- Вы спасли жизнь господина барона своим даром.

- С чего вы взяли?

- Для специалиста это сразу заметно - рана почти затянулась.

Доктор расстегнул пиджак и выпятил грудь колесом.

- Продемонстрируйте ваши способности, - потребовал он.

- Я не могу просто так... - Екатерина замялась от неожиданности.

- Можете. Вы состоите в Братстве и обязаны помогать не только тем, кто вам симпатичен или в кого вы без памяти влюблены.

Девушка покраснела и порадовалась, что Егора нет в комнате.

- Вы говорите недопустимые вещи...

- Я говорю, что вижу. Приступайте, у меня мало времени.

Девушка покорно приложила руку к груди доктора и сосредоточилась. Ладонь ее потеплела.

- Отлично, отлично, - довольно замурлыкал врач. - Как долго может действовать ваша способность?

- Я не знаю... Думаю, я сидела около господина барона часа три или больше... Не могу сказать...

- Плохо. В следующий раз постарайтесь засечь время... Это важно, - доктор, похоже, не представлял, что девушке могло быть просто не до этого.

Он положил руки на плечи Екатерины. Потом потрогал ее спину и живот.

- Что вы себе позволяете! - Она была возмущена до глубины души. - Не смейте ко мне прикасаться! Вы циник и хам!

- Я - врач, поэтому я циник. Не кипятитесь, это чисто профессиональный интерес. Как женщина вы мне безразличны - слишком худая, не в моем вкусе... Однако как жаль, что только ваши ладони излучают тепло... Если бы все ваше тело работало так же, вам бы цены не было при лечении переохлаждения.

- Да что вы несете! Я не печка и не грелка! – она возмутилась и вместе с тем порадовалась, что ее дар имел ограниченные свойства.

- Ну ничего, так тоже очень даже неплохо. – Врач был доволен и не слушал ее сердитых возгласов. Его оживление, очевидно, было вызвано улучшением здоровья барона. – Буду при необходимости обращаться за вашей помощью. Надеюсь, это будет не часто – очень утомляют тяжелые ранения.

- Всегда буду рада помочь, – девушка говорила искренне, но ее возмущение еще не утихло.

Хотя доктор и был циник, но она тем не менее была благодарна ему за заботу о Генрихе. Тем более что он, и правда, был отличный специалист. А цинизм – не самый страшный из человеческих грехов.

- Можете вернуться к господину фон Бергу и снова взять его за руку, он наверняка ждет этого. Хотя ваше присутствие теперь уже не будет иметь практического значения для его выздоровления. Халатик вам очень к лицу, думаю, наш больной его оценит.

Врач уверенно расстегнул верхнюю пуговицу на халате девушки и приспустил его с плеч Екатерины:

- Поверьте, так вашему обожаемому пациенту понравится намного больше. – Доктор пошловато хмыкнул. – Всего доброго. Зайду еще, возможно, завтра.

Он стремительно удалился, оставив за собой резкий больничный запах спирта и валерьянки.

Глава 41

Прошел еще день. Миновала ночь. Был уже полдень, а фон Берг все еще крепко спал. Егор на всякий случай остался сидеть рядом с ним в кресле подле его кровати. Но уже было понятно, что опасность для жизни Генриха миновала, и силы быстро возвращаются к нему.

Екатерина решила, что теперь может позволить себе отдых. Она уютно чувствовала себя в просторном шелковом халате и не хотела из него выбираться. В нем она напоминала себе коронованную особу в роскошной мантии.

Девушке захотелось пройтись по анфиладам комнат и осмотреться. Она медленно шла по бесконечным роскошным залам, и ее шаги гулко раздавались в сонной тишине. Тяжелая шелковая «мантия» величественно волочилась за ней по наборному паркету.

Иногда Екатерина останавливалась около заинтересовавшей ее картины или статуи – у барона была великолепная коллекция произведений искусства. В одном из залов стоял рояль, и девушка вспомнила, как они играли с Генрихом в четыре руки. Ее пальцы легко пробежали по клавишам. Звуки рояля эхом отозвались в чередке комнат. Возможно, когда-нибудь они смогут повторить это.

За несколько дней пребывания в квартире барона, Екатерина только сегодня смогла разглядеть и по достоинству оценить ее великолепную обстановку. Комфорт, роскошь и тонкий вкус. Впрочем, она никогда не сомневалась, что квартира Генриха будет выглядеть примерно так.

Екатерина решила принять ванну и расслабиться после напряженных дней. Она вполне заслужила это – можно немного понежиться в теплой воде. Светлая и полная воздуха ванная комната по великолепию напоминала римскую купальню.

Девушка долго лежала в просторной мраморной ванне, больше похожей на бассейн, и с наслаждением вдыхала запах ароматической соли, которую щедро насыпала в воду. Над головой на потолке плавали белесые, как призраки, рыбы-вуалехвосты в зарослях бледно-зеленых кувшинок. По стенам извивались те же кувшинки с большими круглыми листьями на причудливых стеблях. Над ними порхали прозрачные стрекозы и перламутровые мотыльки.

Девушка вышла из воды, как Афродита из морской пены, и почувствовала себя словно рожденной заново – все тревоги и волнения остались в прошлом. Мраморный пол приятно охлаждал ее ступни. Она перешагнула на пушистый ковер и завернулась в большое полотенце. Из приоткрытого окна с зелеными и желтыми стеклами веяло послеполуденной жарой, легкий ветерок шевелил листья веерной пальмы в фарфоровой кадке.

Екатерина с некоторым сожалением сменила уютный халат на платье, присланное мадемуазель Корде. Пора было принять приличный вид. Однако платье было прелестно, как и все, что изготавливалось в модном ателье известной француженки – тонкий лен цвета персидской сирени и немного венецианского кружева. Простое и изящное, оно отлично подошло девушке. Мадемуазель Корде умела безошибочно распознавать предпочтения своих клиентов, и это был один из ее многочисленных талантов.

Еще немного бесцельно послонявшись по комнатам, Екатерина решила занять себя чтением. Она направилась в кабинет и открыла высокую дубовую дверь. Кабинет Генриха, как и в поместье, был аскетичен и строг. Немного мебели и большие остекленные шкафы, до отказа заполненные книгами. Здесь тоже на стене висели портреты родителей Генриха. Плотные шторы приглушали яркий солнечный свет и не пускали внутрь летний зной.

Загадочный полумрак и прохлада царили в комнате. Екатерина прошла в кабинет и взяла из шкафа книгу с золотым тиснением на корешке. Уселась на диван и погрузилась в чтение пьес Шекспира. Но это длилось недолго.

Последние дни Екатерина постоянно находилась в напряжении и страхе за жизнь барона. Теперь ее снова начали обуревать противоречивые мысли. А если бы он умер? Это было бы ужасно. Она даже сейчас боялась об этом думать, и на душе сразу

становилось холодно, пусто и страшно. Но она переживала бы так же и за Алексея, случись с ним подобное. Или не так? Конечно, не так, просто она сама себе боится в этом признаться. Екатерина отогнала от себя эту мысль, как что-то тревожное и непонятное.

Почему барон иногда зовет ее «Катрин»? Но только в бреду или в полусне. Он будто боится ее так назвать в жизни. Опасается, что она будет недовольна? Можно было бы его об этом спросить напрямую, но она этого делать не будет... Да они вообще оба избегают обращаться друг к другу по имени. Почему? Что их связывает? Только Служение? Нет, конечно нет... А что отталкивает? Они совсем разные. Во всем. Значит, и связывать ничего не может... Но что-то же влечет ее к этому холодному аристократу? Почему-то она переживает за него, как ни за кого другого? И происходит это помимо ее воли.

Екатерина в очередной раз отогнала от себя навязчивые мысли и опять уткнулась в книгу. Но не могла перестать думать о Генрихе. Им надо научиться ладить между собой ради Служения. Они и ладят. И должны доверять друг другу. Но, кажется, они уже давно доверяют. Так что же все-таки не так? Какая-то недоговоренность в их отношениях все равно остается.

Екатерина подсознательно понимала, что боится задать себе самый простой и важный для нее вопрос. Возможно, именно поэтому она и запуталась в своих чувствах. Девушка поставила книгу на место и вернулась в гостиную.

И была обрадована и удивлена, увидев там барона. Он сидел в глубоком кресле и выглядел неплохо, хотя и был еще очень бледен.

- Зачем вы встали? – не удержалась от упрека девушка.
- Сколько можно лежать? Я уже несколько дней только сплю, ем и пью микстуры. – Он с трудом поднялся ей навстречу.
- Зато вы почти выздоровели.
- Я уже здоров, без всяких «почти». Даже доктор так считает.
- Вы еще бледны как полотно.
- Это скоро пройдет. Врач сказал, что вы меня спасли. А я ничего не помню... Жаль...
- Вы были без сознания, поэтому и не помните.
- Вы сидели рядом со мной всю ночь. – Он пытливо смотрел на нее.
- Я не знаю, сколько это продолжалось, – призналась девушка и потупилась под его пристальным взглядом.
- Зато Егор знает. Он пытался вас увести, но вы остались со мной и вернули меня к жизни. Если бы не вы...

Генрих подошел к ней и на мгновение замер, будто в нерешительности. Екатерина видела, что в нем борются противоречивые чувства. То же испытывала и она.

Но уже в следующее мгновение он осторожно обнял ее за талию, привлек к себе и крепко поцеловал. Она легко выскользнула из его объятий и замахнулась, чтобы в очередной раз попытаться дать ему пощечину. И снова, как в разрушенной беседке, он перехватил ее руку. Только теперь ее незавершенный удар не был таким сильным, скорее, она это сделала инстинктивно, против своей воли. И барон держал ее запястье нежно и бережно.

- Как вы посмели? – Она была возмущена его вольностью, но не пыталась вырвать руку, и он продолжал осторожно сжимать ее.
- Что вас так возмутило?
- Вы поцеловали меня, как свою любовницу!
- Ничего подобного. Я никогда в жизни никого так не целовал. К тому же я только

вернул ваш поцелуй...

- Вы тогда умирали.

- Значит, чтобы вы еще раз поцеловали меня, мне опять надо оказаться при смерти? - Он улыбался, глядя на нее.

- Да! - она была резка и сердита. - Нет, конечно нет... Прекратите... Еще раз этого я не переживу, - искренне призналась она. - А вы, как всегда, все переворачиваете с ног на голову. Вы просто невозможный человек!

- Тогда позвольте поцеловать вашу руку в знак моей безграничной признательности. - Он смотрел на нее с теплотой.

Она смягчилась:

- Ну, хорошо, руку можно. Извольте...

Фон Берг осторожно, как сокровище, взял ее руку и поднес к губам. Он повернул ее ладонью вверх и поцеловал долгим поцелуем в запястье, туда, где бешено бился ее пульс.

Она вздрогнула, но не отняла руки. Девушка почувствовала трепет его пальцев. Она вспомнила полутемный пустой зал, странный танец и наваждение, которое накрыло их обоих. Ее голова снова закружилась, и она невольно преклонила ее на плече Генриха.

- Что вы делаете? - проговорила она, почти теряя сознание.

- На этот раз я спросил вашего позволения, - он говорил тихо, почти шепотом.

- Я позволила вам только поцеловать мою руку...

- Я ничего другого себе и не позволил, Катрин... Я никогда не смогу обидеть вас, тем более оскорбить или причинить боль. Вы - самое дорогое, что есть в моей жизни.

- Вы мне тоже бесконечно дороги, Генрих. Если бы вы умерли, я бы тоже умерла...

Они стояли, обнявшись, и время для них прекратило свой бег. Весь мир был где-то очень, очень далеко.

- Так что это было? - тихо спросила девушка, глядя в стальные глаза Генриха доверчиво и с нежностью.

- Наваждение... - эхом ответил он ей, не отрывая напряженного взгляда от ее темных глаз.

В дверь постучали.

- Не сейчас, - попросил Генрих.

Настойчивый стук раздался снова:

- Простите, Генрих Александрович, но это срочно.

- Зайди, Егор, - обреченно проговорил фон Берг, не выпуская Екатерину из своих объятий.

- Еще раз простите. - Егор виновато потупился и смотрел в пол. - Срочно, курьер от Магистра.

- Прошу тебя, дай нам две минуты...

Егор вышел и плотно закрыл за собой дверь.

- Катрин, вы понимаете, что так будет постоянно? - он смотрел ей в лицо с какой-то обреченностью.

- Пусть. Это не страшно. Если вы всегда будете рядом. - Она виновато улыбнулась,

поняв, что желает невозможного. – Хотя бы мысленно рядом... Обещаете?

Она доверчиво прижалась к нему. Он еще крепче обнял девушку:

– Обещаю.

Две минуты закончились, они возвращались в холодную и опасную реальность...